

Антропологии

Anthropologies

№ 1 (2021)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сергей Алымов

(ИЭА РАН), главный редактор

Дмитрий Арзютов

(Королевский технологический институт, Швеция)

Эльза-Баир Гучинова

(Калмыцкий научный центр РАН)

Роман Игнатьев

(ИЭА РАН)

Анна Круглова

(НИУ ВШЭ)

Игорь Кузнецов

(Кубанский государственный университет, Институт
языкознания РАН)

Ксения Пименова

(Национальный фонд научных исследований /
Свободный университет Брюсселя, Бельгия)

Анна Соколова

(ИЭА РАН)

Елена Филиппова

(ИЭА РАН), заместитель главного редактора

Ольга Христофорова

(РГГУ/РАНХиГС)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Аня Бернштейн

(Гарвардский университет, США)

Катрин Бун-Маркузе

(Университет Вашингтона, США)

Брюс Грант

(Нью-Йоркский университет, США)

Наталья Жуковская

(ИЭА РАН)

Сергей Ушакин

(Принстонский университет, США)

Дмитрий Функ

(ИЭА РАН)

Питер Швайцер

(Венский университет, Австрия)

ОТДЕЛ РЕЦЕНЗИЙ

Александр Басов (ИЭА РАН)

Святослав Ковальский (ИЭА РАН)

Содержание

От редакции: Представляем Центр Норберта Элиаса	5
Е. Бюро-Пуан, С. Доурн. Ядохимикаты и пищевые страхи в Камбодже	6
С. Лезур. От плантаций на востоке Эфиопии до международных рынков: кат под контролем	31
К. Деммер. Горняцкий национализм, никелевая промышленность и деколонизация в Новой Каледонии	49
Ж. Браше, Ю. Шиле. Политэкономика натрона в регионе Борку (Республика Чад)	62
М. Бланшар Европейское гражданство, итальянская национальность и официальный миф «возвращения»: аргентинцы и чилийцы – потомки итальянских эмигрантов	78
Дж. Блундо. Коррупция и государство в Сахеле	97
А. Марсьяль Архивные свидетельства о происхождении. Письменные и вещественные следы биологического родства в документах Службы защиты детей (Франция, 1995-2015 гг.)	121
Э. Фожер, Д. Дюсси. О препятствиях на пути “зеленого” пчеловодства во Франции: антропологическая перспектива	138

Рецензии

Ф. Пестей. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbury Academic, 2019.	154
О.Д. Фаис-Леутская. Пищевые ценности Европы в парадигме антропологии. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbury Academic, 2019.	159
S.V. Kostelyanets. Review of Brachet J., Scheele J. (Eds.) The value of disorder: autonomy, prosperity, and plunder in the Chadian Sahara. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. (In English).....	164

Некролог

И.В. Кузнецов Рэймонд Фогельсон (23.08.1933 – 20.01.2020).....	168
---	-----

INSTITUTE OF ETHNOLOGY
AND ANTHROPOLOGY
RAS

Антропологии

Anthropologies

№ 1 (2021)

EDITORIAL BOARD

Sergei Alymov

(IEA RAS)

Dmitry Arzyutov

(KTH Royal Institute of Technology, Sweden)

Elsa-Bair Guchinova

(Kalmyk Scientific Center, RAS)

Roman Ignatiev

(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Anna Kruglova

(Higher School of Economics)

Igor Kuznetsov

(Kuban State University/Institute of Linguistics, RAS)

Anna Sokolova

(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Ksenia Pimenova

(National Fund for Scientific Research/Free University of Brussels, Belgium)

Elena Filippova

(IEA RAS)

Olga Khristoforova

(Russian State University for Humanities/Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

ADVISORY BOARD

Anya Bernstein

(Harvard University)

Kathryn Bunn-Marcuse

(University of Washington)

Bruce Grant

(New York University)

Nataliya Zhukovskaya

(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Serguei Oushakine

(Princeton University)

Dmitry Funk

(Institute of Ethnology and Anthropology, RAS)

Peter Schweitzer

(University of Vienna)

REVIEWS

Aleksandr Basov

(IEA RAS)

Sviatoslav Kovalskii

(IEA RAS)

Contents

From Editors: Presenting the Norbert Elias Center	5
E. Bureau-Point, S. Doeurn. Chemical Substances and Food Scares in Cambodia	6
C. Lesourd. From Plantations in East Ethiopia to International Markets: Kat under Control	31
C. Demmer. Kanak mining nationalism and “positioning” of mining and metallurgic companies in Nouvelle-Calédonie	49
J. Brachet, J. Scheele. The Political Economy of Natron in Borkou (Chad)	62
M. Blanchard. European Citizenship, Italian Nationality and the “Institutional Myth” of Return: the Case of Argentinians and Chileans of Italian Descent	78
G. Blundo. Corruption and the State in the Sahel)	97
A. Martial. Archives of Origins. Traces and Narrative (Dis) Continuities in the Archives of France’s Child Welfare System (France, 1995–2015)	121
E. Faugère, D. Dussy. Obstacles to Greener Beekeeping in France. An Anthropological Approach	138

Reviews

F. Pesteil. Review of Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbury Academic, 2019.	154
O.D. Fais-Leutkaia. Europe’s Food Values in Anthropological Paradigm. Review of Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbury Academic, 2019.....	159
S.V. Kostelyanets. Review of Brachet J., Scheele J. (Eds.) The value of disorder: autonomy, prosperity, and plunder in the Chadian Sahara. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.	164

In memoriam

Raymond D. Fogelson (23.08.1933 – 20.01.2020)	168
--	-----

Представляем Центр Норберта Элиаса (Франция)

Одно из основных направлений нового журнала «Антропологии», первый номер которого мы сегодня предлагаем читателям, – знакомство с различными центрами производства антропологического знания: институтами, кафедрами и лабораториями из разных стран. Мы хотим таким образом продемонстрировать разнообразие объектов и подходов, выявить общие тенденции нынешнего этапа развития нашей дисциплины и ее «национальные» особенности.

Начнем знакомство с Центра Норберта Элиаса, сотрудники которого с энтузиазмом приняли наше приглашение и прислали свои недавно опубликованные или специально написанные для нашего журнала статьи. Центр создан в 1984 г. на базе Высшей школы социальных наук в Марселе и университета города Авиньон, а свое нынешнее название получил в 2001 году. Оно не случайно: фигура Норберта Элиаса воплощает в себе философию мультидисциплинарности и сравнительно-исторического подхода, внимания к социальным структурам и процессам социогенеза. Продолжая давнюю французскую традицию антропологического изучения бывших колоний в Африке, Юго-восточной Азии и Океании, сотрудники центра не оставляют без внимания и процессы, идущие в Европе и собственно во Франции.

С 2014 г. Центр является «смешанным исследовательским центром». Такие центры – основное звено структуры научных организаций Франции – обеспечивают связь науки и образования благодаря объединению одной или нескольких научных лабораторий с университетом. Сегодня Центр Норберта Элиаса – это 43 исследователя и 71 докторант: антропологи, историки, социологи, а также специалисты в области информатики и коммуникации. С 2021 года центром коллегиально руководят Аньес Марсьяль, Аксель Бродье, Джорджо Блундо и Стефани Дюран.

Обладея существенной автономией и располагая собственным бюджетом, смешанные исследовательские центры самостоятельно определяют направления своей деятельности. У Центра Норберта Элиаса таких направлений четыре:

- пространства и границы политического;
- экология и здоровье;
- культурные процессы и формы;
- семья и родство.

Мы постарались подобрать статьи таким образом, чтобы представить каждое из направлений. Дополнением номера стали рецензии на две монографии, написанные сотрудниками Центра.

Желаем вам интересного чтения и вместе с авторами будем рады обратной связи.

Редакция «Антропологий»

© Е. Бюро-Пуан

© С. Доурн

ЯДОХИМИКАТЫ И ПИЩЕВЫЕ СТРАХИ В КАМБОДЖЕ

Ключевые слова: пестициды, пищевые страхи, воображаемое, невидимое, здоровье, Камбоджа

Химические вещества, присутствующие в пищевых продуктах, вызывают все большее общественное беспокойство в Камбодже. Мысль о том, что пища содержит остатки этих невидимых, но вредных для здоровья субстанций, утвердилась в умах. Различные пищевые страхи формируют новое коллективное воображаемое, и каждый старается выработать определенную стратегию, чтобы справиться с ними. На основании этнографического исследования среди горожан, сельскохозяйственных производителей, продавцов риса и зелени, а также продавцов химикатов, проведенного в период между июнем 2018 и мартом 2019 гг., мы проанализируем коллективное воображаемое о пищевых продуктах и формы приспособления, которые вырабатываются в ответ на пищевые страхи.

В ходе нашего предыдущего полевого исследования, посвященного использованию медикаментов в Камбодже (Globalmed 2015–2016), в интервью постоянно возникала тема беспокойности наших респондентов присутствием химикатов в пищевых продуктах. Они рассказывали, что чаще болеют и принимают больше лекарств, чем раньше. Все связывали состояние здоровья с наличием химикатов в пище. В этом в первую очередь обвиняли способ сельскохозяйственного производства с массовым применением កម្រិត គីមី (термин, обозначающий удобрения и пестициды)¹. Таким образом, следы химикатов в продуктах питания являются предметом растущего коллективного беспокойства в стране. Из этого исследования выросло новое, нацеленное на изучение влияния пестицидов на повседневную жизнь и формирование санитарных рисков². Данная статья представляет анализ первичных этнографических данных, позволивших получить исчерпывающую информацию по изучаемой проблеме³.

Если на протяжении десятилетий синтетические пестициды, используемые в сельском хозяйстве, рассматривались как революционное изобретение, позволяющее защищать растения от вредителей, повышать урожайность культур и благодаря этому обеспечивать потребности растущего населения Земли, то теперь эти вещества все чаще становятся синонимами угрозы

Ева Бюро-Пуан | <https://orcid.org/0000-0003-4827-4046> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | eve.bureau-point@univ-amu.fr

Сейха Доурн – ECOLAND, Université Royale d'Agriculture, Cambodge, Phnom Penh.

Статья впервые опубликована в журнале “Moussons”, 2019, 2 (34): 109–140. На русском языке публикуется с согласия авторов и редакции журнала.

Для цитирования: Бюро-Пуан Е., Доурн С. Ядохимикаты и пищевые страхи в Камбодже // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 6-30. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/6-30>.

здоровью не только в Камбодже, но и по всей планете (FAO 2011). Этот новый взгляд на химикаты не проходит без последствий для отношения людей к своему здоровью и к тому, что они едят. Наше этнографическое исследование дало возможность изучить, во-первых, пищевые страхи, возникающие в ответ на представления о пестицидах, во-вторых, то, как люди объясняют эти страхи, и в-третьих – какие стратегии и практики они избирают, чтобы примириться с ними. В соответствии с этими тремя уровнями информации выстроена структура статьи. Мы увидим, как изменилось отношение к питанию под влиянием новой, воспринимаемой как угрожающая, реальности, и таким образом уточним редкие пока в антропологии знания о взаимосвязи между химикатами, пищей и здоровьем.

Наши размышления вписываются в тему продовольственной безопасности, отсутствие которой обычно понимается как “ограниченная или негарантированная доступность качественных и безопасных продуктов” (INSERM 2014: 239). Продовольствие и здоровье оказываются здесь тесно связанными между собой. Данное исследование продолжает работы в области социологии и антропологии питания, в которых продукты находятся на стыке между миром еды и миром здоровья (Hubert 1991, Cohen et al. 2017, Fournier, Poulain 2017). Публикации на эту тему растут как снежный ком по мере того как растет понимание пищи как, с одной стороны, способа поддержания здоровья и предотвращения болезней, а с другой – как источника беспокойства по поводу рисков для здоровья, порождаемых ее возможным загрязнением химикатами (Poulain 2009). С 1990 х гг. появляются работы о неуверенности и рисках, неразрывно связанных с едой (Apfelbaum 1998, Fischler 1990). Они продолжают традицию исследования рисков как таковых, точнее, рисков, порождаемых самим обществом. Напомним, что “общество риска” (Beck 2008 [1986], Peretti-Watel 2010) характеризуется растущей рационализацией рисков, возложением на государство всеобщего благосостояния ответственности за свое население и расширением прав и возможностей людей (Dardot, Laval 2010). В контексте нашего исследования пестициды создают атмосферу недоверия, ожидания общественного контроля рисков, они вызывают реакцию на новую реальность, воспринимаемую как угрожающую, и побуждают к ее корректировке на разных уровнях. Социальные науки отражают общий рост рефлексивности, распространяющейся и на вопросы питания (Hubert 2001, Poulain 2009). Эта рефлексивность рождается в процессе урбанизации обществ и реорганизации сельскохозяйственного производства путем его механизации и растущей химизации (Jas 2014). Постепенно увеличивающаяся дистанция между продуктом и его потребителем оставляет все больше места для сомнений (Vialles 2004). Еда отныне включена в планетарную индустриальную цепочку производства и продажи “с присущей ей непрозрачностью способов трансформации продукта и протяженностью его пути от производителя до потребителя” (ibid.: 11). Важно подчеркнуть, однако, что все приведенные выше работы относятся к западному обществу и в меньшей степени – к странам с более поздней индустриализацией их пищевой системы. Несмотря на появление, вслед за серией получивших широкую огласку пищевых скандалов, нескольких публикаций о падении доверия к продуктам питания в Китае (Yan 2012, Wang et al. 2015), в целом проблема коллективного воображаемого, связанного с пищевыми рисками, остается мало изученной в антропологии вообще⁴ и применительно к Камбодже в особенности. Настоящая статья призвана восполнить этот недостаток и описать связь между представлениями о пестицидах и пище в аграрном обществе, где, несмотря на быструю урбанизацию, еще сохраняется близость потребителей к сельскохозяйственному производству. Понятие “воображаемого” представляется нам удачным для такого анализа по двум причинам. С одной стороны, невидимость химических веществ затрудняет неспециалистам возможность представить их себе, оценить их количество и понять их действие. Не будучи в состоянии рационально оценить

опасность, люди лишь приблизительно могут вообразить себе, как эти вещества влияют на них, на других людей и на окружающую среду. С другой стороны, сами эти вещества имеют амбивалентный характер (они могут быть лекарством или отравой, могут лечить или убивать); о них говорят прямо противоположное (призывая продолжать использовать или полностью запретить); их свойства сложны и непонятны (токсичность вещества зависит от каждой молекулы, срок его разложения варьирует от нескольких часов до нескольких веков, его негативное воздействие может иметь множество причин). В этом контексте неуверенности и противоречий воображаемое становится основным механизмом осмысления. Вслед за А. Аппадурой мы рассмотрим, как образы, распространяющиеся поверх национальных границ, формируют “работу воображения” (*Appadurai* 2015). Затем мы обратим внимание на практики. Последние иногда не соответствуют дискурсу, позволяя тем самым лучше понять содержание коллективного воображаемого, которое иногда непросто выразить словами. Мы расскажем о народных способах предохранения от рисков, наблюдаемых в ситуации недостаточного и неэффективного общественного контроля безопасности продуктов.

Камбоджа не знала “зеленой революции”⁵, начавшейся в других странах в 1970-е гг. Вместо этого там случилась революция красных кхмеров (1975–1979), целью которой были изоляция страны от остального мира и уничтожение любых следов “современности” во имя аграрной утопии. В результате длительного периода хаоса и незащищенности, воцарившегося в стране, последняя оставалась в стороне от аграрной индустриализации вплоть до 1990-х гг. Хотя отдельные пестициды использовались в аграрном секторе еще при французском протекторате, господствовало все же традиционное семейное сельскохозяйственное производство. Можно считать, что химизация сельского хозяйства началась в Камбодже лишь к концу этого десятилетия, в момент рыночной либерализации и вступления в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) (*Rambonilaza, Neang* 2019). И с этих пор использование химикатов только росло (*Kimkhuy, Chhay* 2014). В стране отмечается быстрый экономический рост⁶, при этом она остается аграрной – 79% населения живет в сельской местности (*Ingall et al.* 2018). Основой аграрного сектора являются рис (74% посевных площадей) и другие высокоурожайные культуры: каучуковое дерево, кукуруза, соя и маниок, в основном предназначенные на экспорт. Овощи идут большей частью на внутренний рынок и покрывают меньше половины его потребностей (GRET/CIRD 2018). Недостающее поставляется преимущественно из Вьетнама, Таиланда и Китая. Быстро развивается производство фруктов, параллельно расширяется экспорт некоторых из них (например, манго). Большинство производителей сельхозпродукции имеют небольшие наделы земли (менее 2 га на хозяйство) и испытывают постоянные затруднения.

Во время наших исследований в июне 2018 – марте 2019 гг. мы смогли опросить около ста человек (сельхозпроизводителей, людей, живущих по соседству с сельскохозяйственными хозяйствами, продавцов пестицидов, риса, фруктов и овощей, медицинских работников, государственных чиновников, представителей неправительственных организаций, горожан) в Пномпене и двух главных провинциях: Баттамбанге, считающейся рисовой кладовой Камбоджи, и Кандале, известной благодаря массовому производству овощей и фруктов, а также злоупотреблению пестицидами. Пномпень интересовал нас как экономический и политический центр страны, где мы могли встретиться с представителями регулирующих инстанций, а также с потребителями, максимально далекими от аграрного мира. Дополнительно был предпринят краткосрочный (четырёхдневный) выезд в провинцию Свайриенг, чтобы познакомиться с аграрными практиками в бедном регионе, менее затронутом интенсификацией сельскохозяйственного производства.

Состав опрошенных выглядит так (таб. 1):

	Пномпень	Баттамбанг	Кандал	Свайриенг
Производители риса		12		2
Производители манго			6	
Производители овощей		3	8	5
Окрестные жители		1	1	
Продавцы химикатов	5	5	3	1
Продавцы риса и свежей продукции	13	3	2	4
Мед. работники	2	2	4	2
Представители НПО и муниципальных организаций	9	3	1	2
Горожане	8	3		
Всего	47	34	26	16

Опрос затрагивал следующие темы: воображаемое по поводу пестицидов и пищевых продуктов; место приобретения пестицидов и сельскохозяйственные практики (для тех, к кому применимо); способы регулирования в сфере применения пестицидов и производства продуктов питания; пищевые практики; отношение к здоровью. В некоторых интервью участвовали одновременно несколько сельхозпроизводителей и продавцов химикатов. В этой статье не используются все полученные данные и не рассматриваются все темы, обсуждавшиеся в ходе интервью. Мы ограничимся проблемой пищевых страхов. При выборе респондентов мы старались максимально разнообразить их характеристики (пол, возраст, социально-экономический статус), чтобы получить широкий спектр точек зрения и практик. Всем – будь то государственные чиновники или фермеры – задавались вопросы об их представлениях о пестицидах и об их пищевых практиках. В настоящей статье мы называем их всех “потребителями”, поскольку речь идет о потреблении пищевых продуктов. Интервью проводились как в сельской местности, так и в городах, чтобы выслушать мнения людей более и менее близких к сельскому хозяйству, но при этом равно подвергающихся риску в связи с сохраняющимися в пище остатками пестицидов. Исследование проводилось в тандеме двумя авторами настоящей статьи: антропологу Е. Бюро-Пуан помогала в качестве переводчика С. Доурн, по первому образованию – инженер пищевой промышленности, получившая дополнительное образование в области методов социальных наук. Если респонденты не возражали, мы записывали интервью на диктофон и впоследствии расшифровывали их. Дословные цитаты из интервью, приводимые в статье, иллюстрируют содержание коллективного воображаемого и пищевые практики. Практически каждому примеру соответствует контр-пример, что отражает многообразие человеческих взглядов и поступков. Тем не менее полученные ответы дают исчерпывающее представление о коллективных мыслях и практиках. В дальнейшем эта информация может быть дополнена и подвергнута сравнению с данными по другим провинциям Камбоджи или другим странам.

Пищевые страхи

Наши интервью свидетельствуют о растущей утрате доверия к пищевым продуктам. Тема еды все больше ассоциируется с химическими веществами и их пагубными последствиями. Опрошенные в один голос повторяли: “сегодня все только об этом и говорят”. Предваряя наш

анализ, приведем выдержки из интервью, где речь идет, в частности, о разрыве между прошлым, когда пища воспринималась как здоровая, и настоящим, когда она, как считается, стала нездоровой и зараженной.

Можно сказать, что сейчас везде одно и то же. Например, хочешь поесть цветов или стеблей банана и идешь за ними на рынок – а в них во всех ជំងឺគីមី [химикаты]. Даже прахок (ферментированная рыбная паста) содержит ថ្នាំ [медикаменты]. Вот почему я ее не часто ем [...] Сегодня химия повсюду (фермер, 50 лет, провинция Канда, август 2018 г.).

Раньше можно было найти натуральные овощи, теперь их больше нет. Даже водяной шпинат подкармливают ដី (удобрениями). [...] Я слышала (не знаю, правда ли это), что листовая капуста изначально вот такая маленькая [показывает], перед продажей ее замачивают на ночь в специальной емкости – и она становится больше. Видишь! Если вот так везде будут химикаты, то кхмеры все вымрут (продавщица, 69 лет, Пномпень, сентябрь 2018 г.).

Для меня сейчас поесть – это проблема [...]. Знаете, почему? Потому что мы теперь боимся есть овощи, но не есть овощей – это нехорошо для здоровья (продавец пестицидов, 48 лет, провинция Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Я редко готовлю овощи, кроме тыквы и папайи, которые выращиваю сама. Я знаю, что овощи обильно опрыскивают ថ្នាំ [медикаментами], поэтому я их не ем (женщина-фермер, 58 лет, провинция Канда, декабрь 2018 г.).

Возьмем огурцы: вечером они вот такие [показывает мизинец] – а наутро становятся большими. Их вечером поливают ថ្នាំ [медикаментами], а утром собирают... С помощью химии всего можно добиться (фермер, 60 лет, провинция Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

В приведенных цитатах мы сохранили местные термины, которыми обозначаются химические вещества, с целью обратить внимание на то, как опрошенные называют и классифицируют окружающие их элементы. У слов есть история, и выбор слова для перевода означающего с одного языка на другой небезразличен. В данном случае для обозначения химикатов вообще используется слово គីមី – производное от английского *chemical*⁷. Термин “пестициды” чаще всего переводится словосочетанием ថ្នាំ គីមី. Этот перевод не является нейтральным из-за содержащегося в нем слова គីមី, которым чаще всего обозначаются медикаменты⁸. Подобно концепту “средства защиты растений” (фр. *produit phytosanitaire*, англ. *crop protection product*), перевод слова “пестициды” на кхмерский язык имеет позитивную коннотацию, отсылая к идее заботы и защиты. Такой перевод мог способствовать распространению соответствующей модели применения химикатов и их успешной продаже. Это нужно иметь в виду при изучении восприятия химикатов в Камбодже. Однако настоящее незавершенное пока исследование показывает, что использование термина ថ្នាំ គីមី не мешает формированию критического и негативного взгляда на эти вещества, хотя фермеры периодически подчеркивают их амбивалентность, в частности, то, что пестициды позволяют получать большие урожаи при меньших затратах.

Выдержки из интервью хорошо иллюстрируют распространенное мнение о том, что доступ к здоровой пище отныне затруднен. В коллективном воображаемом натуральные продукты становятся редкостью, а власть химии распространяется все шире. Один из фермеров, который помнит об использовании пестицидов на хлопковых плантациях при французском протекторате, охарактеризовал современную ситуацию как “химический колониализм” (провинция Баттамбанг, 58 лет, сентябрь 2018 г.). Мысль об ответственности человека за это всеоб-

щее заражение также явно прослеживается в интервью. Неоднократно встречающийся термин 指挥官 – “командовать” – говорит о возможности изменять природу с помощью химикатов, “приказывая” растениям быстрее давать цветы или плоды. Опрошенные представляют себя жертвами системы питания, в рамках которой стало трудно избежать негативных воздействий и защититься от них.

Хотя наше исследование направлено на изучение пестицидов, приведенные выдержки из интервью показывают, что, когда речь идет о продуктах питания, в формировании пищевых страхов участвуют любые химические вещества, следы которых могут в них присутствовать. Помимо пестицидов, массовое использование удобрений, ускорителей роста, называемых также “гормонами”, и консервантов также волнует население. В погоне за конкурентоспособностью на рынке производители и продавцы продуктов питания стремятся раньше убрать урожай, пока не снизились цены, а также дольше сохранить продукцию. Бура, формалин и гидросульфит натрия, отбеливатель и консерванты, часто обнаруживающиеся в овощах и фруктах, рыбе и морепродуктах, привлекают к себе внимание Министерства здравоохранения и всего населения.

После того как о подобных практиках стало известно, правительство снабдило инспекторов на рынках специальными приборами для выявления химикатов в продуктах (интервью с сотрудниками Департамента медикаментов и продовольствия Министерства здравоохранения, Пномпень, 2018 г.). Продавцы на некоторых рынках Пномпеня и Баттамбанга упоминали более или менее регулярные рейды таких инспекторов. В 2018 г. была создана государственная контрольная лаборатория при министерстве Сельского хозяйства, где фермеры и предприятия могут за деньги тестировать плодоовощную продукцию. Один из чиновников министерства объяснил нам, что у правительства нет бюджетных средств на эти цели. Кроме того, опасения населения касаются животной продукции (рыбы, птицы, свинины и т.п.). Потому люди стараются избегать мяса и рыбы, выращенных на фермах. Упомянулось также использование химикатов предприятиями пищевой промышленности (например, при переработке риса). Важно напомнить, что распространению страхов способствует развитие социальных сетей вроде *Facebook*, которые становятся основным инструментом доступа к глобальной информации и изображениям. Хотя наши собеседники утверждали, что обычно не принимают на веру информацию из интернета, все же то, что люди видят и читают в сети, будь то правда или вымысел, определенным образом ориентирует их представление о продуктах. В наших беседах часто всплывали два дела, бросающих тень на перерабатывающие предприятия. В первом случае речь шла о переработке кофе во Вьетнаме с применением химикатов из использованных батареек (*Khan Vu* 2018), во втором – о пластиковом рисе, распространившемся, по слухам, по всей Азии и вплоть до африканского континента (*May Kunmakara* 2017). Сомнения вездесущи, и роль социальных сетей и мобильных телефонов в конструировании и объяснении пищевых страхов не стоит недооценивать.

На чем основаны пищевые страхи

Каждый из наших собеседников знаком с человеком (или сам таковым является), хоть однажды испытавшим пищевое отравление, боли в желудке, кишечнике или диарею, связанные с присутствием в пище химикатов. И хотя эти состояния преходящи, большинство опрошенных волнуют их хронические последствия, как показывает отрывок из интервью с двумя пожилыми людьми в провинции Свайриенг:

– У людей, заставших время, когда не было [пестицидов], хорошее здоровье, и живут они долго. Но сейчас используют много [медикаментов] в сельском хозяйстве, и здоровье людей ухудшилось, они живут не так долго.

– Появились также новые болезни. Раньше не было проблем с печенью.

– Да, и болезней желудка, сердца тоже не было раньше. Старики никогда не были такими больными, как сейчас (работники общественного здравоохранения, 68 и 70 лет, Свай-ренг, июнь 2018 г.).

Даже если не всегда просто установить, чем вызваны упомянутые болезни, важно подчеркнуть, что в воображении опрошенных их главной причиной являются следы химикатов в пище. Женщина в Пномпене рассказывает: “раньше в Камбодже люди жили по 80, 90 лет – сейчас умирают в 60, 50, а то и в 30. Вот только несколько дней назад тут неподалеку умерла 30-летняя женщина от гипертонии” (домработница, 60 лет, Пномпень, январь 2019). Тема катастрофического снижения продолжительности жизни постоянно возникала в наших интервью. Массовые отравления после коллективных застолий (свадеб, похорон) или в школах, где дети заболели, съев пирожное в индивидуальной упаковке, продающееся в торговых автоматах у входа в здание, также способствуют формированию пищевых страхов (Kim Sarom 2018; Pech Sotheary 2019). Хотя эти отравления обычно объясняют несоблюдением правил гигиены или употреблением просроченных продуктов, некоторые скандальные случаи, получившие широкую огласку, прямо связывают с наличием пестицидов. Так, в мае 2018 г. в провинции Кратъэх 17 человек умерли и еще сто оказались в больницах с серьезными симптомами в результате употребления зараженной воды. Отравление пестицидами фигурировало в качестве одной из версий случившегося, хотя истинная причина так и не была обнаружена.

Конечно, существует некоторое несоответствие между субъективными пищевыми страхами и объективными пищевыми рисками. Однако необходимо отметить, что эти страхи проистекают также из недовольства определенной динамикой развития современного камбоджийского общества. Аграрный сектор и государство, а также удаление производства сельскохозяйственной продукции от потребителя выступают в наших интервью в качестве виновников неблагополучия в пищевой сфере. Рассмотрим подробнее те объяснительные модели, которые зафиксированы в ходе исследования.

Восприятие аграрного сектора

Мысль о засилье химии и невозможности выбраться из замкнутого круга является общим местом. “Если не использовать химию [удобрения и пестициды], невозможно конкурировать на рынке”, – уверена женщина-фермер из провинции Баттамбанг (39 лет, июль 2018 г.). Продавец пестицидов, также выращивающий манго, по образованию агроном, рассказывает о своих практиках потребления: “Мы не можем избежать удобрений и пестицидов. Доверять можно только тому, что ты вырастил сам, ну или тем овощам, которые растут в лесу или по берегам каналов” (провинция Канда, 27 лет, сентябрь 2018). Как фермеры, так и далекие от аграрной сферы потребители озабочены зависимостью сельского хозяйства от химии.

Никогда прежде мы не использовали столько химикатов в сельском хозяйстве! Гербициды, инсектициды – все это химия. Потом, когда им [без конкретизации, возможно, имеется в виду правительство] кажется, что эти вещества плохо влияют на здоровье фермеров, они начинают нам объяснять, что хорошо бы сократить их применение. Но сложившиеся практики изменить трудно. Избежать этого нельзя (фермер, 70 лет, Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Когда я покупаю что-то на рынке, мне жаль моих детей, потому что мы едим много продуктов, напичканных химией, таких, как куры, утки. Когда я думаю о детях, я говорю себе, что надо бы прекратить покупать все это на рынке, но иногда я просто не знаю, что делать... Бывают, что овощи обрабатывают удобрениями и пестицидами за два дня до продажи, это делается для того, чтобы стимулировать их рост, чтобы они красиво выглядели, поэтому, когда ты их покупаешь, в них содержится много ថ្នាំសម្លាប់ (медикамент+энергия = стимуляторы) (женщина-фермер, 44 г., г. Баттамбанг, сентябрь 2018 г.)

Фермеры говорят о все более сильной зависимости от удобрений и пестицидов, о своих долгах перед микрофинансовыми организациями, а также перед складами, поставляющими химикалии в кредит. Механизация и химизация стали необходимым инструментом в ситуации оттока рабочих рук с семейных ферм и массового отъезда в Таиланд в поисках более стабильной и лучше оплачиваемой работы. Тем не менее, хотя, казалось бы, все составляющие “зеленой революции” сегодня в Камбодже налицо, фермерам приходится искать ответы на новые вызовы, связанные с производственной моделью, обращенной к интенсификации и усилению экспорта. Они регулярно меняют культуры в соответствии с потребностями рынка и должны приспосабливаться к ограничениям, налагаемым окружающей средой. Среди последних упоминаются обеднение почв (ដីក្រ ល្មើ), появление новых вредителей растений, их устойчивость к некоторым пестицидам. Кроме того, английский термин *climate change*, похоже, прочно вошел в обиход. Фермеры часто жалуются на климатические отклонения (засухи, наводнения), создающие новые проблемы для сельскохозяйственного производства. Горожане, в свою очередь, также трезво оценивают современные аграрные практики, хотя новые поколения, рожденные в городе, все дальше от них дистанцируются.

Недостаточное доверие государству

Хотя обычно в ходе опросов респонденты с осторожностью высказываются о государстве, в данном случае, говоря о таком личном вопросе, как пищевая безопасность, они не скупались на комментарии. Идея о том, что государство обязано защищать своих граждан, открыто или подспудно присутствовала во многих беседах.

Что очень важно, так это действия правительства. В других странах правительства следят за тем, чтобы подобные проблемы не возникали. У нас же они [люди из правительства] только-только начинают вмешиваться в ситуацию (продавщица апельсинов, 40 лет, г. Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Вы слышали про импорт личи из Китая? Сегодня никто не ест личи. Они напичканы химией. Раньше их импортировали также из Таиланда, но тайцы их уже уничтожили, так они были полны химикатами (продавец апельсинов на оптовом рынке, 46 лет, Пномпень, август 2018 г.).

Коротко говоря, довольны только крупные инвесторы, которые жертвуют правительству от \$100 тыс. до \$500 тыс., потому что это они занимаются импортом. Они просто дают деньги властям, а те потом не контролируют импортированные продукты... А правители говорят: “если вы знаете, что в этих продуктах химия, зачем вы их едите?”. Сегодня лучше попытаться самим понять эту проблему (Заведующий складом сельскохозяйственных материалов, 45 лет, провинция Кандал. Август 2018 г.).

Я видел в “новостях”, что люди в Кратъэхе отравились, *a priori* не химическими веществами (សារធាតុគីមី), а из-за того – ой, наверное, мне не надо этого говорить, потому что высокопоставленные лица скрывают правду. В этом три министерства замешаны: мини-

стерство сельского хозяйства, министерство промышленности и третье, не знаю точно названия, связанное с шахтами. Эти три министерства разное говорят. Если инсектициды (ថ្មីនីវាតិកាស្រូវ) попали в канал со сточными водами, они не могут долго сохранять свое действие, насколько я знаю, не больше 2–3 часов. Люди в Картъэхе отравились и умерли из-за геологоразведочных работ на золотых приисках, но даже если об этом говорят, никто в это не верит, поэтому и не надо об этом говорить. Я слышал от стариков, что это вещество [попадающее в воду с приисков], если один раз его выпить, то ничего, но если постоянно такую воду пить, то оно убивает. Так вот, министерство сельского хозяйства говорит, что виноваты золотые прииски, а другие министерства обвиняют министерство сельского хозяйства и говорят, что все из-за инсектицидов. И в этом споре между министерствами мы не знаем, кто прав, а кто нет (инженер-агроном, продавец пестицидов, производитель манго, 27 лет, провинция Кандап, сентябрь 2018 г.).

Отсутствие контроля на границах, бездействие властей в отношении обеспечения населения чистой водой и безопасной пищей, покровительство и защита имиджа соответствующих министерств часто обсуждались во время наших дискуссий. На телевидении и в социальных сетях интернет, несмотря на ограничения свободы слова, регулярно распространяются видеосюжеты о росте нелегального импорта фруктов, овощей, мяса и рыбы через мелкие пограничные посты⁹. Все это также питает страхи.

Кроме того, фермеры говорили о том, как трудно добиться достаточно высокой продуктивности, чтобы конкурировать с соседними странами. Они жаловались на недостаточную поддержку со стороны государства в развитии агропродовольственных цепочек.

Что касается выращивания овощей, я очень хорошо знаю ситуацию от одной вьетнамской фирмы. Я всегда об этом разговариваю с фермерами. Возьмем, например, ស្ពៃក្រូច [овощ, похожий на китайскую капусту]. У нас [в Камбодже] от его посадки до сбора проходит 20–30 дней, и с 10-метровой грядки мы собираем только 10 кг, а они могут собирать 50 кг. Видите? И поэтому они могут импортировать продукцию в Камбоджу по очень низким ценам. И могут захватить все наши рынки, поскольку они производят 50 кг там, где мы производим только 10. А килограмм стоит всего 200 или 300 риелей¹⁰. Это только один пример (продавец пестицидов, 40 лет, провинция Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Недоверие к импортным продуктам

Помимо недоверия к государству, существует более общее недоверие ко всему, что приходит издалека. Жительница Пномпеня с сожалением вспоминала: “Раньше не было импортных продуктов, только овощи, выращенные у нас”. Сегодня, по словам 46-летнего продавца апельсинов в Пномпене, “...большинство фруктов и овощей импортируется. И это может иметь последствия для нашего здоровья и нашего качества жизни”. Расширение ассортимента, появление на полках несезонных или необычно выглядящих овощей и фруктов внушает опасения.

Раньше у каждого овоща был свой сезон, но сегодня вьетнамские овощи на прилавках круглый год. Например, снежный горошек – обычно он появляется только в конце года, а во Вьетнаме его производят круглый год. Но камбоджийский вкуснее, его можно купить только накануне китайского Нового года (пенсионерка, 67 лет, Пномпень, август 2018 г.).

Эта идея о производстве “вопреки природе” меняет у наших собеседников восприятие еды на негативное (она кажется безвкусной, особенно опасной в отношении содержания химикатов и т.п.).

В ходе исследования мы отметили частые упоминания о Вьетнаме. Как только речь заходила об импорте, в первую очередь подвергалась критике именно продукция этой страны. Вьетнам – первый поставщик свежих овощей и фруктов, однако недоверие к нему связано также с напряженными отношениями между двумя странами. Враждебный климат сохраняется на протяжении нескольких столетий. Камбоджийцы обвиняют вьетнамцев во многих своих бедах (см. об этом подробнее: *Bertrand 1998; Bureau-Point, Baxerres 2020*).

Больше всего химии во вьетнамских овощах. Особенно в капусте, они опрыскивают ее с утра до вечера. Они ее выращивают с помощью 𑄎𑄎𑄎 [токсинов]. А капуста, которую выращивают камбоджийцы, она не такая, видите? Она не такая красивая. Чем больше используют 𑄎𑄎𑄎, тем она красивее (продавец овощей, 35 лет, оптовый рынок провинции Баттамбанг, июль 2018).

Таким образом, зависимость рынка от свежих продуктов из Вьетнама формирует напряженность и усиливает антивьетнамский дискурс. Несмотря на то, что, насколько нам известно, никто не исследовал в сравнительном ключе аграрные практики двух стран, подозрения по поводу качества вьетнамских продуктов присутствуют везде и всегда. Некоторые напоминают о том, что во Вьетнаме больше распространены новые сельскохозяйственные технологии, но наши собеседники считают, что их вьетнамские соседи используют больше химикатов и продают в Камбоджу ту продукцию, которую они не могут реализовать в других странах из-за высокого содержания химических веществ и по причине более строгого контроля продуктов питания. Некоторые идут еще дальше, утверждая, что вьетнамцы специально накачивают свои овощи и фрукты пестицидами, чтобы отравлять население Камбоджи, а то и вовсе истребить его потихоньку. Наши собеседники представляют себя уязвимыми, беззащитными и регулярно становящимися жертвами иностранных манипуляций. Однако Вьетнам – не единственная страна, вызывающая подозрения.

Камбоджа всегда страдала от действий других стран. Например, импортируемые из Бангкока арбузы, дурианы и саподиллы – я сам их продаю, но если я их поем, то заболелаю. А если я их в Бангкоке ем – то ничего не бывает. Выращивая дурианы, предназначенные для экспорта в Камбоджу, тайцы используют ртуть для ускорения их созревания. Когда выращивают для себя, они никакой химии не используют. А в Камбодже вот так. И мы теперь обеспокоены тем, что с нами будет (продавец фруктов, 45 лет, оптовый рынок в Пномпене, август 2018 г.).

Мелкие китайские апельсины обрабатывают химикатами, чтобы они стали оранжевыми¹¹. Они сначала идут во Вьетнам, а оттуда уже в Камбоджу. У Вьетнама и Китая есть общая граница. Сегодня в китайских овощах еще больше химии, чем во вьетнамских. И китайские овощи дешевле вьетнамских. Раньше я думал, что вьетнамские овощи плохие, но теперь понимаю, что китайские еще хуже. Они дешевле, и вьетнамские овощи не могут с ними конкурировать. Только подумайте: сколько километров должны проделать китайские овощи, чтобы попасть сюда? Сколько стоит эта транспортировка? И когда они оказываются в Камбодже, их продают дешевле, чем местные или вьетнамские: нетрудно догадаться, что это за овощи! И они еще умудряются получать какую-то прибыль, значит – точно используют химикаты (продавец апельсинов, 46 лет, оптовый рынок, Пномпень, август 2018 г.).

Несмотря на то, что опрошенные знают, что в Камбодже фермеры тоже используют химические вещества, обычно они говорят, что в других странах дела обстоят еще хуже. Поэтому лучшими считаются продукты местного производства. Исходя из таких представлений о пище, мы рассмотрим теперь различные воображаемые или реальные стратегии для лучшего контро-

ля описанных выше угроз. На нынешнем этапе исследования не всегда было возможным проверить, действительно ли люди следуют описываемым ими стратегиям. Однако вне зависимости от этого само наличие таких стратегий свидетельствуют о рациональности поведения людей в новом глобализованном продовольственном пространстве. С другой стороны, эти стратегии могут быть неэффективными против объективных рисков, как уже говорилось. В нашем этнографическом исследовании мы обращаем внимание на бытовую рациональность, а не на рекомендации органов здравоохранения, а потому призываем читателя с осторожностью интерпретировать представленную информацию.

Как справиться с ощущаемыми рисками

Для изучения управления пищевыми страхами мы обратимся к идее “интуитивного мышления”, описанного М. Дуглас (*Douglas* 1992). Действительно, эти страхи возникают в ситуации бездействия или отсутствия контролирующих структур, ответственных за предотвращение рисков. В таких случаях для обеспечения пищевой безопасности потребители могут рассчитывать только на самих себя. М. Дуглас подчеркивала, что до наступления “общества риска” люди всегда умели справляться с неопределенностью. Концепт “интуитивного мышления” отсылает к повседневным и неосознанным человеческим навыкам и умениям, мобилизуемым для управления неопределенностью (*Peretti-Watel* 2010). Мы дополним его понятием “эмпирических знаний” (*Lochard* 2007), акцентирующим отсутствие иерархии знаний, включая ненаучные знания, полученные с помощью чувственного опыта (*Bureau-Point* 2016). Как мы увидим, наши собеседники достаточно близко знакомы с технологиями производства продуктов ежедневного потребления в Камбодже: фруктов, овощей и риса. Несмотря на то, что продовольственные цепочки усложняются, усиливая неопределенность и сомнения в качестве пищи, эта близость является ресурсом, позволяющим разбираться в продуктах. Хотя опрошенные и чувствуют себя уязвимыми из-за невозможности полностью избежать химикатов, они продумывают стратегии минимизации воздействия последних. Выбор осуществляется на разных уровнях (где покупать продукты, как выбирать товар из представленного на полках, как готовить пищу), которые будут рассмотрены ниже.

Наиболее критикуемой торговой площадкой является рынок, тем более, что именно на рынке большинство населения покупает продовольствие. Опасения наших собеседников основаны на том, что именно на рынке продаются недорогие импортные продукты, не прошедшие должного контроля. Даже признавая, что отличить импортные продукты от местных становится все труднее, некоторые все же пытаются это делать, например, выбирая товар, продаваемый напрямую мелкими производителями или избегая продуктов, которые прежде редко производились в Камбодже.

Я хожу на рынок около пагоды. Там есть деревенские продукты. Но морковь, капусту в Камбодже не выращивают, поэтому я не знаю, каково их происхождение. Если продавцы говорят, что это из Камбоджи – ОК, значит, из Камбоджи. Но я редко ем эти овощи, потому что я боюсь. Мой племянник как-то отравился капустой (женщина-фермер, 42 года, Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

В ходе полевого исследования нам удалось выявить и опросить нескольких мелких торговцев, которые время от времени продают на рынке свою продукцию. Обычно у них нет постоянного места, часто они раскладывают свой товар прямо на земле, на циновках или приносят с собой небольшой складной стол. Деревенские семьи, как правило, имеют несколько фруктовых деревьев вокруг дома, небольшой огород, а также отдельный участок рисового поля,

на котором они используют меньше химикатов и выращивают рис для семейного потребления. Излишки продукции, если они образуются, продают прямо у дома или на рынке.

Обычно во время сбора урожая мы оставляем для себя выращенное на тех участках, где мы использовали мало удобрений и пестицидов. Если будешь есть рис, который выращен с большим количеством химикатов, это может иметь плохие последствия. Иногда моя мать вообще не вносит никаких удобрений, иногда мы их кладем, но немного. Рисовое поле, где мы не применяем химикаты, дает меньший урожай, и на нем много сорняков (продавщица риса и пестицидов, 22 года, провинция Баттамбанг, июль 2018 г.).

Потребители ищут продукты, произведенные на месте без удобрений деревенскими жителями. Выдержки из интервью дают представление о возможных способах отличить такие продукты.

Я выбираю не самые красивые овощи, поскольку очень красивые могут содержать много химикатов. И я могу отличить те овощи, которые деревенские выращивают в небольших количествах и потом продают на рынке. Я тоже выращиваю немного у себя дома, и когда приношу свои овощи на рынок, люди с удовольствием у меня покупают. И я так же поступаю. Когда я вижу продавца, у которого немного товара, я понимаю, что в его овощах не должно быть удобрений, вот я их и покупаю (домохозяйка, выращивающая овощи на своем огороде, 43 года, г. Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Мои родственники посылают мне натуральные овощи – например, тыквы. Они растут в деревне. За то, что выращивают другие, поручиться нельзя, но если выращиваешь сам – другое дело. Вот моя сестра, она сама выращивает тыквы, листовые овощи, папайю. Выращивает для себя и немного на продажу. Она редко покупает на рынке, и я тоже редко покупаю, например, шпинат, потому что сестра его выращивает (женщина-фермер, 42 года, г. Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Домашний рынок. Фото Е. Бюро-Пуан, 2019

Семейное производство и продажа продукции около дома. Фото Е. Бюро-Пуан, 2019

Рис, которым я торгую, я покупаю в магазинах. А рис для еды я привожу из родной деревни, потому что рис, который я продаю, я есть не могу. Это ароматизированный рис, который называется “цветок имбиря”. А ем я натуральный рис, потому что я привыкла жить в деревне и знаю, что моя семья никогда не ест покупной рис, только наш (продавщица риса и печенья в пригороде Пномпеня, 30 лет, сентябрь 2018 г.).

Эти высказывания можно сопоставить с тем, что нам говорили производители и продавцы, утверждавшие, что не смогут продать свою продукцию, если она будет некрасивой. Спрос и предложение постоянно подстраиваются друг под друга. Уточним также, что хотя наши собеседники с недоверием относятся к импортным продуктам, некоторые из них – особенно те, что не производятся в Камбодже – могут, напротив, быть “предметом мечтаний”, говоря словами одного из наших респондентов в Пномпене. Черешня из США, яблоки, клубника, апельсиновые (а не зеленые, как местные) апельсины, китайские мандарины позволяют открыть для себя новые вкусы и в целом “попробовать” остальной мир.

Импортные продукты – предмет мечтаний. Фото Е. Бюро-Пуан, 2018

Это проявляется и в организации различных церемоний – например, на свадьбе считается хорошим тоном поставить на стол “экзотические” фрукты.

На рынках, где становится все труднее ориентироваться в продуктах из-за их растущего разнообразия, доверие к продавцам часто подвергается сомнению. Все шире распространяется мнение, что продавцы, желая сбыть свой товар, скрывают его настоящее происхождение и выдают его за произведенный в одной из провинций Камбоджи, славящейся качеством данного продукта. Однако в ходе исследования мы не раз убеждались в честности продавцов, откровенно признававшихся, что они покупают свой товар на оптовых рынках.

Когда спрашиваешь продавцов на рынке, откуда овощи, они отвечают “из Камбоджи”. Но порой камбоджийцы используют больше химикатов, чем другие. Другие иногда используют их правильно, соблюдая стандарты. После опрыскивания они не собирают овощи сразу, но оставляют их на грядках на некоторое время. А у нас есть фермеры, которые хотят красивые овощи, чтобы их лучше продать. И они их вечером опрыскивают, а утром собирают и везут на рынок. Поэтому я думаю, что нет нужды спрашивать у продавцов, откуда их товар, потому что они могут сказать просто так. Например, если спросить: “свинина у вас из Камбоджи или из Таиланда?” – они не скажут. Поэтому я говорю “покупай и не спрашивай”. Потому что я и так знаю, что свинина из Таиланда. Я выращивала свиней, поэтому я знаю. Я по цвету шкуры отличаю тех, что из Таиланда, я все это знаю (женщина – рисовод, 42 года, г. Баттамбанг, сентябрь 2018).

Не бывает натуральных или органических продуктов. Нас обманывают, чтобы дороже продать. Камбоджийские продавцы научились хорошо обманывать. Они покупают пластиковый или бамбуковый таз, кладут туда несколько стеблей риса и на них – рыбу. И говорят, что эта рыба свежая. А на самом деле это не так, эта рыба испорченная. Спросите мою жену, она уже не раз с этим сталкивалась (поставщик оптового рынка в Пномпене, 46 лет, август 2018 г.).

Наблюдения за взаимодействием оптовых и розничных торговцев на оптовых рынках позволили нам понять, что одни и те же продукты могут быть самого разного происхождения, в зависимости от сезона, и что при сделке речь об этом вообще не заходит, главным критерием является цена. Именно на этих оптовых рынках, где камбоджийские продукты смешиваются с импортными, и создается непрозрачность. В итоге на розничных рынках потребители могут рассчитывать только сами на себя, на свой опыт и здравый смысл. При выборе продукта они используют все свои органы чувств, полагаясь на них, чтобы примириться с ощущением риска.

Эти овощи мне не внушают доверия. Я стараюсь покупать только те овощи, которым я доверяю. Это можно только почувствовать, потому что нет никаких тестеров, чтобы их проверить. Мы привыкли к жизни в деревне, и поэтому знаем, как выглядят деревенские овощи и как – импортные (продавщица печенья, 30 лет, Пномпень, сентябрь 2018 г.).

Определить, что фрукт или овощ хороший, можно по цвету, по общему виду. Нужно полагаться на здравый смысл. Если в нем есть химикаты, он будет выглядеть ненормально. Если он нормальный, он не должен быть очень красивым, на нем могут быть насекомые. Если овощи или фрукты слишком крупные, слишком твердые, слишком свежие – это значит, что в них есть химикаты (женщина – директор предприятия, 45 лет, Пномпень, август 2018 г.).

Оптовые рынки Пномпеня и Баттамбанга. Фото Е. Бюро-Пуан, 2018

Фрукты и овощи осматривают, трогают, нюхают, пробуют на вкус – и определяют, хорошие они или не очень. Потребители мобилизуют свои практические знания, опирающиеся на понимание того, как выращиваются эти продукты, в какой сезон, как долго они растут, как они должны выглядеть и т.п. Основным критерием выбора оказывается размер плода.

Баклажаны, которые выращивают в Камбодже, мелкие. А импортные размером с лодыжку. И они не такие вкусные. У них мякоть ватная, а камбоджийские баклажаны более плотные, поэтому они лучше. Раньше перцы не были такого размера, а теперь они могут весить по полкило (домохозяйка-пенсионерка, 67 лет, Пномпень, август 2018 г.).

Когда овощи размером больше обычного, люди считают, что они импортные, содержат химикаты и опасны для здоровья. Но рынок подстраивается под ожидания покупателей, и нередко можно видеть грузовики, наполненные очень мелкими кочанами цветной капусты, только что пересекшие границу. Запах, вкус и тактильные ощущения также помогают выбирать продукты на рынке.

Имбирь из Китая огромного размера и не пахнет имбирем. А тот, что производят у нас, пахнет хорошо. То же самое с луком и чесноком. Иногда они вообще не пахнут, в отличие от тех, которые мы выращиваем (женщина – директор предприятия, 45 лет, Пномпень, август 2018 г.).

Говоря о продуктах на рынках, люди упоминали также о продуктах, которые они едят вне дома, в ресторанах. Есть вне дома считается небезопасным, несмотря на то, что некоторые ре-

стораны для людей со средним и выше среднего доходом в обеих изучаемых нами провинциях начинают заключать договоры с поставщиками, утверждающими, что их продукция – местного происхождения, натуральная или “био”, в той или иной мере сертифицированная местными и/или международными структурами¹². Персонал ресторанов на вопрос о том, откуда берутся продукты, отвечает удивленно и в замешательстве: “с рынка!”. Даже если продукты с рынка необязательно плохого качества, они считаются опасными.

“Зеленые магазины”. Фото Е. Бюро-Пуан, 2018

НПО продает свои овощи на рынке. Фото Е. Бюро-Пуан, 2019

Такое отношение к продуктам с рынка создало благоприятные условия для развития “зеленых магазинов”¹³, которые начали открываться в Пномпене в 2004 г., в 2010-е гг. их число стало расти уже не только в столице, но и в некоторых провинциальных городах (Сиемреапе, Баттамбанге). Это магазины, оборудованные кондиционерами и торгующие сертифицированными или контролируемыми по происхождению продуктами. Их часто посещают туристы и экспаты. Кроме того, неправительственные организации создают социальные предприятия,

ориентированные на производство и продажу таких продуктов, позиционируемых как более здоровые и безопасные. В Баттамбанге мы видели, что НПО открывают свои магазины или торгуют на рынке на специально отведенном для них прилавке. Продавцы из НПО носят фирменные футболки с логотипом организации, что выделяет их среди других торгующих на рынке.

Покупателей этого типа продуктов становится все больше. Мы присутствовали на рекламной акции одной из НПО, только что открывшей первый “зеленый магазин” в Баттамбанге. Если некоторые, уже знакомые с “зелеными” продуктами, покупали их без колебаний, то другие потребители, по словам сотрудников НПО, только открывали для себя этот концепт и не сразу понимали, о чем идет речь. Для продвижения нового типа торговли НПО нанимают профессиональных маркетологов.

Цены на продукты в “зеленых магазинах” в два, три, иногда в пять раз выше. Например, дуриан, когда я покупала его у производителей, он стоил \$5 за килограмм. А в магазине натурпродуктов он стоит \$12. Но зато ему можно доверять (женщина – директор предприятия, 45 лет, Пномпень, август 2018 г.).

Овощи “био” очень красиво выглядят. Вчера я купила салат. Кхмерские салаты, которые фермеры выращивают обычно на своем огороде, стоят 4 тыс. риелей за килограмм. А салат “био” стоит 15 тыс. за килограмм. Я слышала, что они не используют химикатов, но на самом деле поди знай, так ли это (хозяйка фирмы по прокату мотоциклов, 44 года, Пномпень, август 2018 г.).

Мы столкнулись с противоречивыми мнениями по поводу нового предложения на продуктовом рынке. Одни сомневаются, но все же чувствуют себя более защищенными, покупая органические продукты, другие им абсолютно не доверяют и не покупают. Одни уверены, что поставщики “зеленых магазинов” закупают продукты на внутреннем рынке; другие на основании своего опыта полагают, что некоторую продукцию невозможно вырастить в Камбодже без применения химикатов. Они объясняют, что насекомые с участков, обработанных инсектицидами, естественно перемещаются на соседние необработанные участки. Некоторые считают, что контроль качества продуктов в стране обеспечить трудно, а потому местные сертификаты не стоит принимать всерьез. Таким образом, рынок биопродуктов, хоть и бурно развивающийся, сталкивается с многочисленными препятствиями. Как заметил один из наших собеседников: «ярлык “био” – это еще и предлог продать подороже» (директор НПО, 50 лет, Пномпень, февраль 2019 г.).

Параллельно в столице и крупных провинциальных городах с 1990-х гг. расцвели большие торговые центры¹⁴. Многие удовлетворены качеством продаваемых там продуктов.

Фрукты и овощи в супермаркетах более безопасны, чем на рынке, потому что они проходят отбор. Иногда супермаркеты заключают прямые контракты с производителями. В овощах все равно есть химикаты, наверное, но не так много (женщина – директор предприятия, 45 лет, Пномпень, август 2018 г.).

В супермаркетах наряду с большим ассортиментом разнообразных импортных овощей и фруктов (яблоки, апельсины и черешня из США, виноград без косточек из ЮАР, мандарины из Китая¹⁵) продаются и местные свежие продукты. Например, японский супермаркет *Aeon*, чтобы заинтересовать клиентов, предлагает им в числе прочего местные фрукты и овощи, выращенные по японским стандартам. Влияние Японии и Китая чаще противопоставляется друг другу в последнее время в связи с озабоченностью камбоджийцев китайским доминированием, растущим после выборов июля 2018 г. в результате политики нового премьер-министра. Наши собеседники открыто выражали предпочтение японским продуктам перед китайскими.

В то время как новые пути снабжения, такие как “зеленые магазины” и супермаркеты, для некоторой, более обеспеченной части потребителей представляют реальную альтернативу, позволяющую ограничить вредное воздействие химикатов на здоровье, другие сохраняют недоверие к ним, избирая другие стратегии доступа к качественным продуктам. Многие люди сами выращивают (или находят тех, кто будет для них выращивать) фрукты и овощи, которые распределяются или перепродаются в расширенном семейно-социальном кругу. Некоторые делают это через коллективные проекты, обеспечивая себя продуктами лучшего качества. Говорят, что в интернете распространилась фотография жены премьер-министра, выращивающей свои собственные овощи, вызвавшая острое чувство несправедливости, поскольку сам премьер-министр в 2017 г. публично призывал соотечественников прекратить жаловаться и утверждал, что если они не хотят есть зараженные продукты, то достаточно не покупать слишком красивые овощи (*Yon Sineat* 2017).

Государственный служащий запасся деревенскими продуктами, находясь в командировке. Фото Е. Бюро-Пуан, 2019

В состоятельных кругах поездки в деревню в основном связаны с обеспечением местными сезонными продуктами, производимыми их родственниками и знакомыми. Такой возможности часто лишены люди с более скромным доходом.

Лоточник, у которого я покупаю овощи напротив моего дома, берет их на оптовом рынке. Если у него не покупать, то что я буду есть? Как мне выращивать свои овощи, если я этот дом арендую и земли у меня нет? (Продавщица яиц, 32 года, Пномпень, август 2018 г.)

Наши собеседники в деревнях с жалостью говорили о горожанах, которым недоступно выращивание собственных овощей, риса или животных.

Те, кто живет в деревне, могут избежать химикатов в пище. Но городские жители, которым негде ничего выращивать, они целиком зависят от рынка. И чем ниже цена, тем больше они покупают. А это влияет на их здоровье. Мы здесь в деревне стараемся есть натуральные продукты. Я тоже пытаюсь меньше покупать на рынке (Заведующий складом сельскохозяйственных материалов, 45 лет, провинция Кандал. Август 2018 г.).

В прежние времена рис, который забирали с крупорушки, нельзя было долго хранить, потому что в нем заводились черви. А теперь он может лежать сколько хочешь, и ничего ему не делается. Это значит, что рис обработан медикаментами, как и овощи. Если бы мы могли сами выращивать рис, мы бы не использовали удобрения, а выращивали его натуральным способом. Так мы могли бы сохранить свое здоровье. Но это невозможно, поскольку у нас нет земли (продавщица апельсинов, 43 года, г. Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Однако невысокие доходы не всегда являются синонимом большего риска отравления химикатами. В определенных ситуациях культурный капитал значит больше, чем финансовые ресурсы, – например, если люди способны сами производить необходимые им продукты или добывать их с помощью своего социального и родственного окружения.

Еще одним способом контроля пищевых рисков являются техники приготовления пищи. Наши собеседники описывали особые приемы очистки продуктов от химикатов – например, ополаскивание чистой водой в решетчатых корзинах; вымачивание в обычной или соленой воде, реже – в воде с активированным углем.

Тут приходил один монах. Он тоже боялся отравиться едой, он мне сказал “знаешь, я боюсь. Каждый раз, когда в пагоде бывает церемония, приносят овощи для готовки, и я говорю повару, чтобы он хорошенько их вымыл и вымочил в воде с углем. И ты должна так делать дома. В овощах сегодня много ядовитых химических веществ”. Поэтому я вымачиваю овощи в воде с углем, как меня этот монах научил. Огурцы покупные я сначала мою два или три раза, а потом вымачиваю. Это помогает уменьшить в них количество токсичных веществ. А вымачивание в соленой воде не помогает (женщина-фермер, 42 года, г. Баттамбанг, сентябрь 2018 г.).

Прежде чем есть овощи с рынка, например, капусту, я их сначала режу, потом замачиваю в подсоленной воде и потом бланширую. Только так их можно есть. Например, так я поступаю, когда надо приготовить чапчай (традиционное блюдо из смеси овощей, приготовляемое на китайский новый год) (Огородник, 55 лет, провинция Канда, август 2018 г.).

Муж говорит, что сначала нужно промыть овощи в корзине, под проточной водой. Потому что если будешь мыть в закрытой посуде, то вода никуда не уйдет и химикаты вместе с ней. Поэтому нужно мыть в корзине под сильной струей воды из крана (продавщица, 69 лет, Пномпень, сентябрь 2018 г.).

Жидкости для мытья овощей, продающиеся в магазинах.

Фото Е. Бюро-Пуан, 2018

Страх отравления химикатами способствовал появлению на рынке жидкостей, позиционируемых как более эффективные по сравнению с проточной, соленой или водой с добавлением соды для уничтожения микробов и пестицидов. Их состав различен. Некоторые представляют собой пенящиеся мыльные жидкости, другие являются старыми средствами, продаваемыми

под видом “новых”. Один из продавцов объяснил нам, что его средство было запатентовано в Японии, но теперь является общественным достоянием и представляет собой щелочную воду, насыщенную кислородом. Таким образом, индивидуальные и коллективные страхи используются рыночными игроками для продажи новых продуктов. В обществе риска, являющемся в то же время обществом сомнения, мы вправе задаться вопросом: почему такие жидкости не получили распространения на Западе, где протест против излишнего использования химикатов выражается уже более полувека? Развилось ли их производство в ответ на интенсивность пищевых страхов в Азии или ему способствовало переосмысление подзабытых научных инноваций? Как бы то ни было, риск остается неопределенным перед лицом тысячи циркулирующих молекул, используемых в сельскохозяйственной практике в “коктейлях”, воздействие которых плохо измеряется и плохо контролируется.

Мы рассмотрели обыденную рациональность и прагматизм, возникающие в различных кругах камбоджийского общества в ответ на опасения отравиться химическими веществами. Этот первый обзор пищевых страхов и их социального конструирования отражает неопределенность, которую ощущают потребители, а также растущую утрату доверия к пищевым продуктам в связи с недавней глобализацией продовольственной системы и новыми интенсивными методами ведения сельского хозяйства, предполагающими обильное использование химикатов. Прежние ориентиры размываются, все большая дистанция разделяет продукт и потребителя, оставляя все больше пространства для сомнений. В контексте отсутствия продовольственной безопасности, отмеченном слабым применением регулирующих норм, здравый смысл наряду с фантазиями и слухами становятся главным языком выражения обеспокоенности. На них же основан механизм выработки защитных стратегий и попыток лучше приспособиться к “подавляющей современности”, говоря словами Ф. Зонабенд (*Zonabend* 2014 [1989]). Таким образом, наше исследование показывает, как глубоко вопрос пищевой безопасности затрагивает частную жизнь каждого, влияя на доверие к институтам и в целом ко всем участникам системы обеспечения продовольствием, от которой каждый ежедневно зависит. Хотя риск поражения химикатами можно назвать демократическим в том смысле, что он касается каждого, распределяется он неравномерно, причем не только в зависимости от экономических критериев. Тем не менее, пищевые страхи порождают коллективные размышления об образе жизни и потребления, о ценностях и навыках, об ограниченных возможностях постиндустриальных обществ. В этих размышлениях вызревают подспудные формы сопротивления, направленного на устранение перекосов современного мира. Как могут столь сильнодействующие и спорные вещества, как пестициды, свободно продаваться, а их применение практически не контролироваться? Неотложной задачей ученых должно стать изучение механизмов возникновения системных ситуаций, в которых трудно обеспечить сохранение здоровья и окружающей среды, одновременно с поиском пространства возможностей для улучшения продовольственной системы.

Примечания

- ¹ ចុះថ្ងៃទី ១៧ ខែ កញ្ញា / jaṭi gŋm. Авторы благодарят Мишеля Антельма и Бернара Формозо за помощь в транслитерации кхмерских терминов.
- ² Проект “Жизнь с пестицидами в Камбодже: санитарные риски, стратегии контроля и уязвимость” финансировался Фондом Франции (Fondation de France) в рамках исследовательской программы “Здоровье населения и окружающая среда – 2017”. Проект реализовывался в Камбодже совместно с исследовательским и экспертным центром *Ecoland* Королевского сельскохозяйственного университета.
- ³ На определенном этапе исследования мы поняли, что получаем все меньше и меньше новой информации: “[...] это значит, что мы более или менее “исчерпали” имеющиеся в конкретном исследовательском поле представления или просмотрели все возможные стратегии для конкретной области” (*Olivier de Sardan* 1995: 17).
- ⁴ Эта проблема затрагивается фрагментарно в некоторых социологических и антропологических работах, например, посвященных потребителям “Био”-продуктов (*Lamine* 2008) или мясным диетам (*Vialles* 2004).
- ⁵ Четыре столпа “зеленой революции” – селекция высокоурожайных сортов, удобрения, пестициды и ирригация.
- ⁶ По данным Всемирного банка, рост ВВП Камбоджи в 2019 г. составил 7,05 %.
- ⁷ Термин ជី (удобрения) может также использоваться применительно к сельскохозяйственным химикатам в целом.
- ⁸ По мнению двух лингвистов – специалистов по кхмерским языкам Мишеля Антельма и Жерара Диффлота, хотя слово ថ្នាំ ធម្មជាតិ обычно переводится как “медикамент”, на самом деле это обобщающий термин, покрывающий собой широкое лексическое поле. Он входит в состав таких лексических единиц, как “краска для волос”, “лак для ногтей”, “гуталин”, “табак”, “гербициды”, “краска”, “яд” и др. Значение этого слова (смесь продуктов, подвергнутых трансформации различными методами: варка, кипячение, сушка, измельчение, толчение и т.п., используемая как для улучшения и лечения, так и для разрушения и уничтожения), – они выводят из кхмерского глагола “кипятить” (ក្អម). Сведения получены в ходе переписки в рамках проекта *Globalmed* в апреле 2016 г.).
- ⁹ Фрагмент микрорепортажа национального телеканала можно посмотреть здесь: <https://www.facebook.com/adda.last/videos/421742984929712/>, дата обращения 10 февраля 2019 г.
- ¹⁰ Примерно 3–5 российских рублей (прим. перев.).
- ¹¹ Апельсины, выращиваемые в Камбодже, имеют зеленую кожуру.
- ¹² Некоторые камбоджийские продукты, идущие на экспорт, – такие, как черный перец и рис – получили от французской независимой сертификационной организации ECOCERT ярлык AB (*Agriculture Biologique* /Органическое сельское хозяйство) для экспорта во Францию и другие страны ЕС. В Камбодже пока нет закона, утверждающего технические характеристики для производства органических продуктов. Тем не менее, национальная Ассоциация органического земледелия – член Международной федерации движений органического земледелия IFOAM – с 2011 г. выдает сертификат органического продукта, основываясь на своих собственных технических характеристиках. Параллельно в стране развивается механизм Системы совместных гарантий, предлагающий другой механизм сертификации, основанный на контроле с участием местных производителей, потребителей, предприятий и администраций. Кроме того, с 2010 г. действует сертификация CAM-GAP (Камбоджа – хорошие сельскохозяйственные практики), инициированная ASEAN и развиваемая Министерством сельского хозяйства, маркирующая здоровые и безопасные продукты. Авторы благодарят Люси Рейно, координатора Альянса агроэкологического обучения в Юго-Восточной Азии, за разъяснения различных механизмов сертификации, действующих в Камбодже.
- ¹³ Так называют магазины, торгующие свежими продуктами, официально произведенными в рамках более или менее признанной системы “гарантированного качества”.
- ¹⁴ Основанная в 1993 г. сеть *Lucky Supermarket* насчитывает сегодня в стране 15 магазинов, у открывшего свой первый магазин бренда *Thai Huot* их 5. Японская торговая компания *Aeon*, основанная в 2012 г., владеет двумя супермаркетами.
- ¹⁵ Между тем эти же продукты можно найти на внутреннем рынке.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

- Globalmed 2015–2016. Étude de la circulation, de la distribution et des usages des CTA au Cambodge // <http://globalmed.ird.fr/la-recherche/wp5-etude-de-la-circulation-de-la-distribution-et-des-usages-des-cta-au-cambodge>
- FAO 2011. *Plant Protection, Save and Grow: A Policymaker's Guide to the Sustainable Intensification of Smallholder Crop Production*, Chapter 6: 65–76. Rome: Food and Agriculture Organization.
- GRET/CIRD 2018. *Cambodian Consumers' Knowledge and Perception toward Food Quality and Safety*, Workshop “Consumer Awareness on Food standards in Cambodia”, Phnom Penh, Cambodia.
- Ingall, M.-L., Diepart, J.-C., Truong, N., Hayward, D., Neil, T., Phomphakdy, C., Bernhard, R., Foga-Rizzu, S., Epprecht, M., Nanhthavong, V., Vo, D.-H., Nguyen, D., Nguyen, P.-A., Saphangthong, T., Inthavong, C., Hett, C. et Tagliarino, N. 2018. *Mekong State of Land*, Centre for Development and Environment, University of Bern and Mekong Region Land Governance.
- INSERM 2014. Inégalités sociales de santé en lien avec l'alimentation et l'activité physique, collection “Expertise collective”, Paris: Inserm.
- Kimkhuy, K., Chhay, N. 2014. *Does Cambodia Need Integrated Pest Management? Past Experience, Present Knowledge and Future Prospects*, Development Research Forum Synthesis Report, April 2014, 3, Phnom Penh: Cambodia's Leading Independent Development Policy Research Institute (CDRI).
- Kim Sarom 2018. Food poisoning leaves fifty hospitalised. *The Phnom Penh Post*, November 06, 2018.
- Khan Vu 2018. Caffeine boost: Makers of battery-powered coffee mixture arrested in Vietnam. *Reuters*, April 24, 2018. <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-coffee-batteries-idUSKBN1HV15S>
- May Kunmakara 2017. Government squashes plastic rice rumour. *Khmer Times*, June 21, 2017. <https://www.khmertimeskh.com/9048/government-squashes-plastic-rice-rumour/>
- Pech Sotheary 2019. Food poisoning strikes dozens at funeral reception. *Khmer Times*, March 7, 2019
- Yon Sineat, 2017. Pesticide-wary vegetable buyers chided by premier. *The Phnom Penh Post*, October 3, 2017. <https://www.phnompenhpost.com/national/pesticide-wary-vegetable-buyers-chided-premier>

Научная литература

- Apfelbaum M.* Risques et peurs alimentaires. Paris: Odile Jacob, 1998.
- Appadurai A.* Après le colonialisme. Les conséquences culturelles de la globalisation. Paris: Payot, 2015.
- Beck U.* La société du risque. Sur la voie d'une autre modernité. Paris: Flammarion, 2008 [1986].
- Bertrand D.* Les Vietnamiens au Cambodge: analyse des représentations et des conditions d'une intégration // Aséanie. 1998. n°2. P. 27–46.
- Bureau-Point È.* Les patients experts dans la lutte contre le sida au Cambodge. Anthropologie d'une norme globalisée, Marseille: Presses Universitaires de Provence, 2016.
- Bureau-Point È., Baxerres C.* Self-medication in the Cambodian Pharmaceutical System // Medical Anthropology. 2020. Vol. 39 (8). P. 765–781.
- Cohen P., Hoarau H., Lorcy A.* Food Experiences of People Living with Cancer: Continuities and Discontinuities in their Local and Global Dimensions // Anthropology of food. [Online] 2017. No 12. URL: <http://journals.openedition.org/aof/8284>.
- Dardot P., Laval C.* La nouvelle raison du monde. Essai sur la société néolibérale, Paris: Éditions La Découverte. 2009.
- Douglas M.* Risk and Blame. Essays in Cultural Theory. London: Routledge, 1992.
- Fischler C.* L'omnivore, le goût, la cuisine et le corps. Paris: Odile Jacob, 1990.
- Fournier T., Poulain J.-P.* La génomique nutritionnelle: (re)penser les liens alimentation – santé à l'articulation des sciences sociales, biomédicales et de la vie // Natures Sciences Sociétés. 2017. Vol. 25 (2). P. 111–121.

- Hubert A. L'anthropologie nutritionnelle: aspects socio-culturels de l'alimentation // Cahiers d'Etudes et de Recherches Francophones. 1991. Vol. 1 (2). P. 165–168.
- Hubert A. Alimentation et Santé: la Science et l'imaginaire // Anthropology of Food. [Online]. 2001. S1. URL: <http://journals.openedition.org/aof/1108>.
- Jas N. Gouverner les substances chimiques dangereuses dans les espaces internationaux // Le gouvernement des technosciences / Ed. D. Pestre. Paris: Éditions La Découverte, 2014. P. 31–3.
- Lamine C. Pour une sociologie pragmatique des choix alimentaires émergents. Paris: Quae, 2008.
- Lochard Y. L'avènement des “savoirs expérientiels” // La revue de l'Irès. 2007. Vol. 55 (3). P. 79–95.
- Olivier de Sardan J.-P. La politique du terrain. Sur la production des données en anthropologie // Enquête. 1995. n°1. P. 71–109.
- Peretti-Watel P. La société du risque, Paris: Éditions La Découverte, 2010.
- Poulain J.-P. Sociologie de l'obésité. Paris: PUF, 2009.
- Rambonilaza T., Neang M. Exploring the Potential of Local Market in Remunerating Water Ecosystem Services in Cambodia: An Application for Endogenous Attribute Non-Attendance Modelling // Water Resources and Economics. 2019. No 25. P. 14–26.
- Vialles N. La peur au ventre? Le risque et le poison // Terrain. 2004. n° 43. P. 107–122. URL: <http://journals.openedition.org/terrain/1852>.
- Wang R., Yu Z., Si C., Ng N., Scott S. The Transformation of Trust in China's Alternative Food Networks: Disruption, Reconstruction, and Development // Ecology and Society. 2015. Vol. 20 (2). P. 19.
- Yan Yu. Food Safety and Social Risk in Contemporary China // The Journal of Asian Studies. 2012. Vol. 72 (3). P. 705–729.
- Zonabend F. La Presqu'île au nucléaire. Paris: Éditions Odile Jacob, 2014 [1989].

Research Article

Bureau-Point, È., Doeurn, S. Chemical Substances and Food Scares in Cambodia [Iadokhimikaty i pishchevye strakhi v Kambodzhe] *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 6-30 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/6-30>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ève Bureau-Point | <https://orcid.org/0000-0003-4827-4046> | CNRS, Centre Norbert Elias | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | eve.bureau-point@univ-amu.fr

Seyha Doeurn ECOLAND, Royal University of Agriculture, P.O.Box: 2696, Dongkor District, Phnom Penh, Cambodia

Keywords

Cambodia, pesticides, food scares, imaginary, invisibility, health.

Abstract

Chemical substances in food is a source of growing concern in Cambodia. Despite the invisibility of these substances, the idea that food contains chemical residues harmful to health is gaining ground. A full range of food scares emerge. A new imaginary of food is spreading and everyone try to develop strategies to arrange with the fear of being contaminated. Based on an ethnographic study conducted in Cambodia between June 2018 and March 2019 with urban people, farmers, rice, fresh fruits, vegetables and input sellers, this article examines the collective imaginaries of food and the adaptations developed in response to the fear of being contaminated.

References

- Apfelbaum, M. 1998. *Risques et peurs alimentaires* [Food risks and fears], Paris: Odile Jacob.
- Appadurai, A. 2015. *Après le colonialisme. Les conséquences culturelles de la globalisation* [Après le colonialisme. Les conséquences culturelles de la globalisation,], Paris: Payot.
- Beck, U. 2008 [1986]. *La société du risque. Sur la voie d'une autre modernité* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Paris: Flammarion.
- Bertrand, D. 1998. Les Vietnamiens au Cambodge: analyse des représentations et des conditions d'une intégration [Vietnamese in Cambodia: analysis of representations and conditions of integration], *Aséanie*, 2: 27–46.
- Bureau-Point, È. 2016. *Les patients experts dans la lutte contre le sida au Cambodge. Anthropologie d'une norme globalisée* [Patients who are experts in the fight against AIDS in Cambodia. Anthropology of a globalized standard], Marseille: Presses Universitaires de Provence.
- Bureau-Point, È. et C. Baxerres. 2020. Self-medication in the Cambodian Pharmaceutical System, *Medical Anthropology*, 39, 8: 765–781.
- Cohen, P., H. Hoarau, et A. Lorcy. 2017. Food Experiences of People Living with Cancer: Continuities and Discontinuities in their Local and Global Dimensions, *Anthropology of food*, 12, URL: <http://journals.openedition.org/aof/8284>.
- Dardot, P. et C. Laval, 2009. *La nouvelle raison du monde. Essai sur la société néolibérale* [The new reason of the world. Essay on neoliberal society], Paris: Éditions La Découverte.
- Douglas, M. 1992. *Risk and Blame. Essays in Cultural Theory*, London: Routledge.
- Fischler, C. 1990. *L'omnivore, le goût, la cuisine et le corps* [The omnivore, the taste, the food and the body], Paris: Odile Jacob.
- Fournier, T. et J.-P. Poulain. 2017. La génomique nutritionnelle: (re)penser les liens alimentation–santé à l'articulation des sciences sociales, biomédicales et de la vie [Nutritional (epi)genomics: (re)considering the Food-health Relationships by Connecting Social, Biomedical and Life Sciences], *Natures Sciences Sociétés*, 25, 2: 111–121.
- Hubert, A. 1991. L'anthropologie nutritionnelle: aspects socio-culturels de l'alimentation [Nutritional anthropology: socio-cultural aspects of food], *Cahiers d'Etudes et de Recherches Francophones*, 1, 2: 165–168.
- Hubert, A. 2001. Alimentation et Santé: la Science et l'Imaginaire [Food and Health: Science and the Imaginary], *Anthropology of Food*, S1, URL : <http://journals.openedition.org/aof/1108>.
- Jas, N. 2014. Gouverner les substances chimiques dangereuses dans les espaces internationaux [Governing Hazardous Chemicals in International Spaces], in *Le gouvernement des technosciences*, D. Pestre, éd., Paris: Éditions La Découverte: 31–3.
- Lamine, C. 2008. *Pour une sociologie pragmatique des choix alimentaires émergents* [For a pragmatic sociology of emerging food choices], Paris: Quae.
- Lochard, Y. 2007. L'avènement des “savoirs expérientiels” [The Advent of “savoirs expérientiels”], *La revue de l'Îrès*, 55, 3: 79–95.
- Olivier de Sardan, J.-P. 1995. La politique du terrain. Sur la production des données en anthropologie [Field policy. On the production of data in anthropology], *Enquête*, 1: 71–109.
- Peretti-Watel, P. 2010. *La société du risque* [Risk Society], Paris: Éditions La Découverte.
- Poulain, J.-P. 2009. *Sociologie de l'obésité* [Sociology of Obesity], Paris: PUF.
- Rambonilaza, T. et M. Neang. 2019. Exploring the Potential of Local Market in Remunerating Water Ecosystem Services in Cambodia: An Application for Endogenous Attribute Non-Attendance Modelling, *Water Resources and Economics*, 25: 14–26.

- Vialles, N. 2004. La peur au ventre ? Le risque et le poison [Gut scared? Risks and poisons], *Terrain*, 43: 107–122. URL: <http://journals.openedition.org/terrain/1852>.
- Wang, R. Yu., Z. Si, C.N. Ng et S. Scott, 2015. The Transformation of Trust in China’s Alternative Food Networks: Disruption, Reconstruction, and Development, *Ecology and Society*, 20, 2: 19.
- Yan, Yu. 2012. Food Safety and Social Risk in Contemporary China, *The Journal of Asian Studies*, 72, 3: 705–729.
- Zonabend, F. 2014 [1989]. *La Presqu’île au nucléaire* [The nuclear peninsula], Paris: Éditions Odile Jacob.

© С. Лезур

ОТ ПЛАНТАЦИЙ НА ВОСТОКЕ ЭФИОПИИ ДО МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКОВ: КАТ ПОД КОНТРОЛЕМ

Ключевые слова: Эфиопия, Джибути, Сомалиленд, исса, оромо, сомали, амхара, харари, *catha edulis*, экспорт, глокализация, либерализация экономики, борьба с наркотиками, продовольственная безопасность.

Статья основана на полевых исследованиях автора, проводившихся в городах Дыре-Дауа, Аводай и Харар на востоке Эфиопии с ноября 2012 по июнь 2013 г., в феврале 2014 и апреле 2015 гг. Она посвящена тому, каким образом длинные маршруты распространения по миру растения кат (*catha edulis*) и препятствия на этих путях влияют на сектор его производства и сбыта. В центре нашего анализа – вопрос о социальных трансформациях, порождаемых глобализацией, в ходе которой этот вечнозеленый кустарник оказался связующим звеном между локальным и глобальным уровнями, между плантациями и прилавками. Кроме того, нам важно понять, какое влияние его выращивание и оборот оказывают на осуществление государственной власти на восточных окраинах страны.

Вплоть до начала 1990-х гг. потребление листьев эфиопского ката¹ в основном ограничивалось ареалом его естественного распространения на востоке страны (нынешняя провинция Харари, до 1994 г. – Харэрге), а также государствами Африканского рога (Сомали, Джибути)². В этот период обычай жевать кат для получения стимулирующего эффекта был распространен среди харари, оромо и сомали, в большинстве своем мусульман³. Затем “листья Аллаха”⁴ постепенно распространились за пределы традиционного для них географического и конфессионального ареала: на запад, север и юг Эфиопии и стали транскультурным элементом (*Gebissa* 2004, 2010b); сегодня в стране численность потенциальных потребителей ката оценивается в 14 млн чел., или около 15% населения Эфиопии (*Haile, Lakew* 2015) – мусульман и православных христиан, преимущественно мужчин (хотя в последнее время к жеванию листьев приобщаются и женщины), среди которых становится все больше и больше молодежи. Кстати, именно молодежь сыграла важнейшую роль в распространении ката в 1970-х–1990-х гг. (*Gebissa* 2004; *Mains* 2010). В 1990х гг. местное растение становится глобальным товаром, массово (и легально) экспортируемым сначала на региональном уровне – в Сомали и Джибути, а затем и на мировом: в Китай, США, Великобританию, Австралию, куда оно попадает вслед за мигрантами из Сомали, Эфиопии, Джибути и Йемена⁵.

Селина Лезур | <https://orcid.org/0000-0002-6159-0425> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | celine.lesourd@gmail.com

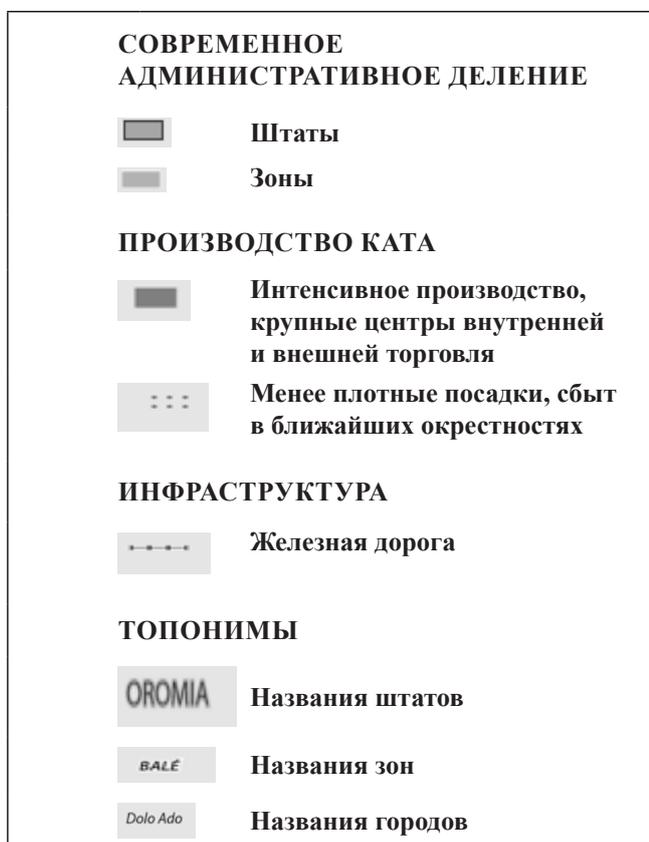
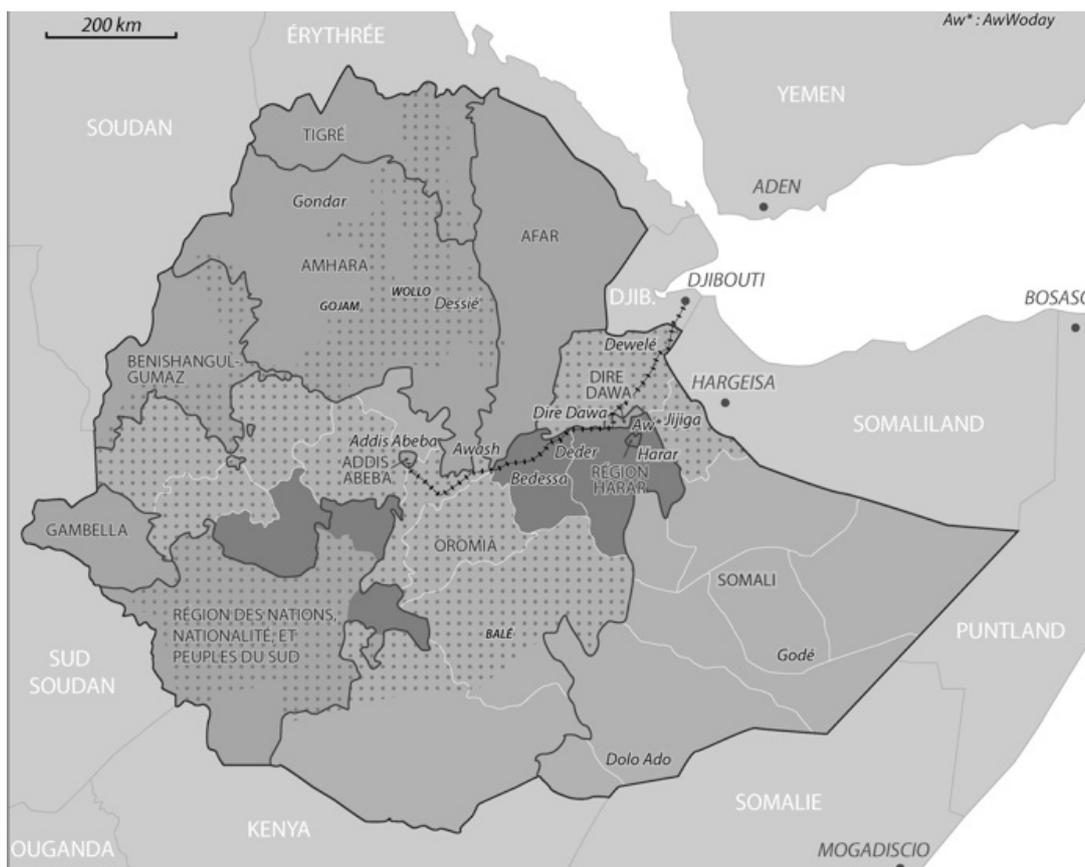
Для цитирования: С. Лезур. От плантаций на востоке эфиопии до международных рынков: кат под контролем // Антропологии/Antropologies. 2021. № 1. С. 31-48. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/31-48>.

Ускорение международного оборота продукта влечет за собой неизбежные последствия на местном уровне: деньги льются рекой, производство взмывает вверх, религиозные и общинные идентичности поляризуются вокруг ката, а государство хочет контролировать мощные финансовые потоки. Еще одним последствием стало законодательное запрещение многими странами ввоза ката на свою территорию, превращающее его, при пересечении границы, в “африканский наркотик”⁶; таким образом с 2013 г. потребители в Нидерландах и с 2014 г. – в Великобритании лишились легальных поставок продукта.

Культивирование ката перестало удовлетворять исключительно нуждам внутреннего рынка, как это было на протяжении долгого времени, а резко возросший уровень его потребления привел к взрывному росту производства: в 1954 г. *catha edulis* выращивали на площади 3 тыс. 705 га, а в 2014 г. под этой культурой было занято уже 248 тыс. 964 га (Agricultural 2014–2015). Таким образом, за 60 лет посевные площади увеличились в 30 раз. Значительно выросло и число производителей. Мы покажем, как выращивают кат и каким образом эта культура смогла вытеснить другие – в частности, кофе, вопреки национальной и международной аграрной политике, не занимающейся *catha edulis*. Учитывая, что эфиопские деревни находятся под жестким экономическим и политическим государственным контролем, есть основания удивиться такому (неконтролируемому?) пристрастию производителей к этой культуре, гарантирующей им, помимо финансовой безопасности, некоторую независимость. (Rahmato 2011; Lefort 2007, 2011; Planel 2014).

Далее сбыт ката вовлекает в процесс самую разнородную рабочую силу. Перевозчики, посредники, дегустаторы, упаковщики, носильщики, весовщики и т.п., а также оптовики, торговцы, экспортеры составляют вместе с крестьянами так называемый “демократический” сектор (в отличие от кофейного сектора, известного как “аристократический”, где несколько негодантов держат в своих руках весь рынок, цены на котором индексируются на международных биржах). Эта атомизированная структура, кажется, позволяет каждому найти свою нишу, помогает выживать и даже богатеть, что обеспечивает определенную социальную стабильность, “поскольку все сыты”. Однако следует отметить, что никакая гегемония не может возникнуть без покровительства центральной власти, поскольку деньги, которые приносит дающая наибольшую выгоду международная торговля, являются основной ставкой в борьбе между разными уровнями администрации, где государство стремится доминировать, адаптируя для этого свои стратегии на различных географических направлениях: “приватизацию” в торговле с Джибути; поддержку монополии частника с целью “убить конкуренцию” в торговле с Сомали; использование международных запретов с целью отвадить мелких экспортеров от торговли с остальным миром; все это делается на фоне поощрения лояльности к партии власти – Революционно-демократическому фронту эфиопских народов (РДФЭН) – и этнизации экономического соперничества между игроками “демократического” сектора. Таким образом, этнофедеральное государство стремится контролировать ценный ресурс и в целом территорию непокорных регионов скорее в сфере торговли, чем в сфере производства.

Производство и сбыт ката в Эфиопии

Источник: *Lemessa* 2001: 5.

Маневренная культура?

Огромное увеличение производственных площадей, на которых выращивается кат, имело место во многих районах Эфиопии, но главным образом – в провинции Харари, исторической колыбели кустарника, и шире – во всем административном регионе Оромия, где концентрируется 3/5 площадей, занятых этой культурой в стране. Такие действия крестьян, противоречащие как государственной аграрной политике, ориентированной на развитие, так и международным предписаниям, сочетающим цели борьбы с наркотиками и обеспечения продовольственной безопасности, ставит вопрос о реальных стратегиях и возможностях государственного контроля этой периферийной территории.

Легко производить. Регион Харари обладает идеальными природно-климатическим условиями для выращивания ката: высота (между 1500 и 2000 м), температуры от 16°C до 30°C, среднее количество осадков (от 800 до 1000 мм за несколько месяцев) и хорошо дренированные почвы. Культивируемый террасным способом, в совместных посадках, на очень маленьких участках, *catha edulis* размножается черенкованием: черенок длиной около 30 см закапывается в землю горизонтально в сезон дождей (если на участке нет искусственного орошения). Затем его нужно защитить от скота и от воров и подождать как минимум четыре года, чтобы кустик превратился в зрелое растение высотой от полутора до трех метров, после чего в течение пятидесяти лет с него можно снимать урожай:

(...) среди кустов я сажаю лук, сорго для семейного потребления; другие фермеры сажают зерновые или картофель, третьи выращивают кофе (...) В качестве удобрений мы предпочитаем содержимое сточных канав, которое привозят цистернами (...) я не хочу использовать химикаты, с ними куст дает меньше листьев (Лулу, производитель ката).

Период сбора большинства сортов ката (тех, которые требуют больше всего воды) приходится на сезоны дождей: первый – сезон “малых дождей” в феврале-марте, второй, гораздо более длинный и наиболее удачный, длится с конца июня до конца сентября. (...) Чтобы иметь урожай круглый год, нужно по возможности сажать несколько сортов. Люди жуют много ката, а из-за экспорта цены на него выросли, потому что выросла потребность. Все хотя кат, все время (...), поэтому мы все его производим. Это тяжелая работа, нужна вода, нужны рабочие руки, это все дорого, но если продаешь его круглый год, это дает регулярный доход (Дино, производитель ката).

Таким образом, крестьяне прибегают к различным стратегиям (выбор сортов, приспособленных к различным почвам, использование ирригации), позволяющим им получать несколько урожаев в год. В результате на местный и международные рынки круглый год поступают свежие зеленые ветки ката⁷. В качестве ориентира укажем, что в 1980 г. производство ката оценивалось в 50 тонн; в 2002 оно выросло до 800 000 тонн, что равнозначно годовому производству хлопка в Буркина Фасо или в два раза больше годового производства салата-латука во Франции.

Каждый день на сборе урожая занято большое количество мужчин и подростков, причем собирать кат нужно непременно до восхода солнца, работая очень быстро, чтобы как можно раньше попасть с товаром на рынок: содержащиеся в листьях алкалоиды разлагаются менее чем за 48 часов, поэтому свежесть продукта является основным фактором, определяющим его цену. Чтобы преодолеть эти временные ограничения, а также сделать продукцию менее заметной, замаскировав ее под “чай” или “хну”, некоторые производители выращивают более грубые сорта, которые превращают в порошок, называемый гогома.

(...) Как делают гогома (...) Они [дети 5–10 лет] собирают не ветки, а листья, листочек к листочку. Потом я сушу их (...) в комнате с жестяной крышей и фанерным подкосом. На каждую полку кладу 5–6 кг листьев, сверху накрываю их мешковиной (...) раз или два в день нужно подняться по лестнице и поворошить листья на полках (...) Потом я нанимаю женщин, чтобы перебрать кат, выбрать листья почерневшие, или слишком желтые, плохо высушенные или обгорелые. Я им плачу за килограмм (...) Я делаю гогома из своего урожая, а когда у меня есть деньги, покупаю сырье у других, сушу его и потом отправляю по почте небольшими пакетами (Дино, производитель и экспортер)

Таким образом мы видим, что культура *catha edulis* при условии применения разнообразных индивидуальных стратегий позволяет получать деньги от ее реализации, в зависимости от рыночного спроса, два, а то и больше раз в год; вопреки стереотипам, эти стратегии свидетельствуют о желании крестьян не переходить на монокультуру, но, напротив, сохранить ее совместные посадки с продукцией повседневного спроса, в которую входят картофель, сорго, кукуруза и лук, иными словами, продолжать обеспечивать себя продовольствием и одновременно получать доход. Для бедного крестьянства выращивание ката означает надежду выйти за рамки сельскохозяйственной политики, установленной государством.

Выручает в трудных обстоятельствах. В 1887 г. император Менелик завоевал мусульманский город Харар и раздал земли вокруг своим чиновникам, а также переселенным с севера страны на вновь покоренные территории амхара. Это завоевание нанесло тяжелый удар по прежнему населению региона – харари, которые, согласно некоторым источникам, утратили монополию на выращивание ката: их соседи оромо, до тех пор державшиеся в стороне, получили доступ к культуре⁸. Военное поражение и последовавшая за ним оккупация привели также к постепенной парцелляции крестьянских земель, что вынудило земледельцев расчищать пустоши, выкорчевывать кустарник, сократить до минимума время под паром. Уменьшилось поголовье скота, плодородность земель критически ухудшилась. Чтобы выжить в условиях малоземелья, с конца 1940-х гг. крестьяне-оромо пожертвовали своими посадками сорго и кукурузы (среди которых находилось место для одного-двух кустиков ката, предназначенного для личного потребления и изредка для экспорта в Йемен) в пользу культуры, считавшейся тогда наиболее рентабельной, а именно кофе. Это продолжалось до начала 1960-х гг., т.е. до очередного обвала цен на арабику. Именно в этот момент произошло первое заметное увеличение производства ката, цены на который, зависящие только от местного рынка, гарантировали стабильность.

После свержения в 1974 г. Хайле Селассие и установления режима Временного военно-административного совета (Дерг) “все сельскохозяйственные земли стали коллективной собственностью эфиопского народа” (Lefort 1981: 130), однако из-за мощного демографического давления эта аграрная реформа не привела к существенному увеличению площади земельных участков у каждой семьи. К тому же излишне зарегулированная экономика фиксирует на самом низком уровне цены на любую сельскохозяйственную продукцию, включая кофе. В ответ крестьяне начинают выращивать больше ката, по-прежнему считающегося более доходным. В этот период площадь кофейных плантаций сокращается с 6,6% до 4,4% всех сельскохозяйственных площадей, а площади, занятые катом, увеличиваются вдвое – с 6,6% до 13% культивируемых земель.

Наконец, в 1984 г. в Эфиопии разразился голод, что привело к появлению на местном рынке – в виде гуманитарной помощи или контрабанды – продуктов питания (макарон, риса) и рикошетом повлекло за собой отказ от выращивания продовольственных культур для домашнего потребления. На освободившихся площадях крестьяне стали сажать кат для продажи на внутреннем рынке и на экспорт.

После падения режима Дерг и прихода к власти Мелеса Зенауи в 1991 г. национализация земель и либерализация экономики создали условия для новой инвестиционной политики, в центр которой было помещено сельское хозяйство как двигатель развития страны. Во имя этой амбициозной цели земля, согласно принятой в 1995 г. конституции, осталась общенародной и национальной собственностью, но поставленные экономические задачи не учитывали “неопределенность статуса владения, нехватку земли и фрагментацию участков, закрепленных за домашними хозяйствами, снижение продуктивности и деградацию почв” (*Rahmato* 2009: 302). Хотя пользование землей бесплатно, и государство, в теории, гарантирует защиту от “экспроприаций” – в рамках своих экономических интересов, приводящих к сдаче в аренду миллионов гектаров иностранным инвесторам, – огромное большинство эфиопских крестьян живет в бедности и неуверенности в завтрашнем дне, треть хозяйств в сельской местности отнесены к малоимущим. Цитировавшийся выше автор считает, что “сельское хозяйство Эфиопии исчерпало свой потенциал” (*Rahmato* 2009: 302) и не может гарантировать продовольственное самообеспечение.

В этом контексте сворачивания сельскохозяйственного производства на фоне снижения рентабельности кофе (*Planel* 2008: 316), по мере падения цен на него с 13 эфиопских бырров⁹ за килограмм в 1997–1998 гг. до 8 в 2001–2002 гг., очень многие производители делают выбор в пользу “веселящих веток”, ставших синонимом наличных денег. Для уязвимого и неуверенного в завтрашнем дне местного крестьянства это своего рода безопасная ставка: растение неприхотливо, устойчиво к засухе и не требует много воды для полива, выращивается совместно с основными продовольственными культурами, хорошо продается и обеспечивает регулярный доход. Исследования показывают, что от 50 до 80% доходов крестьян в провинции Харари приходится на *catha edulis*, который куда лучше, чем кофе, дает им возможность питаться, одеваться, отправлять детей в школу, в целом иметь более высокое качество жизни (*Laxman* 2014, *Gebissa* 2008). Действительно, если “кофейная ферма” приносит около 11 тыс. бырров в год, то производитель ката получает около 23 тыс. (*Anderson et al.* 2007). Средний урожай ката в регионе составляет тысячу кг с га, а цены на него не перестают расти (в начале 1980-х гг. за килограмм давали 20 бырров, в 1990 г. – 33, а в 2004 уже 96 бырров). Стратегический выбор крестьян вполне понятен.

Таким образом, на плантациях ката действует и обогащается много разных людей, что заставляет усомниться в возможности центральной власти строго регулировать жизнь села с целью как экономического развития, так и политического контроля. Все это далеко от «демократического государства», несмотря на политические заявления, пропагандирующие экономический «либерализм» как двигатель демократии (*Bayart* 2008; *Ayenew* 2014; *Yeibiyio* 2014; *Bach*, 2011; *Abbink, Hagmann* 2013).

Кат и аграрная политика государства

В сельской местности национальным целям аграрной модернизации – в частности, увеличению продуктивности зерновых в соответствии с потребностями рынка и новым пониманием продовольственного самообеспечения (на национальном, а не на индивидуальном уровне) – служит государственная политика, опирающаяся на многочисленные человеческие и технические стимулы и запреты. Среди них, например, “раздача удобрений и улучшенного посевного материала” (*Planel* 2012). Эти меры направлены не только на повышение сельскохозяйственной продуктивности, но и на контроль над территориями и управление людьми с помощью чрезвычайно плотной административной сети. Крестьяне, применяющие прогрессивные сель-

скохозяйственные методы, считаются заслуживающими государственной поддержки, особенно если они связаны с партией. Это отличает их от “бедных” крестьян, фактически объявляемых никчемными и контролируемых с помощью так называемых рычагов политики развития, загоняющих крестьян в долги и вынуждающих их вступать в местные политические организации ради получения помощи (Planel 2012, 2016).

Производители ката на востоке Эфиопии оказываются вне этой командно-административной пирамиды: они не пользуются возможностями государственных программ и не получают помощи, поскольку кат не относится к стратегическим продовольственным культурам, и гектары, на которых он выращивается по соседству с культурами, предназначенными для семейного потребления, оказываются потерянными для целей национального продовольственного самообеспечения. Занимая пахотные земли и отвлекая крестьян от выполнения задач развития, поставленных государством, кат, кроме того, вызывает гнев международных фондов: чем больше он распространяется, тем больше международное общественное мнение возмущается тем, что в высшей степени благородной цели “продовольственной безопасности” угрожает дьявольский “наркотик кат”¹⁰. Нарушающий национальные и интернациональные запреты, кат мог бы подвергнуться искоренению, тем более, что такие прецеденты уже бывали – правда, закончились они ничем¹¹. Тем не менее, культура ката процветает не только в своем исходном ареале, но и в других регионах страны. Государство не финансирует и не организует его производство, но мирится с ним. Ката как бы не существует – но он существует. Доходы, которые он приносит, облагаются налогом с продаж (как на местном, так и на международном рынках), который идет в основном в бюджет государства и лишь отчасти – в бюджеты регионов/штатов. Государство не регулирует производство ката, но регулирует с помощью фискальных инструментов его оборот.

(...) Мы покупаем кат в Дыре-Дауа, Бэдесе, Аводае – это зависит от нужного количества. У нас там, на местах, есть посредники – *dalalas*, которые договариваются с крестьянами, покупают у них и потом продают нам, имея с этого хорошие комиссионные – именно они больше всех выигрывают от этого бизнеса. Вот уже лет пять как между Бэдессой и Дыре-Дауа нет [официальных] блокпостов для экспортеров: для нас это было потерей времени и денег, потому что с катом нужно действовать быстро, чтобы он был свежим, иначе цена его падает. И к тому же нужно было платить за этот участок дороги по 6 бырров с килограмма, а это немалая сумма (...). Государственные аудиторы оценивают годовую выручку, и с нее мы платим налог на прибыль в федеральный бюджет – в нашем случае это 30%. Если выручки нет, то и налога нет. (...) Да, такое бывает! Если Джибутийская компания импорта ката (SODJIK) устанавливает слишком низкие цены, ниже реальных закупочных цен (так случается, когда кат очень дорог перед началом сезона дождей, если дожди никак не начинаются). Тогда бывает, что мы работаем себе в убыток в течение нескольких дней и даже недель (Идрис, председатель экспортной компании “Кулмие”).

Так, в 2003–2004 гг. налоги на экспорт и международную торговлю принесли в госбюджет 759 млн бырров, или 31 млн евро (Dessie 2013: 14); в 2010 г. доля ката составила 10% национального экспорта, в денежном выражении – 200 млн евро. Иногда кат называют второй статьей эфиопского экспорта после кофе. В 2003 г. он обеспечил 60% бюджета федерального города Дыре-Дауа – в частности, за счет дорожных пошлин (*ibid.*), не считая налогов, которыми облагаются сами торговцы (налог на прибыль, дорожные сборы...). Следует подчеркнуть, однако, что официальные данные относительно ката (площади и объем производства, местные налоги, данные об объемах экспорта и его доходности) то появляются, то исчезают в разные годы в разных документах. Кат существует – но и не существует.

Все это в эфиопском контексте с его растущей централизацией все более авторитарной власти, где “государство” работает, в глазах местного населения и международного сообщества, на сохранение контроля над ресурсами и удержание в своих руках экономических рычагов, должно удивлять. Удивительна столь ненавязчивая опека властей, которые, кажется, не имеют прямого влияния на плантации ката – ни на увеличение площадей, отводимых на эту культуру, ни на производство. Удивительно, что государство не является хозяином ценного ресурса и – с определенной точки зрения – “своих” земель. Удивительно также, что у властей есть возможность искоренить кат, но... они ничего для этого не делают. Удивительно, наконец, что, несмотря на то, что кат как бы не существует, он тщательно облагается налогами, хотя данные о его производстве и продаже могут быть далеки от реальности. Во всем этом нагромождении странностей нам видится слабость, а то и несостоятельность эфиопского государства, сильной стороной которого является государственный капитализм, а его Ахилловой пятой – необходимость прибегать к принуждению для обеспечения собственной устойчивости. Поэтому, не имея возможности искоренить кат или взять под контроль его плантации, режим изобретает стратегии, позволяющие держать в своих руках торговлю этим ресурсом, т.е. деньги от его продажи, и тем самым контролировать производящий регион.

Как государство контролирует экспорт

Если бы я мог, я бы сжег все плантации ката в регионе. Люди восстали бы. Сегодня мелкая прибыль усыпляет крестьян, (...) вот они и не бунтуют. Средний класс сыт благодаря деньгам от продажи ката, а когда люди сыты, их не поднимаешь. Невозможны ни восстание, ни протест. Власть может делать все, что хочет, народ все примет. Кат – это сила оромо, но он же – их самая большая слабость (Алюб, потребитель).

Поскольку считается, что он выгоден всем, сектор производства и продажи ката часто называют “демократическим”. Он не порождает доминирования или зависимости крестьян от крупных торговцев. Кроме того, занятие катом не требует особых затрат: черенки растений, немного воды, никакого оборудования, магазинов, маркетинга... Всем выгодно, конечно, но некоторым выгоднее, чем другим, о чем свидетельствует реструктуризация экспорта, где концентрируется основная прибыль. “Приватизация” и поддержка крупного частного монополиста, связанного с правящей партией РДФЭН¹², целая череда запретов, вызванных войной с наркотиками, и создание контрабандистских сетей на базе общей идентичности, борьба за власть на различных уровнях – все это дает представление об авторитарных методах центрального руководства на восточных окраинах страны.

Экспорт в Джибути: ставка на приватизацию. Одно из основных направлений экспорта эфиопского ката – Джибути. При режиме Дерг монополия на экспорт принадлежала государству в лице “Эфиопской компании по импорту и экспорту ката и агропромышленных товаров”, переименованной в 1988 г. в “Эфиопскую ассоциацию экспортеров ката” (ЕСЕА, или “Эфиокат”), которая экспортировала, по некоторым данным, до 10 т ката в день. Его перевозили в опломбированных вагонах и под охраной по железной дороге из Дыре-Дауа в Джибути. На других поездах кат перевозили контрабандой, причем занимались этим в основном женщины. Они везли за границу ветви и листья и возвращались обратно с товарами повседневного спроса (см. подробнее о контрабандистах: *Lesourd 2019, 2021*).

В утренних поездах ездили в основном женщины, я бы сказал, процентов 80 женщин, главным образом исса и орома; [...] никто не мешал им делать свой бизнес, все в этом участвовали и все от этого выигрывали. Без контрабанды Дыре-Дауа не выжил бы (Жозеф, бывший железнодорожник).

После свержения Менгисту, в 1990 г., в ходе “либерализации” экономики экспортная цепочка реструктурировалась¹³ вокруг четырех частных предприятий: наряду с традиционным игроком “Эфиокат” появились компании “Бервако” (создана в 1990 г. и имеет экспортную квоту в 980 кг в день); “Бифту” (с 1994 г., дневная квота 2500 кг) и “Кулмие” (создана в 1997 г., имеет право экспортировать ежедневно 758 кг ката). Наряду с этими крупными компаниями существуют частные лицензии на экспорт, предназначенные для индивидуальных предпринимателей. Весь экспорт идет через Джибутийскую компанию импорта ката (SODJIK), которая устанавливает единую закупочную цену (очень низкую) и свои дневные квоты: пять тонн в день (Banque mondiale 2011)¹⁴.

Чтобы пресечь контрабанду, государство применяет различные меры – от усиленного военно-технического наблюдения до поощрения доносов. Одной из самых действенных мер было прекращение железнодорожного сообщения между Дыре-Дауа и Джибути в 2010 г. Контрабандистам пришлось переориентироваться на автодорогу, что означало необходимость покупки или аренды машин или поиска перевозчика. К этим расходам прибавились поборы на блокпостах и иные “договоренности”. Вся эта организация оказалась куда более дорогостоящей, чем поездка на поезде в одиночку, что заставило многих – и в первую очередь женщин – отказаться от экспорта и перейти на внутренний рынок. Тем не менее, по словам торговцев, тайный оборот ката продолжается и составляет около трех тонн ежедневно. Объем существенный, но все же маргинальный в сравнении с официальными поставками. Организовывая свои собственные трансграничные структуры, государство не столько борется с контрабандой, сколько выбивает почву из-под ног у множества мелких контрабандистов, которых было бы труднее выявить и обложить налогами, чем тех, у кого есть “витрина”.

Тем временем растет недовольство такой “приватизацией” сектора, которая выгодна государству, а точнее – правящей партии РДФЭН. Так, утверждают, что стоящие во главе Бифту (государственной компании, имеющей самые большие экспортные квоты) двое мажоритарных акционеров – члены Демократической организации народов оромо (ДОНО), бывшие министры: один – водных ресурсов, другой – промышленности и торговли. Мажоритарным акционером “Бифту” является также *Dinsho Public Limited Company*, компания, считающаяся основным поставщиком средств для ДОНО (Tronvoll, Vaughan 2003: 77) и входящая в известный Благотворительный фонд реабилитации Тыграя (EFFORT), в составе которого – крупнейшие предприятия страны, аффилированные с властью.

“Бифту” возглавляют бывшие министры, ребята из ДОНО [...] Президент “Бифту”, как и “Эфиоката”, фигура сменяемая. Иногда этот пост занимает исса, реже амхара, и часто это оромо [...] По уставу президента выбирает совет общества, но на самом деле это политическое решение, и его принимает премьер-министр. [...] Он назначает кого-то из оромо, члена партии, в знак вознаграждения (Аюб, потребитель, разговор в мабразе¹⁵)

Эти экономические маневры позволяют центральной власти оставаться в центре политической жизни региона. К тому же, как следует из приведенной выше цитаты, компании создаются по этническому принципу. Так, “Бифту” имеет печать «оромо», тогда как “Кулмие”, “Бервако” и “Эфиокат” считаются компаниями сомалийцев из клана исса. Таким образом, в этом экономическом и политическом структурировании сектора снова возникает вопрос о вытеснении оромо сомалийцами, мы еще вернемся к нему.

Экспорт в Сомали: альянс с монополистом. Шуура¹⁶ живет между Джиджигой и Дыре-Дауа и возглавляет знаменитую компанию “571”, монополизировавшую продажу и распространение ката во всем эфиопском регионе Сомали. За его пределы, в Сомалиленд, она

экспортирует¹⁷, по оценке наших информаторов, около 60 тонн ката ежедневно, что составляет 2/3 всего экспорта в этом направлении. Французская пресса называет ее “королевой ката” (Hedemann 2016).

Меня только что признали женщиной года в бизнесе. И сразу после этого правительство не постеснялось прислать мне счет за налоговую задолженность на сумму 48 млн бырров (1,8млн евро). Ну ничего, мы найдем выход. У меня хорошие отношения с премьер-министром (Шуура Исмагил Хан, цит. по Hedemann 2016).

Переняв ремесло от своей матери, продавщицы ката, Шуура быстро расширила свой бизнес, сформировав сеть потребителей: сначала она отправляла товар в ближайшие к Джиджиге деревни и в соседний Сомалиленд, за 80 км, потом начала снабжать весь регион Сомали с помощью грузовиков, принадлежащих членам ее клана. Первоначально ее сеть поставок распространялась на сомалийский клан Исаак, а более конкретно – суб-кланы ее отца (Иданкале) и матери (Бартире):

В ее клане, в регионе Сомали, мужчины употребляли только ее кат, и не только клан ее отца – нет, весь клан Исаак хотел только ее кат [...] А этот клан – большие любители ката, к тому же люди расточительные, готовые выложить любую сумму. Их не заботит завтрашний день, им важно, чтобы сегодня был кат (разговор в мабразе)

После первого развода, хорошо обеспеченная материально, Шуура вложила средства в приобретение нескольких грузовиков японской марки Исудзу (очень популярной в Эфиопии), чтобы гарантировать независимость поставок. В этот же период она заключила второй брак с сомалийцем из клана Исаак. М., ее второй муж, – бизнесмен из Харгейсы (столицы Сомалиленда) – специализировался на импорте и распространении ката... В Дыре-Дауа все уверены, что это был не просто брачный союз, но союз двух крупных предпринимателей, результатом которого стало рождение компании “571”. В Эфиопии Шуура обеспечивает закупки товара у крестьян:

Это она контролирует кат, так как она контролирует производителей. Я продаю свой кат ей и ее посредникам, и никому больше, поскольку они тут повсюду, в каждой деревне, и они дают лучшую цену, чем другие – чем Бифту и все прочие (С., производитель ката).

Ветки, закупленные в деревнях, отправляются в Джиджигу, где их связывают в букеты, готовые к продаже. Половина их идет в регион Сомали – зону ответственности Шууры, остальное – в Харгейсу, зону ее мужа, который затем наводняет товаром остальную территорию Сомалиленда и часть Пунтленда. Из Джиджиги каждый день разъезжаются по всему региону 25 восьмитонных грузовиков. Рентабельность бизнеса столь высока, что для ускорения доставки “571” приобрела два самолета компании “Антонов”, на бортах которых синим по белому начертано имя Шуура. Ежедневно оба они, нагруженные катом, отправляются из аэропорта приписки – Дыре-Дауа: один в Годе, другой в Доло Адо¹⁸.

“571” – главенствующий бренд в регионе. Этот успех компании связан, конечно, с ее стратегическим положением по обе стороны границы и присутствием в обеих сферах – производства и продажи, но нужно подчеркнуть, что такое процветание было бы невозможно без поддержки со стороны властей. Не имея возможности установить официальные отношения с непризнанным государством Сомалиленд – как это имеет место с Джибути – государство, похоже, сделало ставку на поддержку различными способами частной компании.

Лет десять назад у касс Эфиопских авиалиний [в Дыре-Дауа] каждый день собиралась очередь (...) из торговцев клана Исаак, живущих в Годе (...) Они были готовы оплатить

авиабилет любому, кто согласится перевезти туда их кат (...) Некоторые из этих женщин сами летали, но им нужно было завтра или послезавтра возвращаться в Дыре-Дауа, чтобы к утру попасть в Аводай... поэтому лучшим выходом для них было договориться с пассажирами и заплатить им. В то время билет стоил недорого, около тысячи бырров, и каждый день в Годе поступал свежий кат. Потом Эфиопские авиалинии ввели новое правило: купить билет из Дыре-Дауа в Годе могли только те, кто официально жили в Дыре-Дауа. Нет сомнений: это было сделано специально, чтобы помешать женщинам вести свой бизнес. Поэтому очень быстро члены клана Исаак наладили торговлю фальшивыми документами, которые изготавливались в сомалийском квартале. У многих торговцев появились вторые удостоверения личности, и они возобновили свое занятие. Однако Шуура Исмагил не уступила: она перенаправила в Годе все свои грузовики, полные перwokлассного ката, и продавала его по очень низким, бросовым ценам в течение нескольких недель. У женщин, привозивших кат самолетом, больше не было покупателей... люди больше не хотели его. Их коммерция задохнулась, а Шуура вышла победительницей (С., потребитель).

Близость к власти позволяет компании, лояльной партии, сдерживать появление потенциальных конкурентов. По словам одного из наших собеседников, “конкуренцию она убила”.

В торговле с Сомалилендом, как и с Джибути, транснациональная компетенция так называемых сомалийских групп в сочетании с амбициями центральной власти орудовать на местном уровне, похоже, сыграла на руку некоторым. За счет других.

Международный экспорт: регулирование с помощью запретов. Помимо стран Африканского рога оборот ката повторяет очертания эфиопской, сомалийской, джибутийской, кенийской и йеменской диаспор. Несмотря на запреты, экспорт продолжается. Торговцам из Дыре-Дауа, привыкшим перевозить кат в чемоданах, сдаваемых в багаж, прямыми авиарейсами, приходится теперь обманывать бдительность служащих аэропорта, организовывая сложные маршруты: например, из Аддис-Абебы в США через Дакар. Это хлопотное дело: с одной стороны, нужно уложиться в отведенное время, поскольку растение теряет стимулирующий эффект в течение 48 часов; с другой стороны, нужно найти перевозчиков, если не хочешь рисковать сам. Во время одной из полицейских операций из багажа 13 пассажиров одного рейса, возвращавшихся в Мельбурн из Эфиопии, изъяли 735 кг ката ... (Spooner 2015).

“В США мы жуем кат по субботам и воскресеньям. Его ежедневно доставляет FEDEX”, – рассказывает Мухтар, живущий в Миннесоте. Доставка почтой – на сегодня самый надежный вариант, хотя осторожность заставляет и здесь искать обходные пути: например, отправлять посылки в Нью-Йорк через Бельгию, часто меняя адресатов. Те, кому позволяют средства, пользуются услугами UPS/FEDEX, но не имеют возможности ни застраховать отправление, ни отслеживать его через интернет, чтобы не подвергать риску адресата. Без такой возможности – которая существовала, пока импорт был легальным – отправитель рискует быть обманутым своим партнером, поскольку тот может заявить, что посылка потеряна.

Некоторые продавцы, как уже было сказано, предпочитают превращать листья в порошок (*gogota*) и расфасовывать по пакетикам с этикетками “чай” или “хна”, которые потом также отправляются по почте окольными путями. Такой способ менее затратный, риск конфискации товара не так высок, а выгода, хоть и более скромная, зато более надежная.

По мере усиления механизмов контроля торговцам все чаще приходится хитрить и выкручиваться, чтобы остаться на рынке, а это требует денег и связей:

[...] до 2014 г. нужно было приходиться к открытию [на почту], даже раньше [...] По 5 тонн отправлялось каждый месяц в Китай, Гуанчжоу, Гонконг. Сейчас – 200–300 кг в не-

делю максимум. Нужно сначала проверить, убедиться, куда ты отправляешь свой кат [...] Нужно искать новые направления, все время менять маршруты. Это рискованно (Д., экспортер; Дино, производитель и экспортер)

Растущие риски и затраты вынуждают многих бросить торговлю катом. Препятствия, возникающие при переходе с локального на глобальный уровень, трансформируют пул экспортеров и возрождают неравенство возможностей между сомали и оромо, поскольку первые имеют большую диаспору по всему миру. «Я бы хотел заниматься экспортом, но нужно найти надежного партнера, которому можно доверять, нужно быть сомали, а я вырос среди оромо. Поэтому я оставил эту затею», – объясняет Омар, мелкий торговец.

Это их [оромо] растение, но это мы вывели его за пределы страны, мы рассылаем его по всему миру. Кат – это деньги, много денег, он приносит большой доход, но не благодаря торговле оромо [...] Они продают несколько тонн здесь [в Эфиопии], но именно экспорт делает кат по-настоящему ценным, чем больше его идет на экспорт – тем выше цена (разговор в мабразе, январь 2013 г.).

Таким образом, если на восточных границах, в Сомалиленде и Джибути, государству удастся сдерживать рост числа игроков на рынке ката с помощью приближенных к нему компаний, конкурировать с которыми трудно, то на международном рынке эту сдерживающую роль играют регулирующие запреты. В итоге и здесь прибыль концентрируется в руках немногих хорошо известных, контролируемых и облагаемых налогом коммерсантов.

В результате социальных трансформаций, порождаемых глокализацией (*Swyngedouw* 2004; *Planel, Jaglin* 2014; *Planel, Bridonneau* 2015), растение *catha edulis* оказалось связующим звеном между локальным и глобальным уровнями, между плантациями и прилавками. За счет массового распространения ката в самой Эфиопии, странах Африканского рога и – вскоре нелегально – далеко за его пределами цены на него взлетели до небес. Этот вечнозеленый кустарник кормит крестьян, посредников, торговцев, женщин и мужчин, предпринимателей, перевозчиков, целую армию безвестных тружеников. Если кат выгоден всем и обеспечивает относительное спокойствие, а по мнению некоторых – социальную апатию, то государство стремится держать под контролем прибыль, приносимую этим бизнесом, а заодно контролировать производителей, которые вынуждены согласовывать свои цены с предложением лицензированных экспортеров. Превращая неформальную экономику в формальную, поддерживая лояльные правящей партии транснациональные компании, оттесняя одни кланы и группы и протезируя другим, режим тем самым обеспечивает определенный политический контроль над периферийной территорией. Однако государственное регулирование сектора ката имеет свои границы, такие как невозможность принудить производителей уничтожить посадки или сохранение эффективных контрабандистских сетей, что в некотором роде говорит о сопротивлении ему, хотя и неорганизованном, на местном уровне.

Примечания

- ¹ Кат (лат. *Catha edulis*) – вечнозелёный кустарник семейства Бересклетовые (*Celastraceae*). Листья ката жуют в качестве легкого стимулятора, близкого по действию на организм к эфедрину и амфетамину. Содержащиеся в листьях растения алкалоиды катинон (норэфедрон, β -ketoamphetamine) и катин (D-норпсевдоэфедрин) внесены в Список III Конвенции по психотропным веществам. В России они внесены как психоактивные вещества в Список I (наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, оборот которых в Российской Федерации запрещён в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации) – прим. перев.
- ² Об истории распространения ката до XIX в. можно прочитать: Getahun, Krikorian 1973; Gebissa 2012. Об истории его производства и потребления в Эфиопии до 1990х гг. см. Gebissa 2004.
- ³ Королевство Эфиопия возникло в горах на северо-западе региона и было христианизировано уже в IV в. На протяжении веков это политическое пространство формировалось за счет завоевания периферийных территорий и христианизации и/или порабощения населяющих их “язычников”. В современной Эфиопии этот исторический, языковой и культурный центр – “амхаро-тыграйское” православно-христианское королевство – служит моделью для национальной идентичности. Некоторые социальные группы (как оромо или сомали), сопротивлявшиеся этой гегемонии культурных ценностей, создали в 1970-х гг. собственные освободительные движения, в числе которых Фронт освобождения оромо. С 1990х гг. в стране установлен режим этнического федерализма с административными границами, проведенными по “этническим” линиям.
- ⁴ По названию книги: Ezekiel Gebissa (2004): *Leaf of Allah, khat and agricultural transformations in Harergé, Eastern Ethiopia, 1875–1991*.
- ⁵ Вот неполный список работ о международной циркуляции кенийского и эфиопского ката начиная с 1990-х гг.: Carrier 2007, 2014; Krikorian 1984; Cassanelli 1986; Anderson et al. 2007; Gebissa 2004, 2012. О йеменском кате см.: Destremau 1987, 1990a, 1990b; Weir 1985
- ⁶ См., напр., публикацию, озаглавленную “Африканский наркотик доставляли по почте” (Lenglet 2020). В Европе кат включен в списки запрещенных веществ в следующих странах: Франции (1957); Норвегии (1987); Ирландии (1988); Швеции (1989); Дании (1993); Чешской Республике (2009). Он также запрещен в Саудовской Аравии и в США. Напротив, от разрешен в Израиле, а в Индонезии и большинстве стран Латинской Америки его ввоз и потребление никак не регулируются законодательством.
- ⁷ Цены на него снижаются в сезон дождей, когда урожай более обильный.
- ⁸ В том, что касается причин взрывного роста производства ката и его последствий для села, наш анализ основан главным образом на работах: Gebissa 2004 и Getahun, Krikorian 1973.
- ⁹ Бырр (Br) – денежная единица Эфиопии, пришедшая на смену эфиопскому доллару в 1976 г. Один эфиопский бырр (международный код – ETB) на 1 августа 2021 г. равен 1,63 руб., 0,022 USD, 0,019 Euro (прим. Перев.).
- ¹⁰ По поводу оппозиции “пицца – наркотик” см. Gebissa 2010a и Gezon 2012, которые убедительно показывают, что кат является скорее ответом на отсутствие продовольственной безопасности, чем ее причиной.
- ¹¹ Две попытки губернаторов-амхара бороться с катом в провинции Харари потерпели неудачу перед лицом совместных протестов оромо и харари (Gebissa 2004).
- ¹² Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН). Политическая коалиция, сформированная изначально для свержения Менгисту, до сих пор находится у власти. В коалицию входят “этнические” партии: Народный фронт освобождения Тыграй (НФОТ), Демократическая организация народов оромо (ДОНО), Национально-демократическое движение амхара (НДДА) и Южноэфиопское народно-демократическое движение (ЮЭНДД).
- ¹³ О распределении квот, численности работников и прибылях этих компаний см. Anderson et al. 2007; Gebissa 2010b.
- ¹⁴ Перепродавая кат на территории Джибути, компания имеет годовой оборот 32,8 млн долларов.
- ¹⁵ Мабраз – помещение для коллективного употребления ката (прим. перев.).
- ¹⁶ Шуура Исмаил Хан входит в десятку богатейших людей Эфиопии и является самой богатой женщиной в стране. Она управляет компанией, имеющей тысячи сотрудников, множество грузовиков и даже собственные самолеты, и контролирует более 50% рынка ката в Эфиопии, а также является лидером мировых продаж этого продукта (см. 15 of the Richest Ethiopians and their Successful Companies in 2021// <https://allaboutethio.com/15-richest-ethiopians-and-their-successful-companies.html> - прим. перев.).
- ¹⁷ Об импорте ката в Сомалиленд и о кампании “571” см. Hansen 2009, 2010.
- ¹⁸ В регионе Доло Адо расположены пять лагерей беженцев, в основном из соседнего Сомали (UNHCR 2016).

Источники и материалы

- Agricultural Sample Survey 2014–2015 (2007 E.C) Ethiopia, 2015. Central Statistical Agency (CSA) <https://catalog.ihsn.org/index.php/catalog/7376>
- Banque Mondiale 2011, Rapport No 62823-DJ “Comprendre la dynamique du khat à Djibouti. Aspects sociaux, économiques et de santé”, Mai 2011.
- Hedemann, P. 2016. La reine du khat, “femme d'affaires de l'année” en Ethiopie. <https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-afrique/20120101.RUE6779/la-reine-du-khat-femme-d-affaires-de-l-annee-en-ethiopie.html>
- Lenglet, M. 2020. Orne. Ils se faisaient livrer de la drogue africaine par la Poste. *Ouest-France*, 10.03 <https://www.ouest-france.fr/normandie/flers-61100/orne-ils-se-faisaient-livrer-de-la-drogue-africaine-par-la-poste-6773506>
- Spooner, R. 2015. Huge seizure of drug-like plant at Melbourne Airport. *The Age*, November 12 <https://www.theage.com.au/national/victoria/huge-seizure-of-druglike-plant-at-melbourne-airport-20151112-gkxcc4.html>
- UNHCR 2016. UNHCR Ethiopia Factsheet. January 2016 <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/EthiopiaFactSheetJanuary2016.pdf>

Научная литература

- Abbink J., Hagmann T.* (Eds.). Reconfiguring Ethiopia: the politics of authoritarian reform. London: Routledge, 2013.
- Anderson D., Beckerleg S., Hailu D., Klein A.* The Khat Controversy. Stimulating the Debate on Drugs. Oxford: Berg, 2007.
- Ayene M.* The Growth and Transformation Plan: Opportunities, Challenges and Lessons // Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges / Eds. D. Rahmato et al. Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung. 2014. P. 3–30.
- Bach J.-N.* Abyotawi democracy: neither revolutionary nor democratic, a critical review of EPRDF's conception of revolutionary democracy in post-1991 Ethiopia // *Journal of Eastern African Studies*. 2011. No 5–4. P. 641–663.
- Bayart, J.-F. 2008. Le concept de situation thermidorienne: régimes néo-révolutionnaires et libéralisation économique. *Questions de recherches, CERI, Science Po*, 24.
- Carrier, N.* Kenyan Khat: The Social Life of a Stimulant. Leiden: Brill, 2007.
- Carrier, N.* 2014. A Respectable Chew?: Highs and Lows in the History of Kenyan Khat. Klantschnig, G., Carrier, N., Ambler, C. (Eds.) *Drugs in Africa: Histories and Ethnographies of Use, Trade and Control*, New York: Palgrave Macmillan, 2014, 105–123.
- Cassanelli L.V.* Qat: changes in the production and consumption of a quasi-legal commodity in northeast Africa // *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective* / Ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 236–257.
- Dessie G.* Is khat a social ill? Ethical argument about a stimulant among the learned Ethiopians. ASC Working Paper No 108. Leiden: African Studies Centre, 2013.
- Destremau B.* L'or vert du Nord Yémen // *Les Cahiers de l'Orient*. 1987. n° 8–9. P. 253–273.
- Destremau B.* Le qat, planche de salut ou cancer de l'économie yéménite? // *Études Rurales* 1990. n° 117. P. 179–190.
- Destremau B.* Le qat et la “narcotisation” de l'économie yéménite // *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*. 1990. n° 55–56. P. 266–284.
- Gebissa E.* Leaf of Allah. Khat & Agricultural Transformation in Harerge, Ethiopia 1875–1991. Oxford: James Currey, 2004.

- Gebissa E. “Scourge of Life or an Economic Lifeline? Public Discourses on Khat (*Catha edulis*) in Ethiopia” // *Substance Use & Misuse*. 2008. No 43. P.784–802.
- Gebissa E. *Khat in Ethiopia. Taking the Place of Food*. Trenton and Asmara: The Red Sea, 2010.
- Gebissa E. *Khat in the Horn of Africa: Historical Perspectives and Current Trends* // *Journal of Ethnopharmacology*. 2010. Vol. 132 (3). P. 607–614.
- Gebissa E. *Khat: is it More Like Coffee or Cocaine? Criminalizing a Commodity, Targeting a Community*, *Sociology Mind*. 2012. No 2 (2). P. 204–212.
- Getahun A., Krikorian A. *Chat: Coffee’s rival from Harar, Ethiopia. I. Botany, cultivation and use* // *Econ Bot*. 1973. n° 27. P. 353–377.
- Gezon, L. *Drug Crops and Food Security: The Effects of Khat on Lives and Livelihoods in Northern Madagascar* // *Culture Agriculture Food and Environment*. 2012. Vol. 34(2). P. 124–135.
- Haile D., Lakew Y. *Khat Chewing Practice and Associated Factors among Adults in Ethiopia: Further Analysis Using the 2011 Demographic and Health Survey* // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(6). e0130460. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0130460>.
- Krikorian A. *1984 Kat and its Use: An Historical Perspective”* // *Journal of Ethnopharmacology*. 1984. Vol. 12 (2). P. 115–178.
- Hansen P. *Governing Khat Drugs and Democracy in Somaliland* // *DIIS Working paper*. 2009. Vol. 24.
- Hansen P. *The Ambiguity of Khat in Somaliland* // *Journal of Ethnopharmacology*. 2010. No 132. P. 590–599.
- Lemessa D. *Khat (*Catha edulis*): Botany, Distribution, Cultivation, Usage and Economics in Ethiopia*. UN-Emergencies Unit for Ethiopia Addis Ababa, 2001.
- Lefort R. *Éthiopie: la révolution hérétique*. Paris: Maspero, 1981.
- Lefort, R. 2007. *Powers – meguist – and peasants in rural Ethiopia: the May 2005 // Elections*, *Journal of Modern African Studies*. 2007. Vol. 45 (2). P. 253–273.
- Lefort R. *The great Ethiopian land grab: feudalism, Leninism, neo-liberalism... plus ça change* // *OpenDemocracy*. 2011. <https://www.opendemocracy.net/ren%C3%A9-lefort/great-ethiopian-land-grab-feudalism-leninism-neo-liberalism-plus-%C3%A7-change>
- Lesourd C. *Puissance khat. Vie politique d’une plante stimulante*. Paris: PUF, 2019.
- Lesourd C. (à paraître dans *Annales d’Éthiopie*) *Le commerce du khat à Dire Dawa: un pré carré au féminin?* 2021.
- Mains D. *Chewing and Dreaming: Youth, Imagination and the Consumption of Khat in Jimma, Southwestern Ethiopia* // *Taking the place of food. Khat in Ethiopia* / Ed. E. Gebissa. Asmara: The Red Sea Press, 2010.
- Planel S. *La chute d’un Eden éthiopien: Le Wolaita, une campagne en recomposition*. Marseille: IRD, 2008.
- Planel S. *Du bon usage de l’engrais en politique. Introduction à la modernisation agricole en Éthiopie* // *Annales d’Éthiopie*. 2021. No 27. P. 261–281.
- Planel S. *A view of a bureaucratic Developmental State. Local governance and agricultural extension in Ethiopia* // *Journal of Eastern African Studies*. 2014. Vol. 8(3). P. 420–437.
- Planel S. *Le developmental state éthiopien et les paysans pauvres. Économie politique du développement rural par le bas* // *Politique africaine*. 2016. No 142. P. 57–76.
- Planel S., Bridonneau M. *Glocal Ethiopia. Échelles et repositionnements des pouvoirs* // *EchoGéo*. 2015. n° 31. URL: <http://journals.openedition.org/echogeo/14199>; <https://doi.org/10.4000/echogeo.14199>.
- Planel S., Jaglin S. *Échelles: partage des pouvoirs et partage de l’espace* // *La Justice Spatiale et la ville, regards du sud* / Eds. P. Gervais-Lambony, C. Benit-Gbaffou, A. Musset, J.L. Piermay, S. Plane. *La Justice Spatiale et la ville, regards du sud*. Paris: Karthala, 2014. P. 27–39.
- Rahmato D. *The Peasant and the State, Studies in Agrarian Change in Ethiopia 1950s–2000s*. Addis Ababa: Addis Ababa University Press, 2009.

- Rahmato D. Land to Investors: Large-Scale Land Transfers in Ethiopia. FSS Policy Debates Series. Vol. 1. Addis Ababa: FSS, 2011.
- Swyngedouw E. Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling // Cambridge Review of International Affairs. 2004. No 17. P. 25–48.
- Tronvoll K., Vaughan S. The Culture of Power in Contemporary Ethiopian Political Life. Stockholm: Sida, 2003.
- Weir S. Qat in Yemen: Consumption and Social Change. London: British Museum Publications, 1985.
- Yeibyo A. F. Development with or without Freedom? // Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges / Eds. D. Rahmato et al. Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung, 2014. P. 67–96.

Research Article

Lesourd, C. From Plantations in East Ethiopia to International Markets: Kat under Control [От плантаций на востоке Эфиопии до международных рынков: кат под контролем]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 31-48 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/31-48>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Céline Lesourd | <https://orcid.org/0000-0002-6159-0425> | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | celine.lesourd@gmail.com

Keywords

Ethiopia, Djibouti, Somaliland, Issa, Oromo, Somalis, Amhara, Harari, *catha edulis*, export, glocalization, economic liberalization, drug control, food security.

Abstract

This article is based on the author's fieldwork in Dire Dawa, Awaday, and Harar in eastern Ethiopia from November 2012 through June 2013, in February 2014, and April 2015. It focuses on the effects of the extensive global distribution network of the khat (*catha edulis*) plant and the obstacles encountered along these routes on the sector in which khat is produced and sold. At the center of our analysis is the question of social transformations, generated by globalization, over the course of which this evergreen shrub came to be a link between local and global levels, between plantations and retailers. We must also understand what impact its cultivation and circulation have on the exercise of state power in the eastern margins of the country.

References

- Abbink, J., Hagmann, T. (Eds.). 2013. *Reconfiguring Ethiopia: the politics of authoritarian reform*. London: Routledge.
- Anderson, D., Beckerleg, S., Hailu, D., Klein, A. 2007. *The Khat Controversy. Stimulating the Debate on Drugs*. Oxford: Berg.
- Aynew, M. 2014. The Growth and Transformation Plan: Opportunities, Challenges and Lessons in D. Rahmato et al., *Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges*, Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung: 3–30.
- Bach, J.-N. 2011. Abyotawi democracy: neither revolutionary nor democratic, a critical review of EPRDF's conception of revolutionary democracy in post-1991 Ethiopia. *Journal of Eastern African Studies*, 5–4: 641–663.
- Bayart, J.-F. 2008. Le concept de situation thermidorienne: régimes néo-révolutionnaires et libéralisation économique [The concept of the Thermidorian situation: neo-revolutionary regimes and economic liberalization]. *Questions de recherches*, CERI, Science Po, 24.
- Carrier, N. 2007. *Kenyan Khat: The Social Life of a Stimulant*. Leiden: Brill.

- Carrier, N. 2014. A Respectable Chew?: Highs and Lows in the History of Kenyan Khat. Klantschnig, G., Carrier, N., Ambler, C. (Eds.) *Drugs in Africa: Histories and Ethnographies of Use, Trade and Control*, New York: Palgrave Macmillan, 2014, 105–123.
- Cassanelli, L.V. 1986. Qat: changes in the production and consumption of a quasi-legal commodity in northeast Africa, in Appadurai A. (ed.), *The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 236–257.
- Dessie, G. 2013. Is khat a social ill? Ethical argument about a stimulant among the learned Ethiopians. ASC Working Paper 108. Leiden: African Studies Centre.
- Destremau, B. 1987. L'or vert du Nord Yémen [Green gold from North Yemen], *Les Cahiers de l'Orient*, 8–9: 253–273.
- Destremau, B. 1990a. Le qat, planche de salut ou cancer de l'économie yéménite [Qat, a lifeline or cancer of the Yemeni economy]?, *Études rurales*, 117: 179–190
- Destremau, B. 1990b. Le qat et la “narcotisation” de l'économie yéménite [Qat and the “narcotization” of the Yemeni economy], *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*, 55–56: 266–284.
- Gebissa, E. 2004, *Leaf of Allah. Khat & Agricultural Transformation in Harerge, Ethiopia 1875–1991*. Oxford, James Currey.
- Gebissa, E. 2008, Scourge of Life or an Economic Lifeline? Public Discourses on Khat (*Catha edulis*) in Ethiopia” *Substance Use & Misuse* 43: 784–802
- Gebissa, E. 2010a, *Khat in Ethiopia. Taking the Place of Food*. Trenton and Asmara: The Red Sea.
- Gebissa, E. 2010b. Khat in the Horn of Africa: Historical Perspectives and Current Trends, *Journal of Ethnopharmacology*. 132(3): 607–614
- Gebissa, E. 2012, Khat: is it More Like Coffee or Cocaine? Criminalizing a Commodity, Targeting a Community, *Sociology Mind*, 2 (2): 204–212.
- Getahun, A., Krikorian, A. 1973. Chat: Coffee's rival from Harar, Ethiopia. I. Botany, cultivation and use. *Econ Bot* 27, 353–377.
- Gezon, L. 2012. Drug Crops and Food Security: The Effects of Khat on Lives and Livelihoods in Northern Madagascar, *Culture Agriculture Food and Environment*, 34(2): 124–135.
- Haile, D., Lakew, Y. 2015. Khat Chewing Practice and Associated Factors among Adults in Ethiopia: Further Analysis Using the 2011 Demographic and Health Survey. *PLoS ONE* 10(6): e0130460. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0130460>.
- Krikorian, A. 1984 Kat and its Use: An Historical Perspective”, *Journal of Ethnopharmacology* 12(2): 115–178.
- Hansen, P. 2009. Governing Khat Drugs and Democracy in Somaliland. DIIS Working paper, 24.
- Hansen, P. 2010. The Ambiguity of Khat in Somaliland, *Journal of Ethnopharmacology*, 132: 590–599.
- Lemessa, D. 2001. *Khat (Catha edulis): Botany, Distribution, Cultivation, Usage and Economics in Ethiopia*. UN-Emergencies Unit for Ethiopia Addis Ababa.
- Lefort, R. 1981. *Éthiopie: la révolution hérétique* [Ethiopia: the Heretical Revolution]. Paris: Maspéro.
- Lefort, R. 2007. Powers – menguist – and peasants in rural Ethiopia: the May 2005 Elections, *Journal of Modern African Studies*, 45(2): 253–273.
- Lefort, R. 2011. The great Ethiopian land grab: feudalism, Leninism, neo-liberalism... plus ça change, *OpenDemocracy* <https://www.opendemocracy.net/ren%C3%A9-lefort/great-ethiopian-land-grab-feudalism-leninism-neo-liberalism-plus-%C3%A7-change>
- Lesourd, C. 2019. *Puissance khat. Vie politique d'une plante stimulante* [Khat power. Political life of a stimulating plant]. Paris: PUF.
- Lesourd, C. 2021 (à paraître dans Annales d'Éthiopie) Le commerce du khat à Dire Dawa: un pré carré au féminin [The khat trade in Dire Dawa: women's private domain]?

- Mains, D. 2010. Chewing and Dreaming: Youth, Imagination and the Consumption of Khat in Jimma, Southwestern Ethiopia. in Gebissa E. *Taking the place of food. Khat in Ethiopia*. Asmara: The Red Sea Press.
- Planel, S. 2008. La chute d'un Eden éthiopien: Le Wolaita, une campagne en recomposition [The Fall of an Ethiopian Eden: The Wolaita, a Countryside in Recomposition]. Marseille: IRD.
- Planel, S. 2012. Du bon usage de l'engrais en politique. Introduction à la modernisation agricole en Éthiopie [Good Use of Fertilizer in Politics. Introduction to Agricultural Modernization in Ethiopia]. *Annales d'Ethiopie*. 27. 261–281.
- Planel, S. 2014. A view of a bureaucratic Developmental State. Local governance and agricultural extension in Ethiopia. *Journal of Eastern African Studies*, 8(3): 420–437.
- Planel, S. 2016. Le developmental state éthiopien et les paysans pauvres. Économie politique du développement rural par le bas [The Ethiopian Developmental State and Poor Farmers. A Political Economy of Rural Development from Below], *Politique africaine*, 142: 57–76.
- Planel, S., Bridonneau, M. 2015. Glocal Ethiopia. Échelles et repositionnements des pouvoirs [Glocal Ethiopia. Scales and Repositioning of Powers], *EchoGéo*, 31. URL: <http://journals.openedition.org/echogeo/14199>; <https://doi.org/10.4000/echogeo.14199>
- Planel S., Jaglin S. 2014. Échelles: partage des pouvoirs et partage de l'espace [Scales. Sharing of Powers and Sharing of Space]. in Gervais-Lambony P., Benit-Gbaffou C., Musset A., Piermay J.L., Planel S. (Eds.), *La Justice Spatiale et la ville, regards du sud* [Spatial Justice and the City: Looking from the South], Paris: Karthala, 27–39.
- Rahmato, D. 2009. *The Peasant and the State, Studies in Agrarian Change in Ethiopia 1950s–2000s*, Addis Ababa University Press.
- Rahmato, D. 2011. Land to Investors: Large-Scale Land Transfers in Ethiopia. *FSS Policy Debates Series*, 1, Addis Ababa: FSS.
- Swyngedouw E. 2004. Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling. *Cambridge Review of International Affairs*, 17, 25–48.
- Tronvoll, K. et Vaughan, S. 2003. *The Culture of Power in Contemporary Ethiopian Political Life*. Stockholm: Sida.
- Weir, S. 1985. *Qat in Yemen: Consumption and Social Change*. London: British Museum Publications.
- Yeibyio, A. F. 2014. Development with or without Freedom? D. Rahmato et al., *Reflections on Development in Ethiopia. New Trends, Sustainability and Challenges*, Addis Ababa: Forum for Social Studies; [Germany]: Friedrich Ebert Stiftung, 67–96.

© К. Деммер

ГОРНЯЦКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ, НИКЕЛЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ В НОВОЙ КАЛЕДОНИИ

Ключевые слова: Новая Каледония, канаки, деколонизация, Нумейское соглашение, Концепция восстановления экономического равновесия, контроль над ресурсами, никелевая промышленность, канакский социализм, горняцкий национализм, референдум.

Задача этой статьи – продемонстрировать, что шахты стали для канаков Новой Каледонии опытным полем деколонизации, параллельно с начатой 30 лет назад институциональной деколонизацией. Мы рассмотрим основные этапы и формы завоевания сторонниками независимости главного ресурса архипелага – никеля. Подчеркнем, что взятие ими под контроль мультинационального предприятия – Южнотихоокеанской горнодобывающей компании – глубоко изменило сектор горнодобычи, где новые металлургические гиганты теснят местные предприятия, экспортирующие сырье. Помимо этого, мы проанализируем особенности деколонизации этой заморской “страны” в свете референдумов о самоопределении, завершающих процесс национального освобождения, начатый подписанием Нумейских соглашений 1998 г.

Канакское предприятие в центре процесса освобождения

Новая Каледония – французское владение с середины XIX в. – обладает 15% мировых запасов никеля (второе место после Австралии, наиболее богатой этим металлом). Она находится на пятом месте в мире по производству “зеленого золота” – ее главного полезного ископаемого. В отдельные годы доля никеля в ее экспорте достигает до 90% и дает до 10% ВВП (CEROM 2015). Имея такое богатство, канаки подкрепили свое требование независимости установлением контроля над этим ресурсом в результате бурного периода 1980-х гг., отмеченного их столкновениями (порой смертельными) с потомками колонизаторов за реституцию конфискованных земель. С возвращением мира, зафиксированного Матиньонскими (1988), а позже – Нумейскими соглашениями (1998), стратегия Фронта освобождения канаков на первом этапе сводилась к контролю над шахтами путем выкупа Южнотихоокеанской горнодобывающей компании (*Société minière du Sud Pacifique* – SMSP, далее – ЮТГДК) а с 2000 гг. – к переработке никеля на метал-

Кристина Деммер | <https://orcid.org/0000-0001-6998-0746> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | christine.demmer@univ-amu.fr

Статья впервые опубликована в журнале “Cahiers Jaurès”, 2018, 230 (4): 35–52. На русском языке публикуется с согласия автора и редакции журнала.

Для цитирования: К. Деммер. Горняцкий национализм, никелевая промышленность деколонизация в новой каледонии. // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 49-61. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/49-61>.

лургических заводах Новой Каледонии и в офшорах, где большинство капитала горнодобывающих компаний принадлежит канакам.

Этот горняцкий национализм канаков неотделим от политической борьбы: он сопровождает на разных этапах институциональный процесс деколонизации. Прежде всего, именно соглашения 1988 г. зафиксировали факт выкупа ЮТГДК, с финансовой помощью государства, у политика-лоялиста Ж. Лафлера. Этот выкуп символизировал центральное понятие Матиньонских соглашений: “восстановление экономического равновесия” между канаками и остальным населением путем создания трех провинций, наделенных существенной политической и экономической автономией (Северной провинции и Провинции островов Луайоте, населенных в основном канаками, а также Южной провинции, куда входит столичный город Нумеа, с преимущественно неканакским населением)¹. В дальнейшем Берсийские соглашения (1 февраля 1998), давшие начало проекту “Северного завода”, целью которого было содействие увеличению богатства территории в перспективе обретения ею независимости, стало предварительным условием для подписания Нумейского соглашения 5 мая того же года.

Требование независимости стало выдвигаться с 1996 г., когда начались дискуссии о выходе из Матиньонских соглашений не через референдум, а путем получения нового статуса. В 1997 г., после многочисленных шахтерских забастовок, тогдашний премьер-министр Л. Жоспен, вопреки позиции министерства Экономики и финансов, пошел навстречу требованиям канаков, дав зеленый свет металлургическому производству ЮТГДК. Вскоре после этого, в 1998 г., возобновились обсуждения деколонизационного соглашения. Оно предполагает постепенную и безвозвратную передачу управления (за пределами области исключительных полномочий центральной власти) правительству Новой Каледонии², а также организацию ново-каледонского гражданства, юридически базирующегося на местном электоральном корпусе, отличном от общего корпуса избирателей, и дающего преимущества при трудоустройстве; наконец, соглашение предусматривает выход из него путем трех референдумов о самоопределении, первый из которых состоялся 4 ноября 2018 г., когда 56% проголосовавших высказались против независимости, второй – 4 октября 2020 года (53% голосов “против”). Третий и последний референдум должен состояться, согласно Нумейскому соглашению, в 2022 г. На всем протяжении истекших 20 лет основной задачей ЮТГДК было восстановление экономического равновесия, заложенное в тексте Матиньонского и Нумейского соглашений. Для исполнения этой задачи предприятие построило и запустило Северный металлургический завод, а также установило партнерские отношения с мультинациональными металлургическими предприятиями азиатского региона.

В дальнейшем изложении нас будет интересовать не столько классическая геополитическая составляющая проблемы, связанная с соотношением уже достигнутого суверенитета и контроля над ресурсами, сколько “горняцкий путь” построения постколониального государства, которое формируется еще до избавления от опеки бывшего колонизатора. Точнее, экспансия ЮТГДК и вытекающая из нее реорганизация никелевой промышленности настолько же участвуют в процессе деколонизации, очерченной четкими политическими и временными рамками Нумейского соглашения, насколько свидетельствуют о нетипичности этого процесса. Изначально предприятие оказалось инструментом в борьбе за возвращение институционального суверенитета: демонстрируя способность канаков “заниматься экономикой” (в данном случае – быть игроками мирового рынка никеля еще до обретения независимости), оно стало дополнительным аргументом в пользу права колонизованных народов распоряжаться своей судьбой. Затем оно сыграло важную роль в изменении соотношения сил внутри страны, открыв канакам

доступ к сферам экономики и политики. Наконец, компания стала предвестником новых отношений взаимозависимости, таких, которые может иметь суверенное государство – особенно если последнее рождается в эпоху быстрого роста межнациональных горнодобывающих предприятий – превратив эти партнерские отношения в орудие эмансипации.

Чтобы показать, почему борьба за контроль над добычей и производством никеля стала одним из необходимых условий экономического и политического переустройства постколониального новокаледонского государства, я подробно рассмотрю основные этапы этой борьбы, выявлю ее влияние на организацию никелевой промышленности – и тем самым продемонстрирую особенности деколонизации, переживаемой сегодня Новой Каледонией. Недавний конфликт между горнодобывающими предприятиями и местным правительством является хорошей иллюстрацией того, что добыча и производство никеля находятся в эпицентре экономического и политического соперничества.

Шахта Никелевой горнодобывающей компании – филиала ЮТГДК (Накети, Канала).

Фото автора (2017)

Этапы горняцкого национализма

Когда в середине 1970-х гг. молодые политические партии канаков заговорили о независимости территории, их требования поначалу концентрировались на признании канакской культуры и перераспределении земель. К 1984 г. разрозненные политические движения сформировали Национальный социалистический фронт освобождения канаков (*Front de Libération Kanak et Socialiste – FLNKS*), далее – НСФОК, решительно настроенный на завоевание независимости в кратчайшие сроки. После восстания, вспыхнувшего осенью того же года в знак протеста против особого статуса, предложенного Новой Каледонии французским государством, и закончившегося гибелью лидера восставших Элуа Машоро в ходе его подавления, сторонники независимости, понимая невозможность длительной вооруженной борьбы, встали на путь экономического национализма в рамках так называемого Статуса регионов (1985–1988). Впер-

вые оказавшись во главе местных сообществ, они принялись за “конструирование канакского”, запустив крупные проекты в сфере туризма и агропищевого сектора, а также микропроекты на землях резерваций, куда были оттеснены их предки в ходе французской поселенческой колонизации (см. Demmer 2016). Эта всеобщая мобилизация, несущая на себе отпечаток утопической идеи освобождения действием, заложила основу политико-экономического подхода, который был поставлен на службу подготовке к независимости. На следующих этапах эта составляющая исчезает, но остается более прагматичная (и парадигматическая для борьбы канаков за освобождение) идея инвестирования в рыночную экономику бывшими садоводами, жившими натуральным хозяйством, которое еще в начале 1980-х гг. наполовину обеспечивало потребности семей в продовольствии. Это было необходимым условием для того, чтобы взять в свои руки экономику, находящуюся под контролем бывших колонизаторов и существенно зависящую от трансферов из метрополии (Freyss 1995). Говоря конкретно, нужно было бороться с экономическим и социальным иждивенчеством, продвигая развитие предпринимательства среди канаков. Эта флагманская идея канакского национализма многим обязана Рафаэлю Пиджо, получившему высшее образование в сфере экономики и финансов и ставшему первым генеральным директором ЮТГДК, инициатору строительства Северного завода, активисту первой канакской партии – Каледонского союза (*Union Calédonienne* – UC) и соратнику Жана-Мари Тжибау, основателя и руководителя НСФОК, подписавшего Матиньонское соглашение 1988 г.

Именно эти два человека решили инвестировать в никелевую промышленность, сосредоточив внимание на контроле над горнодобывающей компанией, который они получили благодаря Матиньонскому соглашению и который подтолкнул сторонников независимости к добыче никеля начиная с 1990 г. На протяжении предшествующего десятилетия их проект общественного переустройства носил имя “канакского социализма”, что предполагало своего рода коллективизацию предприятий наряду с их национализацией (на субгосударственном уровне, т.е. на уровне кланов или племен). Финансовый пакет ЮТГДК по-своему отвечает этим требованиям: 87% акций принадлежит Финансово-инвестиционной компании Северной провинции (*Société de financement et d'investissement de la province Nord* – SOFINOR), в которой доля государственного капитала составляет 75%, что позволяет депутатам – сторонникам независимости, находящимся в местном парламенте в большинстве, быть членами совета директоров предприятия³. Последнее быстро стало важным игроком на рынке никеля, первым экспортером этого металла в Новой Каледонии и вторым по производству оксида никеля в мире.

Но сторонники независимости на этом не останавливаются. Согласно пожеланию лидера НСФОК Ж.-М. Тжибау, высказанному им незадолго до смерти в 1989 г., их главным делом становится развитие металлургической промышленности, которая должна позволить получить максимальную прибыль от никеля, по примеру других производящих стран. С 1992 г. этот вопрос начинает обсуждаться на съездах НСФОК. Националисты заявляют о своем намерении построить завод на севере страны. В 1995 г. ЮТГДК удается убедить крупную канадскую фирму “Фальконбридж” организовать совместное предприятие с небывалым соотношением акций: на ее долю приходится 51% против 49% у канадского гиганта. Взамен ЮТГДК обещает обеспечить источник сырья, для чего ей приходится искать новое месторождение. Националисты предлагают старейшему промышленному предприятию – “Компании Никель” (*Société Le Nickel* – SLN) – обменять горный массив в регионе Пум, менее богатый никелем, на более богатый Тьебаги, чтобы построить рядом завод. “Никель”, поддерживаемый лоялистами, отказывается. Начинаются долгие переговоры между, с одной стороны ЮТГДК и КФСНО, с другой – “Компанией Никель” и государством в лице французской многонациональной горнодобыва-

ющей и металлургической компании “Эрамет”. В конце концов в результате Берсийских соглашений ЮТГДК получает другой массив – Кониамбо, на условии начать инвестиции, совместно с “Фальконбриджем”, не позднее 1 января 2006 г. (David, Sourisseau 2016: 23–69). АО “Кониамбо Никель”, совместное с ЮТГДК предприятие для разработки нового месторождения, создается точно в установленный срок, а с 2012 года оно начинает производить ферроникелевый сплав с достаточно высоким содержанием никеля. Тут снова встает на повестку дня вопрос о канакском предпринимательстве на уровне общин, однако сепаратистские лидеры продвигают организацию-субподрядчика, созданную предприятиями так называемых “народных акционеров” (компаниями с ограниченной ответственностью, превращенными в филиалы Финансово-инвестиционной компании Северной провинции; эти мелкие акционеры были отобраны таким образом, чтобы обеспечить представительство кланов или вождеств)⁴.

Тем временем развертывание металлургической стратегии с опорой на мировой капитал продолжается. ЮТГДК создает совместное предприятие на тех же условиях (51:49% акций) с южнокорейской сталелитейной группой Поско (*Société du Nickel de la Nouvelle-Calédonie et Corée Co Ltd – SNNC*), которая с 2008 года перерабатывает на своем заводе в Кванъяне каледонийскую руду с менее высоким содержанием никеля, чем на месторождении Кониамбо. Этот союз символизирует новый поворот в истории ЮТГДК, которая отныне становится в основном металлургическим предприятием, тогда как ее шахты (кроме Кониамбо) отходят вновь созданному совместному предприятию “Никелевая горнодобывающая компания”. Корейская группа пользуется отныне регулярными поставками каледонийского никеля, а “канакский” холдинг обеспечивает надежный сбыт своего минерального сырья. Прощупав ситуацию, в марте 2018 г. ЮТГДК подписала “Меморандумное соглашение” с китайским производителем никеля (*Yangzhou Yichuan Nickel Industry Co Ltd*), сохранив за собой, как и в других случаях, контрольный пакет акций предприятия. Согласно стратегическому плану сторонников независимости, металлургические совместные предприятия, в которых ЮТГДК является мажоритарным акционером, должны возвращать в страну в форме дивидендов добавочную стоимость, произведенную в результате переработки минерального сырья в металл. В октябре 2015 г., например, рентабельность совместного с Южной Кореей предприятия была более чем в десять раз выше продажной цены сырья (Exportations 2015). Вся Северная провинция должна получать от этого выгоду благодаря реинвестициям Финансово-инвестиционной компании. Однако цель развития территорий, которую поставила перед собой ЮТГДК и которая обеспечивает компании поддержку со стороны государства и благосклонность сторонников более широкой автономии в самой Новой Каледонии, – не единственная в канакском никелевом проекте.

Фронт освобождения канаксов стремится воспроизвести региональную схему на “национальном” уровне. Так, ему удалось включить во вторую версию Берсийских соглашений от 1999 г. передачу части акций компании “Никель” государственной структуре, совместно управляемой представителями трех провинций: “Каледонской промышленной акционерной компании/КПАК” (*Société Territoriale Calédonienne de Participations Industrielles – STCPI*). С 2007 г. последней принадлежит блокирующий миноритарный пакет (34% акций). С начала 2000-х годов компания “Никель” выплатила этой структуре в качестве дивидендов 40 млрд тихоокеанских франков⁵. Задача, разделяемая и преимущественно “белой” автономистской партией “Единая Каледония”, состоит в том, чтобы в перспективе у КПАК был 51% акций “Компании Никель”. Эта часть стратегии дополняет более широкую политическую цель национализации всего никеля (сырого и переработанного), с тем чтобы доходы добывающих и перерабатывающих предприятий шли в первую очередь в бюджет Новой Каледонии, а не французского государства или частных акционеров. Национализация капитала компании “Никель” на уровне территории

– важный шаг к поставленной канаками цели контроля природных ресурсов, поскольку это старейшее предприятие владеет ныне $\frac{3}{4}$ всех запасов никеля и половиной шахт в Новой Каледонии. В соответствии с этой же логикой НСФОК надеется в будущем передать шахты в управление местной структуре, которая сможет решать, каким из добывающих компаний давать концессию: в настоящее время эти компании являются хозяевами положения, подавая заявки на разработку месторождений в административные органы провинций.

Трансформация никелевой промышленности

Из перечисления достижений канаков в сфере никеля становится понятным, что выполнение их требований (создание ЮТГДК и затем Северного завода) заметно изменило картину новокаледонского никелевого сектора. На всем протяжении колониальной эпохи, с 1870-х до 1930-х гг. “Компания Никель” была монополистом. Она подчинила себе мелкие горнодобывающие компании, у руля которых стояли выходцы из метрополии или колонисты с других тихоокеанских островов. Число этих компаний то росло, то сокращалось подобно шагреновой коже в зависимости от конъюнктуры на рынке никеля, но все они работали на никелевого гиганта, находившегося, в свою очередь, под контролем банка Ротшильда. В период между двумя мировыми войнами эти “мелкие” (в сравнении с “Никелем”) горнодобытчики впервые получили возможность самостоятельного экспорта – в частности, в Японию. Во время Второй мировой войны они практически исчезли, но после ее окончания появились вновь, и число их стало расти. В конце 1960-х гг., благодаря буму цен на никель, пятнадцать независимых компаний имели собственный экспорт и еще шесть работали по контракту с “Никелем” (Bencivengo 2014). Но в настоящее время “мелким горнодобытчикам” (которых осталось четыре) приходится иметь дело не только с “Никелем”, перешедшим тем временем в руки французского государства⁶; два других предприятия прочно заняли свое место: это металлургический филиал ЮТГДК и, на юге, мультинациональный бразильский промышленный комплекс “Вáли С. А.”, появившийся здесь в результате стремления противников независимости создать конкуренцию канакским предприятиям и поглотивший канадскую кампанию “Инко”. О создании на юге завода для обогащения местных руд (бедных никелем) речь шла с начала 1990-х гг., однако запущен он был только в 2002 г., когда лоялисты, управляющие Южной провинцией, поняли, что канаки смогут построить свой завод⁷.

Подобно тому, как на политической арене, благодаря Нумейскому соглашению, депутаты-канаки все больше набирают вес, рост ЮТГДК стал источником серьезных изменений в соотношении сил в экономике, прямо или косвенно способствуя появлению нескольких местных и офшорных металлургических проектов, а также “каледонизации” самой Компании “Никель”, прежде опиравшейся на колониальную власть. Но можно ли сказать, что, выведя на сцену новых игроков на рынке никеля, ЮТГДК стала на нем ключевым игроком, каким прежде был “Никель”, способный поглощать более мелкие предприятия, заставить их работать на себя как арендаторов и контролировать их экспорт?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать с того, что “Никелю” и сегодня еще принадлежат 53% ценных бумаг горнодобывающих компаний, а ЮТГДК, хотя и быстро и далеко продвинувшейся на рынке, – только 13%, тогда как на долю одного из старых “малых предприятий” приходится 16% – таким образом, оно находится на втором месте после “Никеля”; металлургический филиал ЮТГДК приносит компании дополнительно еще 4% ценных бумаг, при том что “Вáли С. А.” владеет 8% (Syndex 2016: 42). Надо отметить также, что под “малыми горнодобывающими предприятиями” сегодня подразумеваются компании

с оборотом от 1 до 5 миллиардов тихоокеанских франков⁸, что делает их значительными игроками.

Однако заданный вопрос предполагает не только чисто экономический ответ. Во-первых, несмотря на то, что “канакское предприятие” становится все менее “канакским” по мере его расширения и интернационализации – а возможно даже, именно благодаря этому, – оно уже почти выиграло символическое пари, доказав, что независимость Новой Каледонии возможна не только потому, что никель может приносить прибыль (как провинции, так и “стране” в целом), но и потому, что канаки, в сотрудничестве с транснациональными союзниками, способны управлять экономикой не хуже не канаков.

Фронту освобождения канаков удалось переориентировать никелевую промышленность, сделав ее мотором развития “страны”, о чем убедительно свидетельствует создание Каледонской промышленной акционерной компании, вернувшей “стране” акции государства и “Компании Никель”. Эта переориентация идет параллельно с политической динамикой Нумейского соглашения, которое как минимум (в понимании лоялистов) положило начало постепенной автономизации территории благодаря передаче ей все более широких полномочий; как максимум же (в понимании большинства канаков и в меньшей степени не канаков) должно завершиться достижением независимости. Как уже было сказано, согласно Нумейскому соглашению, развитие горнодобывающей промышленности как основы экономической эмансипации было увязано с эмансипацией институциональной. В этих условиях сильнейшей политизации проблемы добычи никеля, связанной с требованием независимости, и появились в 2009 г. План разработки минеральных ресурсов и Кодекс горного дела, регламентирующие горнодобывающую деятельность. Они предусматривают, в частности, меры по охране окружающей среды при разработке месторождений, по развитию промышленности, ориентированной на работу с невозобновляемыми ресурсами, а также экспортную политику. Таким образом, НСФОК, несомненно, прочно утвердил такую организацию никелевой промышленности, которая подчиняется логике автономизации страны и ее освобождения от французской опеки.

Тем не менее, все это еще не означает наличия четко очерченной политической стратегии в сфере никеля. Последняя неоднократно обсуждалась в период между 2010 и 2013 гг. Стратегическим промышленным комитетом, в который вошли представители сторон, подписавших Нумейское соглашение, и представители местных администраций трех провинций, а позднее – специально созданной Рабочей группой с участием президентов трех провинций, но переговоры шли трудно и были приостановлены накануне референдума 2018 г. (Demmer 2018), который продемонстрировал реальное соотношение сил и возможностей каждого лагеря – лоялистов и сепаратистов – разыгрывать свою карту в этой игре (Demmer et al. 2018). Со стороны канаков, впрочем, заметна решимость позволить ЮТГДК и в меньшей степени – “Никелю” контролировать местный рынок ценного металла, принуждая “мелких горнодобытчиков” продавать сырье местным или офшорным заводам. Мы увидим в заключение, что этой стратегии пока далеко до воплощения и одновременно получим еще один ответ на поставленный выше вопрос относительно места, занимаемого ЮТГДК в добыче и переработке новокаледонского никеля.

Битва за экспорт, или трудности воплощения канакской никелевой стратегии

С 2015 г. никелевая стратегия НСФОК носит официальное название “Никелевой доктрины”. Она идет дальше в направлении национализации никеля по сравнению с существующим

Планом разработки минеральных ресурсов, хотя последний уже устойчиво переориентировал сектор на реинвестиции доходов от добычи, переработки и экспорта никеля в развитие территории, продолжая тем самым принципы, заложенные в Нумейском соглашении. Новая доктрина есть ни больше, ни меньше чем подтверждение традиционной ориентации сепаратистов, ныне делающих основной акцент на необходимости переработки никеля на металлургических предприятиях, большая часть капитала которых принадлежит Новой Каледонии, обращая это требование к каледонским горнякам, экспортирующим сырье. Это объясняется тем, что прибавочная стоимость местных предприятий будет оставаться в стране, что позволит в перспективе диверсифицировать экономику с прицелом на после-никелевую эру (впрочем, до нее еще как минимум лет 50). Доктрина исходит из возможности полного исчерпания ресурсов каледонского никеля, поскольку предполагает в дальнейшем закупку сырья за границей (в частности, в Индонезии и на Филиппинах) для переработки его на каледонских заводах. Это означает, что сепаратисты будут продолжать развивать международное партнерство в интересах местного развития, тем более, что для продления эксплуатации никелевых месторождений потребуется перерабатывать все менее богатые руды, а значит, понадобятся заводы с соответствующим оборудованием. Создатели никелевой доктрины делают ставку на постепенное полное прекращение экспорта сырья, которое должно, по их плану, перерабатываться целиком на местных заводах, как действующих, так и будущих⁹. Однако для того, чтобы ЮТГДК могла развивать международное партнерство, необходимо, чтобы добывающие предприятия играли по этим правилам и продавали свое сырье ее партнерам, а не искали собственные рынки сбыта.

В настоящее время борьба сепаратистов далека от победы. Противники никелевой доктрины утверждают, что офшорная модель не так выгодна, как переработка сырья на месте, и к тому же она ведет к быстрому исчерпанию рудных запасов, поскольку требует выполнения контрактов на поставку больших количеств никеля. Кроме того, экспортеры сырья считают, что НСФОК скорее действует в интересах ЮТГДК (главного игрока в международных проектах), нежели обеспечивает выгоду от никелевой ренты для “страны”. Наконец, они ссылаются на принцип свободного рынка. В то же время действующий План разработки минеральных ресурсов, гарантируя экспортерам некоторую независимость от местных переработчиков, в то же время рекомендует им сохранять верность “традиционным” клиентам. Несколько лет назад бурные дебаты были вызваны запросом на поставку никеля со стороны Китая, не являющегося “традиционным” клиентом. Они выплеснулись и в политическую сферу: большая часть лоялистов выступала за свободу торговли против НСФОК и его союзника – автономистской партии “Единая Каледония”, защищавших принцип, заложенный в План, и заодно – проект возможного сотрудничества ЮТГДК с Китаем (Demmer 2017: 130–140).

Конфликт разворачивался между 5 и 28 августа 2015 г. На первый взгляд его сторонами были профсоюз горняков-водителей *ContraKmine* и правительство Новой Каледонии. Обеспокоенные сохранностью своих рабочих мест, члены профсоюза (хозяева машин, субподрядчики и обычные водители, в основном канаки) вышли на улицы, отказываясь выполнять задание экспортных компаний по отгрузке низкообогащенной руды в Китай. Правительство в лице Комитета внешней торговли рудными ресурсами (*Comité du commerce extérieur minier* – ССЕМ) попыталось ориентировать “мелких горнодобытчиков” на традиционного клиента из Австралии, несмотря на то, что последний, испытывая финансовые затруднения, заморозил закупочные цены на пять лет. В свою очередь НСФОК организовал Комитет в поддержку никелевой доктрины, настаивая на необходимости сохранить бедную руду на будущее, в ожидании подписания партнерского соглашения с одной из китайских литейных компаний по переработке низкообогащенного сырья. По истечении двух с половиной недель перекрытия баррикадами бастующих основных

магистралей профсоюзу был предложен первый согласительный протокол. Председатель правительства пообещал отменить решение об экспорте по заявке японского литейного предприятия Сумитомо и согласовать с профсоюзами заявки другого японского предприятия – Памко. Что же касается Китая, то здесь горняки добились лишь обещания нового рассмотрения их дела и помощи в согласовании договоров с австралийским клиентом. Сочтя эти гарантии недостаточными, забастовщики продолжили свои выступления. Только смертельное ДТП при столкновении автомобиля с баррикадой и посредничество президента Каледонского союза положили конец конфликту на условиях, почти не отличавшихся от первоначальных.

Но история на этом не закончилась. Методы обогащения руды с содержанием никеля менее 1,65% обсуждались на чрезвычайной сессии Конгресса. 14 октября 2015 г. депутаты 27 голосами против 25 при двух воздержавшихся постановили, что План разработки минеральных ресурсов не запрещает экспорт нетрадиционным клиентам, в том числе Китаю, как было решено поначалу и на чем был основан отказ. Таким образом “мелкие горнодобытчики” и “Компания Никель” временно получили разрешение на экспорт бедной руды в Китай. Возможны разные объяснения такого исхода конфликта: или кризис, в котором находился мировой рынок никеля с 2011 г., по причинам чисто прагматического свойства возобладал над стремлением канакского горняцкого национализма контролировать экспорт, или в конфликте присутствовало другое, в большей мере идеологическое измерение: столкновение между либеральным видением управления сектором и кейнсианской концепцией, лучше совместимой с эмансипацией “страны”, к которой стремится НСФОК, или, наконец, мобилизация горняков была направлена на дестабилизацию работы ЮТГДК и ее экономической модели в целом. Как бы то ни было, в ходе этого конфликта горняки-водители и экспортеры сырья оказались в центре политической борьбы, поставив под сомнение политико-экономический подход сепаратистов, зародившийся в сфере добычи никеля и забуксовавший в институциональном поле.

То, что проблему административного разрешения, относящуюся к ведению Комитета внешней торговли, удалось довести до рассмотрения Конгрессом (тогда как регулирующие компетенции в сфере никеля принадлежат представителю правительства), убедительно свидетельствует о взаимопроникновении политики и экономики в Новой Каледонии.

Незавершенная деколонизация

Рассматриваемый конфликт говорит также о том, на какой стадии деколонизации находится Новая Каледония. План разработки минеральных ресурсов является достижением канаков на пути к обретению местного контроля над ресурсами, однако борьба на других направлениях еще продолжается.

Если до сих пор экспорт следовал по каналам, предписанным Планом разработки минеральных ресурсов, то после выступлений горняков-водителей ситуация изменилась: вслед за первыми разрешениями последовали другие контракты с китайскими предприятиями. Открыв новый канал экспорта, к тому же постановлением Конгресса, а не проходным решением Комитета внешней торговли, эта мобилизация способствовала изменению философии Плана, который пытается сохранить существующий баланс между горнодобывающими предприятиями, ограничивая легальные пути сбыта. Во всяком случае, она показала, что никелевую доктрину пока не удается навязать всему обществу.

Сказать, что сепаратисты – не единственные распорядители новокаледонских ресурсов, – это ничего не сказать. Им приходится договариваться с неканаками, с которыми они давно

составляют единый народ (Demmer 2018). Их задача – выстроить прочные союзы и/или завоевать большинство в местных органах власти. И даже если решение конгресса по экспорту в 2015 г. не повторяет в точности то, что чаще всего происходит на политической арене, расколотой по квазиэтническому принципу на сепаратистов и лоялистов, тем не менее, историческое наследие колонии-поселения до сих пор оказывает давление на соотношение сил в местной политической жизни и мешает НСФОК утвердить собственную никелевую стратегию. Напрасно защитники никелевой доктрины организовывали на всем протяжении 2016 г. конференции, посвященные стратегии ЮТГДК, и объясняли, как невыгодно продавать сырье в период спада цен на рынке, как это противоречит принципам ответственного управления ресурсами, заложенным в основу Плана разработки минеральных ресурсов, напрасно пытались через суд отменить правительственное решение, позволяющее компании Балланд – семейному предприятию выходцев из метрополии – продавать сырье японской литейной компании Сумимото (Nouvelles 2016) – все это не дало никаких результатов. Исход битвы за продвижение идей канаков в местные органы управления остается неясным в ситуации, когда автохтонное население, хотя и занимается бизнесом, но остается в меньшинстве (его доля составляет 39%, а в Конгрессе только 24 депутата из 54 представляют Фронт освобождения канаков).

О незавершенности деколонизации можно судить и по тому, что решения, принятые в первые месяцы после завершения конфликта, свидетельствуют со всей очевидностью о достаточно широкой автономии Новой Каледонии, но отнюдь не о ее независимости от французской опеки. Хотя государство и согласилось подкрепить Нумейское соглашение Планом разработки минеральных ресурсов, тем самым подчеркивая передачу этого вопроса, как и других неисключительных полномочий, на уровень территории, состоявшееся в феврале 2016 г. XIV заседание Комитета сторон, подписавших соглашение, показало, что французское государство остается действующим игроком, намеренным регулировать различные составляющие новокаледонской политической жизни. Собирая ежегодно за круглым столом, в метрополии, политических представителей “страны”, этот комитет зафиксировал кризис цен на никель и проблемы каледонской никелевой промышленности. Принятый в марте 2016 г. “План экономической поддержки горно-металлургической деятельности” не только вылился в существенную финансовую помощь “Компании Никель” и позволил пересмотреть планы экспорта в Китай, но и настоятельно рекомендовал добывающим предприятиям поддержать ЮТГДК в снабжении южнокорейского завода, которому она пообещала больше сырья, чем реально могла поставить. После чего дальнейшие дискуссии по никелевой стратегии были отложены до окончания кризиса – так же, как в предыдущий раз их откладывали до референдума. Теперь пришло время возобновить диалог.

Примечания

- ¹ Северная провинция населена канаками на 70%, а о-ва Луайоте – на 95%. Несмотря на то, что 40% от всего канакского населения живет в большом Нумеа на юге острова, где сосредоточены 2/3 его обитателей, доля канаков в Южной провинции составляет всего 26%, более 33% – выходцы из метрополии и потомки колонизаторов, остальные – приезжие с других тихоокеанских островов, а также из Индонезии и Вьетнама (Recensement ISEE de 2014). Концепция восстановления экономического равновесия 1988 г. предполагала перераспределение бюджета территории в пользу Северной провинции и о-вов Луайоте, чтобы они получили в свое распоряжение более существенные средства, чем полагалось в соответствии с численностью их населения. Она также сделала возможной финансовую помощь государства, направляемую на проекты в области развития.
- ² Местное правительство – коллегиальный орган, избираемый Конгрессом напрямую по системе списков пропорционального представительства. Конгресс, в свою очередь, состоит из 54 депутатов трех провинциальных ассамблей (15 из 22 членов от Северной провинции, 32 из 40 членов от Южной провинции и 7 из 14 членов от Провинции островов Луайоте). Таким образом, сторонники независимости составляют среди депутатов меньшинство.
- ³ Оставшиеся 25% капитала SOFINOR принадлежат Каледонийскому акционерному институту и делятся между Французским агентством развития и тремя провинциями, каждая из которых владеет 16% акций.
- ⁴ В 2001 г. местные предприятия с народным участием насчитывали около 700 мелких акционеров, что составляет около 15% взрослого населения провинции (Pitoiset 2002).
- ⁵ 1000 тихоокеанских франков = 8,35 евро.
- ⁶ В 1974 “Компания Никель” вошла в группу *Imetal*, главным акционером которой был все тот же банк Ротшильд. В 1987 г. она стала 100% каледонским филиалом никелевого подразделения группы Eramet.
- ⁷ Несмотря на то, что на этом заводе (Гороникель/*Goronickel*), работает много канаков и у него есть местные субподрядчики, только 5% его акций принадлежат провинции, остальные – частным вкладчикам.
- ⁸ Цифры взяты из документа, озаглавленного “К вопросу о ситуации на предприятиях горнодобывающей промышленности в Новой Кадежонии”, распространявшегося в мае 2016 г. на собрании представителей Профсоюза экспортеров никеля.
- ⁹ Отметим, что ныне действующие заводы освобождены от налогов и сборов вплоть до достижения ими рентабельности, согласно закону, принятому в 2001 – 2002 гг. с целью привлечь иностранных инвесторов.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

- CEROM 2015. La croissance pénalisée par la demande intérieure. Étude *Comptes Économiques Rapides de l’Outre-Mer*, 2015.
- Demmer C. 2018. Un peuple calédonien? Le référendum d’autodétermination en Nouvelle-Calédonie, *La vie des idées*, mars 2018 : https://laviedesidees.fr/_Demmer-Christine_.html
- Demmer et al. 2018 – Demmer C., Le Meur P.-Y., Sourisseau J.-M. Quelle stratégie nickel après le référendum d’indépendance?, *Médiapart*, 30 octobre 2018. <https://blogs.mediapart.fr/edition/les-invites-de-mediapart/article/301018/quelle-strategie-nickel-apres-le-referendum-d-independance>
- Exportations 2015. Exportations vers des fondeurs étrangers vs usine off-shore: même performance? *Le nickel et la Calédonie*, 2015, 03. 10 <http://www.blogsmsp.nc/exportations-vers-des-fondeurs-etrangeurs-vs-usine-off-shore-meme-performance/>
- Nouvelles 2016. *Les Nouvelles Calédoniennes*, journal du 05-05-2016.
- Syndex 2016. *Nickel, métal du diable ou vecteur du développement*, Rapport Syndex, 2016, p. 42.

Научная литература

Bencivengo Y. Nickel. La naissance de l'industrie. Tours: PUF, 2014.

David C., Sourisseau J.-M. De Matignon à la consultation sur l'indépendance: une trajectoire politique et institutionnelle originale // La Nouvelle-Calédonie face à son destin: Quel bilan à la veille de la consultation sur la pleine souveraineté? / Eds. S. Bouard, J.-M. Sourisseau, V. Geronimi, S. Blaise, L. Ro'i. Paris: Karthala, 2016. P. 23–69.

Demmer C. Socialisme kanak, une expérience politique à Canala (Nouvelle-Calédonie). Paris: Karthala, 2016.

Demmer C. L'export du nickel au cœur du débat politique néo-calédonien // Mouvements. 2017. Vol. 91 (3). P. 130–140.

Freyss J. Économie assistée et changement social en Nouvelle-Calédonie. Paris: PUF, 1995.

Pitoiset A. L'actionnariat populaire en province Nord de la Nouvelle-Calédonie. Société de profit dans une société de partage. Mémoire de DEA en Anthropologie économique, Nouméa: Université de Nouvelle-Calédonie, 2002.

Research Article

Demmer, C. Kanak mining nationalism and “positioning” of mining and metallurgic companies in Nouvelle-Calédonie [Gorniatskii natsionalizm, nikellevaia promyshlennost' i dekolonizatsiia v Novoi Kaledonii] *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 49–61 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/49-61>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Christine Demmer | <https://orcid.org/0000-0001-6998-0746> | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | christine.demmer@univ-amu.fr

Keywords

Nouvelle-Calédonie, Kanaks, decolonization, Nouméa agreement, economic rebalancing, control over resources, nickel industry, mining nationalism, kanak socialism, referendum

Abstract

This article aims to explain that the mine in New Caledonia is for the Kanaks a “grassroots experience” of a decolonization initiated at the same time in institutions since about thirty years. It reminds the steps and the shapes of nickel conquest by independentists, which is the main economic resource of the archipelago. It highlights that the control of a multinational – SMSP – has profoundly reconfigured the mining sector, imposing new giant metallurgical firms against local export of ore firms. Based on contemporary mining landscape description, it examines as a mirror effect the singular decolonization situation going on in this ‘Overseas Country’ at the time of self-determination referendums closing the emancipation process acted in the “Nouméa agreement” of 1998.

References

Bencivengo, Y. 2014. *Nickel. La naissance de l'industrie calédonienne* [Nickel. The birth of the Caledonian industry]. Tours: PUF.

David, C. et J.-M. Sourisseau. 2016. De Matignon à la consultation sur l'indépendance: une trajectoire politique et institutionnelle originale [From Matignon to the consultation on independence: an original political and institutional trajectory]. in Bouard S., Sourisseau J.-M., Geronimi V., Blaise S., Ro'i L. (eds), *La Nouvelle-Calédonie face à son destin: Quel bilan à la veille de la consultation sur la pleine souveraineté?* Paris: Karthala: 23–69.

Demmer, C. 2016. *Socialisme kanak, une expérience politique à Canala (Nouvelle-Calédonie)* [Kanak socialism, a political experiment in Canala, Nouvelle-Calédonie]. Paris: Karthala.

- Demmer, C. 2017. L'export du nickel au cœur du débat politique néo-calédonien [The export of nickel at the heart of the New Caledonian political debate], *Mouvements*, 91, 3: 130–140.
- Freyss, J. 1995. *Économie assistée et changement social en Nouvelle-Calédonie* [Assisted economy and social change in Nouvelle-Calédonie], Paris: PUF.
- Pitoiset, A. 2002. *L'actionnariat populaire en province Nord de la Nouvelle-Calédonie. Société de profit dans une société de partage* [Popular shareholding in the northern province of New Caledonia. Profit society in a sharing society]. Mémoire de DEA en Anthropologie économique, Nouméa: Université de Nouvelle-Calédonie.

© Ж. Браше

© Ю. Шиле

ПОЛИТЭКОНОМИЯ НАТРОНА В РЕГИОНЕ БОРКУ (РЕСПУБЛИКА ЧАД)

Ключевые слова: Республика Чад, Борку-Эннеди-Тибести, Фая-Ларжо, натрон, анаказа, камая, вадаи, налогообложение, государство, традиционные вожди.

Экспорт натрона с главной кустарной выработки в регионе Борку облагается налогом совместно вождем племенного клана и правительственным чиновником. История формирования этого неустойчивого соглашения показывает, что “вожди” и “государство” нуждаются друг в друге для утверждения своего рода суверенитета над этим регионом. Частный случай налогообложения натрона является показательным для понимания государственного устройства Республики Чад в целом, с его дублированием официальных административных структур традиционными и системой взаимодействия локального и национального уровней политической власти. Статья основана на результатах восьмимесячного полевого исследования обоих авторов на севере Чада в 2012 г., а также на работе в местных и национальных архивах.

Откалывать от поверхности большие блоки минерала с помощью лома, кувалды или оси грузовика. Толкать, тащить, катить их, собирая в кучи, потом грузить в контейнеры, по 25-35 тонн на грузовик. С рассвета до заката, круглый год работа горняка тяжела и однообразна. Но в Фая-Ларжо, на этой небольшой открытой выработке в песках Сахары, ни один человек не работает круглый год от рассвета до заката. Нет даже таких, кто работает достаточно долго. Большинство – люди из других регионов, они здесь не задерживаются. Местные же работают по очереди, по случаю, время от времени.

В оазисах Борку-Эннеди-Тибести – трех северных провинций Республики Чад – кроме фиников, практически нет местной продукции, которую можно было бы продать за пределы региона. В Фая (префектура Борку), где находится одно из двух основных разрабатываемых месторождений натрона в стране (*Gillet* 1988: 115), этот минерал является важнейшим ресурсом¹.

Жюльен Браше | Университет Париж-1 Сорбонна | 12 Pl. du Panthéon, 75231 Paris, France | julien.brachet@ird.fr

Юдит Шиле | <https://orcid.org/0000-0001-7224-7668> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | judith.scheele@ehess.fr |

Статья впервые опубликована в журнале “Politique africaine”, 2018, 151: 39–59. На русском языке публикуется с согласия авторов и редакции журнала.

Для цитирования: Ж. Браше, Ю. Шиле. Политэкономия натрона в регионе борку (Республика Чад). // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 62-77. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/62-77>.

Добыча натрона в Фая-Ларжо. Фото Ж. Браше, 2012 г.

Расположенная между пальмовой рощей и окаймляющими ее дюнами к западу от города, выработка тянется на несколько километров в длину и один в ширину. Каждый день из других регионов приезжают водители и покупают натрон целыми грузовиками, чтобы перепродать его с большой выгодой в Ваддае на востоке страны или в соседнем Судане. На уровне региональной экономики валютная выручка от этой торговли существенна, хотя она и оседает в карманах лишь нескольких человек. Основной доход от эксплуатации выработки получают не горняки и даже не водители-коммерсанты, а чиновник министерства горнодобычи и традиционный вождь кантона² анаказа. Иными словами, представители государства (которое по определению является собственником недр в стране)³ и местной традиционной власти, претендующей на владение землей, на которой расположено месторождение⁴. Натрон для них – это настоящая рента, не только экономическая, но и символическая, и политическая, настолько само существование и, как минимум, легитимность разрешающих органов зависит от регулярно выдаваемых ими третьим лицам разрешений на ту или иную деятельность (Lund 2006: 1205).

Позволить друг другу облагать налогом экспорт натрона – так это воспринимается на местном уровне – означает для них утвердиться в качестве реальной власти в пространстве, где политические институты (от кантональных до национальных) обычно не очень активны и не пользуются авторитетом. В данном случае их власть и связанный с ней суверенитет распространяются только на месторождение и тех, кто им пользуется: они регулируют доступ к работе на выработке и право экспорта натрона, но не имеют никаких рычагов управления остальным населением оазиса. К тому же практически невозможно помешать местным жителям, как гражданским, так и военным, бесплатно добывать натрон. Поэтому контроль его добычи в Фая, в соответствии с весьма распространенным в Сахаре правилом, концентрируется на контроле таких специфических ресурсов, как транспорт и рабочие руки, в режиме территориального управления. Налогообложение натрона в Фая одновременно маргинально, причем в двух смыслах: оно происходит на географической окраине Республики Чад, и его объемы пренебрежимо малы в сравнении с государственным бюджетом, – и показательно для понимания политической логики, действующей не только в этой стране, но и в других подобных случаях.

Налогообложение лежит в основе практик управления и в широком смысле этого слова уже давно присутствует в регионе озера Чад (*Roitman 2005*). Изучение первого позволяет понять вторые, не заикливаясь на обычном вопросе о предполагаемой “несостоятельности” государства. Такой подход может быть особенно полезен в отношении Республики Чад, на первый взгляд представляющей собой противоречивую картину: она регулярно фигурирует среди самых “несостоятельных” государств мира с точки зрения критериев *good governance*, как его понимают международные институции⁵, и одновременно описывается как оплот стабильности в регионе, сотрясаемом политическими кризисами и кризисами безопасности, а президент страны Идрис Деби Итно, у власти с 1990 г.⁶, считается “хозяйном Сахеля” (*Soudan 2015*) и “новым сильным лидером” Центральной Африки (*Bozonnet 2013*).

Подход “снизу”, через землю и недра, в этом сахарском регионе, известном своей мятежностью, но в то же время центральным в карьере Идриса Деби и двух его предшественников на посту главы государства – Гукуни Уэддея и Хиссена Хабре – также может позволить выйти за рамки того, что на первый взгляд кажется противоречивым. Точно так же, рассматривая эти окраинные зоны Сахары не в отдельности от государства, но как географическое и моральное пространство, в котором границы государственной власти и ее легитимность постоянно переосмысливаются и переформулируются, можно задаться вопросом о роли периферии – территориальной, политической, экономической, фискальной – в процессе социального и политического регулирования (*Das, Poole 2004; Dahou 2015*).

От потребительной стоимости к меновой стоимости

Трудно точно сказать, когда именно началась добыча натрона в этом регионе Сахары. Некоторые жители полагают, что, не считая пастухов-кочевников – арабов и тубу, первыми стали добывать натрон вадаи в конце XIX в. (ПМА-1)⁷. В этот период минерал имел скорее потребительную, чем меновую стоимость и, по-видимому, его можно было свободно собирать по меньшей мере вплоть до 1930-х гг.

Натрон не имеет никакой рыночной стоимости. Нужно заплатить лишь несколько франков аборигену-собирателю за его транспортировку на верблюде, если у покупателя с юга нет возможности вывезти его самостоятельно (*ANT, W18: 3*).

Такая свободная кустарная добыча, тем не менее, сопровождалась ежегодным экспортом большого количества натрона, который верблюды доставляли в скотоводческую зону Чада⁸, где он традиционно использовался – как и во всей этой части континента – в пищу скоту (*Gillet 1988: 115*), при выделке шкур и окраске кожи и тканей (*Gast 1994: 2149, 2151*), в производстве мыла, а также, в меньших количествах, в питании людей, традиционной медицине – в качестве лекарства, моющего средства и после родов (*Dognin: 2014: 608*) или как добавка к жевательному табаку⁹.

Вопрос о собственности на месторождения натрона в те годы не порождал напряженности, некоторые даже думают, что выработку в Фая “оседлые” жители оазиса – камая отдали своим соседям (или повелителям, или даже хозяевам, в зависимости от источников) – пастухам-кочевникам анаказа¹⁰. Как и на всей территории оазиса, вопрос о собственности на землю не вставал до тех пор, пока последняя не становилась средством производства и источником дохода. Что и произошло с введением специального налога на продажу натрона.

“Кантоны” и их “вожди” были учреждены в Борку французами после завоевания этих земель в 1913 г. без опоры на прежних вождей, поскольку, по словам колонистов, таковых не су-

ществовало (*Chapelle* 1957). Их власть оставалась в целом весьма ограниченной, а их миссия чаще всего ограничивалась сбором налогов в пользу колониальной администрации. Миссия эта могла быть достаточно сложной, поскольку население, отказываясь платить, встречало сборщиков ударами копий (ANT, W18: 2). Собственно колониальная администрация действовала исключительно на военных постах. Только те, кто жили там, т.к. искали протекции французов, – т.е. в основном “чужие”: торговцы, приехавшие по коммерческим делам, аграрные колонисты-поселенцы из Ливии и лица с низким социальным статусом (например, бывшие рабы) – платили налоги. Однако эти “чужаки” не попадали под юрисдикцию вождей кантонов. Поэтому для последних налогообложение природных ресурсов, в том числе тех, которые использовались “чужаками”, как соль и натрон, было способом пополнить казну¹¹. Если Ле Руврер, глава администрации округа Борку в середине 1950-х гг., писал, что натрон в Фая и Вади-Думе добывается бесплатно (*Le Rouvreur* 1962: 449), а географ Капо-Рей после командировки в регион примерно в тот же период утверждал, что частной собственности на соляные и натроновые выработки не существует (*Capot-Rey* 1963: 84), то ситуация, похоже, изменилась на протяжении 1950-х гг. с установлением “платы в 20 франков за одного груженого верблюда в пользу вождя анаказа” (ANT, W21: 2). Несколько тонн натрона ежегодно вывозилось на верблюдах в южном направлении (ANT, W18: 3; ANT, W21: 1; ANT, W22: 2)¹², когда тунисская автотранспортная компания решила экспортировать минерал в Тунис, чтобы не гонять обратно порожняком свои грузовики, доставлявшие различные товары в Фая, где располагался крупный военный гарнизон (APF: 1). Этот эпизод, хоть и недолгий, стал началом экспорта натрона на грузовиках. Именно к этому периоду относятся сохранившиеся в местных архивах записи о конфликтах между различными вождями кантонов по поводу эксплуатации месторождений натрона¹³. Какими бы ни были реальные практики налогообложения добычи натрона в Борку в описываемый период, оказывается, как сформулировал это бывший сотрудник префектуры Фая в колониальную эпоху, что “до получения независимости натрон был не так нужен, как теперь” (ПМА-1).

Вопросы собственности, споры из-за ренты

Первые два десятилетия после обретения независимости оказались плохо задокументированы в местных архивах, и похоже, что вопрос о натроне отошел на второй план в заботах администрации и традиционных вождей, поглощённых проблемами, связанными с мятежным Фронтом национального освобождения Чада (ФРОЛИНА). Налогообложение, однако, не потеряло своей важности: мятеж начался в 1965 г. в центральной части Чада именно с выступлений против чрезмерных, как считали восставшие, поборов (*Buijtenhuijs* 1978: 86). По свидетельству одного из бывших мятежников, “рядовые бойцы [ФРОЛИНА] мечтали о мире без властей и без тюрем” (*Bodoumi* 2010: 195) и, можно добавить, не слишком рискуя ошибиться: без налогов. В “освобожденных” регионах ФРОЛИНА, а затем и Переходное правительство национального единства неизменно упраздняли все налоги и сборы, кроме таможенных – т.е. взимаемых с “чужаков” (*Brandily* 1984: 54). Напротив, как только в 1982 г. власть в Нджамене перешла к Вооруженным силам Севера под командованием Хиссена Хабре (по происхождению анаказа, родом из Фая) “традиционные вожди” вернули себе все права, приобретенные в годы колонизации, и в первую очередь – право на взимание налогов¹⁴. Вождь кантона анаказа быстро сумел навязать свою власть, уже в том же 1982 г. присвоив себе право взимать 10% налогов. Остальные 90% направлялись в Генеральное казначейство в Нджамене. В следующем году его доля выросла до 25% (APF: 2). Караванщики, приходившие за натроном, должны были отныне платить за каждого груженого верблюда по тысяче африканских франков, кото-

рые распределялись следующим образом: 600 франков в пользу “государства”, 250 франков в пользу общины анаказа и 150 франков “в пользу представителей арабов или вадаи, в зависимости от принадлежности караванщиков” (APF: 3).

Вскоре после этого север страны вновь перешел под контроль Переходного правительства национального единства, поддерживаемого ливийской армией, остававшейся там до своего поражения в 1987 г. В Фая вопросы, связанные с управлением выработками натрона, похоже, вновь теряют значение – и исчезают из документов местных архивов. Дело в том, что контроль над выработками рентабелен лишь в том случае, если торговцы, которые закупают натрон, имеют свободный доступ к рынкам центра страны, а этого доступа больше не было. В это же время большинство признанных прежним правительством агентов, до тех пор занимавшихся сбором налогов на натрон в Фая, вынуждены были выехать в столицу страны Нджамену. Они решили переключиться на выработку в Куба Уланга, расположенную южнее, на границе регионов Борку и Батха, в неоккупированной зоне. До сих пор власти не обращали на нее внимания. Тем временем другие представители местной администрации попытались воспользоваться политической нестабильностью и присвоить себе новые prerogatives. У некоторых из этого ничего не получилось, тогда как иные, как, например, комендант военной зоны, смогли на время получить право сбора налогов. Так, когда в 1986 г. префект Борку-Эннеди-Тибести¹⁵ заявил, что будет сам напрямую распоряжаться доходами от натрона, он не забыл напомнить ответственному за сбор налогов в Куба Уланга, что тот не должен “подчиняться ничьим указаниям, выполняя свою работу, а о малейших выходах со стороны местных властей докладывать префекту”. Далее он уточнил, что комендант военной зоны и вождь анаказа продолжают собирать свои доли налогов (APF: 4).

Все эти обмены письмами, указаниями и решениями не дают представления о реальных денежных потоках, связанных с эксплуатацией натрона. Однако, судя по всему, минерал, добываемый на небольшой выработке и прежде мало использовавшийся, оказавшись в центре соперничества за ренту, превратился в товар, растущий в цене. Пример Куба Уланга поучителен не только тем, что он иллюстрирует связь между рыночной ценностью и налогообложением, но и тем, что он проливает свет на смысл разделения официального и неофициального взимания налогов для местного сообщества. Если все те, кто хочет воспользоваться налоговой манной, без конца оспаривают друг у друга “официальный” статус сборщика налогов, стремясь получить одобрение какой бы то ни было вышестоящей власти, то это, вероятно, потому, что такой статус, наделяя их реальной возможностью собирать эти налоги, позволяет им стать главным авторитетом в данной местности – как в глазах других потенциальных сборщиков, так и в глазах облагаемого налогом населения.

В 1987 г. война заканчивается, и в регионе Борку-Эннеди-Тибести постепенно вновь устанавливается администрация Нджамены. Вследствие вмешательства главы государства Хиссена Хабре позиции вождя анаказа укрепляются. После возвращения в Фая последний официально назначен “ответственным за сбор налогов на натрон” (APF: 5). Часть собранных денег он должен затем передавать государственному налоговому чиновнику. Доля, остающаяся в распоряжении вождя анаказа, уже выросшая с 10% до 25% в предыдущие годы, теперь поднимается до 40%, а в отдельных случаях до 65%¹⁶.

Несколько лет спустя, после очередного государственного переворота супрефект Борку вновь попытался “оздоровить ситуацию с налогообложением на выработке натрона”, чтобы “добиться сбора налогов, которые по-прежнему выплачиваются лишь частично” (APF: 6). Одной из главных трудностей было помешать военным бесплатно добывать натрон для соб-

ственных нужд (APF: 7). В 1995 г. чиновники префектуры прямо писали о том, что “власти отказались от натронной ренты, ею пользуются лишь несколько частных лиц” (APF: 8). Такая ситуация, похоже, сохранялась долго, что не помешало вождю анаказа еще более укрепить свое доминирование, иногда с помощью местных властей, как, например, когда он получил от префекта Борку разрешение брать “200 франков вместо 100 за охрану верблюдов” караванов, проходящих за натроном (APF: 9).

Таким образом, на всем протяжении недавней истории эксплуатации натрона в Борку фискальные прерогативы, связанные с этим минералом, сохраняют оспариваемый, изменчивый и нестабильный характер: они не вписываются в линейный нарратив постепенного, необратимого и исключительного присвоения налоговых полномочий победившим государством, встречающийся у некоторых авторов (см., например *Levi* 1989).

Транспорт, экспорт и налоги

Начиная с 2000-х гг. торговля натроном принимает беспрецедентный размах. Хотя караваны верблюдов по-прежнему приходят регулярно, все больше и больше становится грузовиков, в частности, в связи с растущим спросом на минерал в Судане¹⁷. Поэтому государство пытается упрочить свои права и увеличить свою долю налогов. В 2008 г. было организовано совещание у супрефекта Фая при участии вождя анаказа и представителя горняков с целью увеличения налогообложения, особенно в отношении экспорта большегрузами (20–30 т), т.е. самой большей части экспорта (APF: 10)¹⁸. Несмотря на достигнутое соглашение, месяц спустя супрефект жаловался на то, что натрон “ускользает от нашего контроля. И что еще хуже – на добыче работает много неучтенных людей, которые, лишь только заработают немного денег, уходят нелегально в Ливию, чтобы присоединиться к мятежникам в Судане” (APF: 11). Вождь анаказа в дальнейшем поручил своему младшему сыну, получившему высшее образование в Канаде, заняться сбором налогов совместно с государственным налоговым чиновником, который стал региональным представителем Министерства горнодобычи. С тех пор этот чиновник – камая по происхождению, уроженец Фая, учившийся в России, – и его помощник почти ежедневно стали встречаться с сыном вождя анаказа и представителями горняков для дележа собранных накануне налогов и распределения бригад в зависимости от количества грузовиков, стоящих под погрузкой. Каждый водитель грузовика, желающий купить натрон, должен был обратиться в городское горное управление и уплатить все налоги и сборы, сумма которых (с 30-тонного грузовика) распределялась следующим образом: 110 тыс. африканских франков в пользу государства в лице Министерства горнодобычи, 150 тыс. в пользу вождя анаказа и 300 тыс. в пользу горного управления, из которых 250 тыс. – на зарплату горнякам, остальные – работникам управления. Итого 510 тыс. франков плюс по 3 тыс. 250 франков за каждый мешок мелких кусков натрона, которые грузятся поверх больших блоков. Каждый водитель обычно берет от 20 до 70 таких мешков за рейс. Наконец, водители оплачивают питание горняков за время погрузки и дают им дополнительно на руки от 10 до 20 тыс. франков на бригаду за то, чтобы при погрузке те не оставляли много пустот и чтобы груз не утрамбовался в пути. Плохая загрузка может привести к потере до 20% объема груза за время следования из Фая до Абеше (ПИМА-2). В общей сложности конечная стоимость загрузки одного грузовика натроном в Фая составляет от 600 до 750 тыс. франков, в Абеше он перепродается за 2 млн, а в Судане его цена может достигать до 5 млн, с учетом того, что рейс в оба конца занимает около двух недель и связан с существенными затратами на горючее, ремонт и т.п. Большинство водителей работают на себя и могут надеяться заработать за месяц до 1,5 млн франков, тогда один только вождь анаказа

получает за то же время в 4-10 раз большую сумму. Если в других регионах Сахары основную выгоду от солеварен традиционно получают водители грузовиков (см. *Clauzel 1960; Meunier 1980*), то в Фая – те, кто их обирает. Что не мешает большинству жителей думать, что мошенничество вокруг натрона по-прежнему широко распространено: “люди не декларируют доход, это редкость; только один водитель из десяти платит налог государству” (ПМА-3). С одной стороны, невозможно проследить, куда на самом деле идут собираемые налоги. С другой – ситуация зависит от вида налога и от авторитета того, кто его собирает. Например, большинство водителей, возящих натрон в Судан, имеют родственников по обе стороны границы, а также как чадские, так и суданские регистрационные номера. По закону при экспорте натрона они должны платить как таможенный сбор, так и сбор, установленный Торговой палатой, однако, по словам председателя последней, “никто нам никогда ничего не платит” (ПМА-4). Зная, что в пиковый период добычи в холодный сезон в день могут загружаться до 5 грузовиков, можно оценить валютную выручку от эксплуатации натрона в 20–60 млн африканских франков в месяц¹⁹ – существенные деньги для экономики Фая, но также очень большие деньги для тех немногих, кто получает львиную их долю: сотрудников горного управления и особенно – вождя анаказа, чей месячный доход составляет от 5 до 15 млн франков, или от 7 тыс. 500 до 22 тыс. 500 евро, делая его богатейшим племенным вождем в Фая и, возможно, во всем регионе. По словам другого вождя, “сегодня натрон – это товар, это деньги” (ПМА-5). В результате за несколько десятилетий вождь анаказа приобрел авторитет, который никто даже не пытался оспаривать, во всяком случае, в открытую.

Работа горняков

Добывать натрон, представляющий собой верхний слой земной коры толщиной несколько метров, нужно непосредственно перед погрузкой на машины, иначе минерал “сохнет на солнце, становится белым и теряет свою ценность” (ПМА-6). Поэтому готовить заранее запас минерала, складывая его на открытом воздухе, было бы нерентабельно. Достаточное количество бригад должно работать на выработке каждый день. Ротация этих бригад, как и их состав, строго регулируются, если не регламентируются. Только 6 из 21 кварталов города имеют право поставлять по очереди бригады горняков. Пять из них считаются кварталами анаказа, а шестой населен “потомками рабов”, предки которых “пришли с ливийцами” в начале XX в. (ПМА-3). За один раз каждый квартал, согласно заведенным правилам, может загрузить определенное количество грузовиков: 12 – Амул, 13 – Джиди, 8 – Мардангай, 7 – Кукуру, 4 – Ири Бугинья и 3 – Восьмой квартал. Таким образом на долю анаказа приходится 44 грузовика из 47. Внутри квартала несколько бригад делят работу между собой, и каждая бригада отправляется на выработку по очереди, затрачивая от одного до трех дней на загрузку каждого грузовика. По словам рабочих, они зарабатывают в среднем 5 тыс. франков в день, но эта сумма варьирует в зависимости от численности бригады и от количества дополнительных мешков с натроном, которые покупает водитель. Некоторые бригады вводят у себя своего рода страхование риска: если кто-то из горняков получит травму во время работы, коллектив платит ему его долю вплоть до выздоровления.

Большинство жителей города, в частности – камая, не имеют доступа к работе на выработке. Говорят, что это сравнительно недавняя практика, которая стала результатом жестокого конфликта между анаказом и камаем в 2006 г. по поводу права на землю. Некоторые из камая отказались тогда платить “дань” анаказу как “владельцам садов”. С тех пор, хотя никакого государственного постановления на этот счет не было, прерогатива всех анаказа на земли была

сведена к прерогативе их вождя на выработку натрона, куда камая теперь доступ закрыт. Это кажется достаточно странным: хотя многие анаказа – люди действительно бедные, их социальный статус, который считается более высоким, чем у камая, тесно связан с отказом от выполнения любой работы, считающейся постыдной, с нежеланием “гнуть спину”. В других регионах Сахары работа на солеварнях является уделом определенных категорий населения оазисов, а также рабов, заключенных и в последнее время – пришлых “чужаков”²⁰. Если же свободные молодые люди, не принадлежащие к сообществам горняков или солеваров, иногда нанимаются на такую работу, то лишь временно и по каким-то определенным мотивам (например, чтобы заработать денег на свадьбу, расплатиться с долгами или оплатить поездку). В Фая тоже работа на выработке рассматривается скорее как крайний случай и временное решение, нежели как постоянное или длительное трудоустройство. Потому нередко бригады анаказа пропускают свою очередь из-за нехватки рабочих рук²¹.

Кроме того, по существующему порядку водители грузовиков могут выбирать бригаду, которая будет для них заготавливать и грузить натрон, поэтому бригадиры, находящиеся в непосредственном контакте с ними, могут обслуживать “забронированные” грузовики вне всякой очереди. Водители звонят им, чтобы предупредить о своем прибытии, за несколько дней, чтобы те подготовили нужный объем натрона. В таких случаях они, минуя горное управление, ставят машину прямо под погрузку, а бригадиры, которые с ними работают, заранее платят за них все налоги и сборы. Так, у одного из бригадиров из Восьмого квартала – по происхождению хаджерай – есть несколько номеров телефонов водителей из Ваддая, благодаря чему его бригада работает чаще остальных. Восьмой квартал традиционно считается кварталом “бывших рабов”, но также кварталом “чужаков”, приезжих из восточных и центральных районов Чада, которые ищут работу в Фая в периоды сельскохозяйственного бездействия в Сахеле или останавливаются там на пути в Ливию, остающуюся притягательным направлением для мигрантов со всей страны (*Brachet 2016*). Учитывая стоимость проезда в Ливию, необходимость иногда подолгу ждать машины и дороговизну жизни в Фая, некоторые мигранты иногда нанимаются подработать на выработку, “но только жители Чада, других не берут” (ПМА-8)²². Камая, если они хотят работать на выработке, тоже могут вступить в одну из бригад Восьмого квартала. Они не совсем лишены доступа к горняцким заработкам, но могут получить его только в качестве “чужаков”. Таким образом, установленная очередность кварталов и бригад для работы на выработке, похоже, служит не столько для обеспечения преимуществ горнякам-анаказам, сколько для утверждения доминирующего статуса их кантона на политическом уровне (поскольку именно они устанавливают условия работы на выработке и доступа к ней).

Фискальное согласие и политические интересы: брать налоги с чужаков

Таким образом, в Фая налогообложение местных природных ресурсов носит откровенно политический характер, в том смысле что оно сопровождается публичным утверждением различными инстанциями своего рода суверенитета. Для вождя анаказа выработка натрона, бесспорно, представляет собой важный источник дохода, но она также символизирует его прерогативы на земли оазиса. Официально он получает часть налоговых поступлений от добычи и продажи натрона как “владелец по обычаю” самой выработки и окружающих ее земель: “право собственности”, которое ему трудно отстаивать в других сферах. “Налогообложение” натрона включает в себя одновременно налог на природный ресурс, плату за право доступа к земле, на которой расположена выработка, вознаграждение за оказанные услуги (организацию работы), монополию на эту организацию, лицензию на экспорт, налог на прибыль перевоз-

чиков-трейдеров и своего рода дань традиционному вождю, главенствующему в оазисе. В свою очередь региональный чиновник Министерства горнодобычи имеет право сбора налогов как представитель государства. Эта кажущаяся двойственность “официальной”, “государственной” и “неформальной”, “традиционной” сфер обманчива, так же, как обманчива двойственность территориальных уровней, на которых закреплены и узаконены прерогативы участников: местный “традиционный вождь” должен искать компромисс с “национальным” чиновником. Если вождь анаказа (умерший в 2017 г.) был близок к президенту Хабре, тоже анаказа, то еще ближе он был к следующему президенту – Деби, своему зятю. В то же время представитель Министерства горнодобычи, камая, часть своих доходов тратил на местные нужды – например, финансировал футбольную команду, но никогда не вмешивался в земельные споры камая и анаказа. Двойственность государство/традиционное вождество можно также рассматривать как “договоренность” между разными кантонами и между кантонами и государством: всех устраивает, что военные и немногочисленная местная знать пользуются выработкой натрона, не платя налогов, а налоги, собираемые на местах, почти никогда не доходят до Нджамены. Если государство узаконивает “традиционный” институт, наделяя его официальными правами (а также операционным бюджетом в форме зарплаты вождю кантона и его гвардии), то отчасти верно и обратное, принимая во внимание традиционную неустойчивость политической власти в Чаде и зачастую ограниченное действие в регионах решений центрального правительства. Такая двойственность вообще характерна для Республики Чад, где “режим скорее использует имеющиеся в наличии силы, нежели пытается их контролировать” (*Debos* 2013: 176).

Изучение системы налогообложения в Борку не только дает нам представление о сложных и многосторонних отношениях государства со своей периферией, но и указывает на важность действий государства – свойственными ему методами – в регулировании экономической деятельности в регионе. Как мы видели, налог на натрон не взимается с заранее установленной стоимости минерала, но непосредственно участвует в формировании этой стоимости, хотя бы посредством организованного и, следовательно, некоторым образом безопасного доступа к ресурсу, который совместно предоставляют торговцам-“чужакам” традиционный вождь и правительственный чиновник. А без этого, т.е. без выхода на коммерческие сети, натрон не имеет никакой рыночной стоимости. Пример временного прекращения транспортного сообщения с регионом Ваддаи и связанного с этим переключения налоговых органов на выработку в Куба Уланга во время гражданской войны хорошо это иллюстрирует.

Точно так же организация работы по добыче и погрузке натрона представляет собой одновременно необходимое условие обеспечения ее рентабельности и публичное утверждение суверенитета – в частности, права исключить из этой деятельности некоторые группы населения оазиса. Таким образом, утверждение суверенитета, собственности и политического превосходства идут рука об руку, воплощаясь в налоговой практике, так что трудно, а то и невозможно, провести их аналитическое различие (*Goodfellow, Owen* 2018; *Lund* 2006). Это противоречит более распространенным в исследованиях налогообложения моделям, которые исходят из того, что рыночная ценность и даже право собственности существуют до установления налогов, и видят в возникновении и развитии государства и налоговых практик линейный и причинный процесс (см. напр. *Levi* 1989; *Bräutigam* 2002).

В данном конкретном случае мы могли бы добавить к этой логике взаимного и параллельного конституирования работу, или вернее весь способ производства, выросший вокруг натрона. Такая организация оплачиваемой работы строго по установленному расписанию уникальна для оазиса и в целом для региона Борку (*Brachet, Scheele* 2015a). Устойчивость этой модели объ-

ясняется тем, что, вопреки тем преимуществам в доступе к работе, которые она – казалось бы – создает для анаказа, на деле большая часть работников на выработке – “чужаки”, или по крайней мере (временно) считаются таковыми: потомки рабов, выходцы из других регионов. И если способ производства, характерный для эксплуатации натрона, уникален для оазиса, то принцип обирания пришлых, чужих – а значит, предпочтение таких фискальных инструментов, как таможенные сборы, плата за доступ к ресурсам и за мобильность, а не личного или земельного налога является здесь скорее обычным делом. Этот принцип, судя по всему, существовал до появления государства, которое, кажется, само воспринимается как один из таких “чужаков”, которых можно обложить налогом. Такое впечатление активно поддерживается правительством, желающим купить мир в регионе, где не раз зарождались вооруженные мятежи, даровав нескольким местным акторам право дополнительного налогообложения. Но взимать налоги – еще не значит управлять, так же как налоговая политика не обязательно направлена на укрепление институционального потенциала государства или способности его лидеров к управлению (Levi 1989: 2). “Суверенитет”, рождающийся из этих фискальных практик, направлен скорее вовне, он разделяем, нестабилен и, безусловно, основан на праве исключения (Agamben 1997) – но речь не об исключении из политического или какого-то иного сообщества, членство в котором наделяет жизненно важными правами, а всего лишь о лишении доступа к конкретному местному ресурсу. Этот суверенитет не предполагает никакого управления людьми вне ограниченного контекста выработки натрона, горного управления и временных горняцких бригад. Сама идея “управления” людьми, т.е. руководства их поведением на постоянной основе, плохо вписывается в традиционную политическую культуру региона (Brachet, Scheele 2015c). Управлять можно ресурсами, местностями, может быть, даже дорогами, контролируя пункты пропуска. Такое “управление” выражается в перемещении ценностей: либо в форме налогообложения, которое предполагает определенную “защиту”, либо в форме хищнического изъятия. Люди привыкли считать себя носителями “мелких суверенитетов” (Dresch 2006), чьи политические и социальные права существовали прежде всякого государства. Налогообложение натрона, несмотря на видимое участие в нем государства и “традиционного вождя”, также в значительной мере порождено государством (колониальным, затем постколониальным), больше похоже на прежние принципы защиты и контроля ключевых ресурсов, издавна существующие в Сахаре (Rossi 2015), чем на фискальные практики централизованного государства. Чтобы укрепить свое присутствие в регионе, чадское государство вынуждено играть по этим правилам – одновременно трансформируя их уже только своим присутствием. Однако видимое присутствие представителей государства не обязательно означает, что они будут действовать в первую очередь именно как таковые, в соответствии с государственной логикой и в государственных интересах. Президент Идрис Деби, глава государства и одновременно султан своего родового владения в Эненди, – лучший тому пример.

Практики налогообложения на выработке натрона в окрестностях города Фая вписываются в традиционную и широко распространенную в регионе логику утверждения суверенитета, предпочитающую контроль конкретных ресурсов и местностей контролю над территориями или населением или прямой эксплуатации этих ресурсов. Но они прекрасно вписываются и в логику современного чадского государства, которое организует или поощряет в большинстве сфер своей деятельности умножение административных структур, каждая из которых получает возможность обогащения – в частности, через систему налогообложения – благодаря официальным и неофициальным связям с центральной властью (Brachet, Scheele 2015b). Часть

таких структур – например, традиционное вождество – получили свою легитимность не только от государства и потому не считают себя обязанными служить или полностью подчиняться ему. Помимо хорошо осознаваемых общих интересов, у каждого участника этой игры есть собственная повестка. Для государства налоговые отчисления от выработки натрона в Фая, безусловно, маргинальны, а то и вовсе незначительны, настолько неопределенна часть налогов, собираемых от его имени, реально доходящая до государственного казначейства. Однако само существование этого налогообложения позволяет установить государственный суверенитет, хотя и слабый, ограниченный и иногда обтекаемый, но тем не менее признанный и добавляющий государству видимости, которой ему не хватает. Эта договоренность между “местной властью” и государством отражает положение последнего в регионе в целом: на севере Чада, отнюдь не “недостаточно управляемом” (*International Crisis Group* 2011), сконцентрировано огромное количество чиновников и других государственных служащих, гражданских и военных, играющих центральную роль в местной политике. Однако зачастую трудно понять, обязаны ли они своей влиятельностью связи с государством (с его распределительной способностью), или же она как раз и стала причиной, по которой государство их интегрировало, кооптировало, купило, наконец. И именно эта неуверенность в происхождении и иерархии игроков политической сцены делает всю систему работоспособной и прибыльной. В любом случае с местной точки зрения государственные служащие – лишь одни из участников политической игры, в большинстве случаев выходящей за рамки единственно государственной логики: они, конечно, играют свою роль, но не они устанавливают правила. Это никоим образом не делает чадское государство “слабым” или “несостоятельным”, но скорее указывает на его гибкость и способность адаптироваться к специфическим условиям региона, который всегда создавал ему проблемы и в то же время поставлял большую часть государственных деятелей, в том числе самого высокого ранга. Отчасти это объясняет также устойчивость власти: вождь анаказа скончался в 2017 г. на 47 году своего пребывания на этом посту, а президент Идрис Деби находился у власти 30 лет. Устойчивость принципов, лежащих в основе фискальных “договоренностей” – и, следовательно, долговечность современной политической системы, кажется, в меньшей степени проистекает из стабильности государственных институтов, чем из отказа от институализации этих “договоренностей” в пользу гибких, разносторонних и эластичных социальных отношений. Таким образом, налогообложение натрона в Фая является абсолютно маргинальным для государства с экономической точки зрения, но можно сказать, что оно подогнано “под себя” местной властью, извлекающей из него выгоду, но также и президентом, который регулярно жалуется на “полный крах авторитета государства” в регионе Борку (*Déby* 2013).

Примечания

- ¹ Натрон находится на поверхности земли в форме беловатой минеральной корки. Он состоит в основном из гидрокарбоната натрия, смешанного с хлоридом и сульфатом натрия, глиной и песком.
- ² Кантоны – административные единицы, созданные в колониальную эпоху и обозначающие группы людей, а не территории, хотя эти группы могут иногда предъявлять права на землю (см., например: *Crowder 1964; Zucarelli 1973*). *Сегодня в Чаде кантоны создаются – и их вожди назначаются – президентским декретом. Вожди четырех из семи кантонов, представленных в Борку, имеют резиденцию в Фая.*
- ³ Согласно Кодексу добычи полезных ископаемых Чада (реформа которого идет с мая 2017 г.) государству принадлежат минеральные ресурсы, находящиеся на поверхности и в недрах (закон N°011/PR/1995 от 20 июня 1995 г., ст. 3, 5 и 6).
- ⁴ Согласно тому же Кодексу вождям анаказа принадлежит земля, на которой расположена выработка натрона, и они имеют право на ее эксплуатацию (ст. 31–34).
- ⁵ См., например, *Failed States Index – впоследствии Fragile States Index – с 2005 г., ежегодно публикуемый Американским Фондом Мира (The Fund for Peace) и журналом Foreign Policy. В 2018 г. Республика Чад занимала в этом списке 8-е место (7-е в 2021 г. – прим. перев.) и первое – среди государств, в которых не идет война – см. <https://fragilestatesindex.org>*
- ⁶ Убит в бою с повстанцами 20 апреля 2021 г. – прим. перев.
- ⁷ Во французской традиции под тубу понимают группы теда и даза, в состав которых входят, в частности, анаказа, донза и камая.
- ⁸ 1 тыс. 480 т натрона учтены как экспорт колониальной администрацией в 1935 г. (ANT W18, 1935).
- ⁹ По подсчетам французских колониальных властей, несколько тысяч верблюдов ежегодно приходили в Борку за финиками, солью и натроном (ANT, W18: 1; ANT, W22: 1, 2).
- ¹⁰ Об отношениях, порой конфликтных, между камая и анаказа см. *Brachet, Scheele 2016*.
- ¹¹ Применительно к региону Борку см. данные по солеварням в Бедо (ANT, W18: 4) и Деми (ANT, W20: 2).
- ¹² Ле Руврер отмечал, что груз натрона весом от 100 до 130 кг. (в зависимости от верблюда) продавался в Абешё, административном центре региона Вадаи, за 1 тыс. 300 африканских франков (*Le Rouvreur 1962: 449*).
- ¹³ Вождь кантона кокорда оспаривал право вождя кантона анаказа на сбор платы за эксплуатацию месторождения Са на юге Борку, которую тот получал с 1953 г. (ANT, W20: 3). По поводу выработки в Фая см. Ежемесячный политический бюллетень региона Борку за апрель 1955 г. (личный архив аль-Хаджи Мусы Хайраллы).
- ¹⁴ Как было рекомендовано еще в 1960-х и 1970-х гг. возглавляемой Францией Миссией административной реформы (MRA) при поддержке режима Томбалбая. См.: *Buijtenhuijs 1987: 327*
- ¹⁵ В то время эти три современных региона составляли один департамент.
- ¹⁶ “Караванчики должны отныне платить тысячу африканских франков государству и 750 франков общине с каждого груженого верблюда, тогда как водители грузовиков должны платить государству 50 тыс. франков за 10 т и 100 тыс. – за 20 т, а также 90 тыс. в пользу общины и 60 тыс. налога на рабочую силу вне зависимости от тоннажа грузовика” (APF: 5).
- ¹⁷ Грузовики, которые приходят за натроном из Судана или из Абеше, привозят товары – в частности, высушенные и прессованные отходы с заводов, на которых производится арахисовое масло. Смешанные с водой, они идут на корм скоту. Мешок отходов торговцы в Фая покупают за 7 тыс. 500 франков и перепродают за 8 тыс. 500 на месте или с еще большей выгодой – в Ливии.
- ¹⁸ Свободная и бесплатная добыча натрона в Фая больше не разрешается, но она еще сохраняется на нескольких других выработках региона Борку. Эти выработки, к которым нет подъезда на грузовиках и иногда даже на пикапах, а только на верблюдах, до сих пор никем не контролируются.
- ¹⁹ В среднем от 250 до 750 млн франков в год, к которым нужно добавить также менее существенные суммы от продажи натрона караванщикам-арабам, которые приходят с сентября по февраль и платят по 3 тыс. франков за груженого верблюда (1000 франков государству, 5⁰⁰ – вождю анаказа, 300 – вождю арабов, по 100 франков – мэрии и супрефектуре Фая, а также горнякам).
- ²⁰ В соседнем Нигере тубу отказываются от горняцкой работы, считающейся позорной. Этим занимаются выходцы из Западной и Центральной Африки, находящиеся на пути в Ливию (*Vikør: 1982; Brachet 2017; McDougall: 2017*)
- ²¹ Об отношении обитателей Фая к наемному физическому труду см., например, *Brachet, Scheele 2015a*.
- ²² “Расовые вожди” – это традиционные вожди, представляющие на местном уровне свои “этнические общины”. Они признаны государством и Ассоциацией традиционных вождей Чада (ААСТТ).

Источники и материалы

- ПМА – полевые материалы авторов: интервью 1) аль-Хаджи Муса Хайралла. Фая, 14 марта 2012 г. 2) М., водитель из Ваддая. Фая, 6 апреля 2012 г. 3) А., житель Фая, 20 марта 2012 г. 4). Вардугу Ани, председатель Торговой палаты Фая. 21 марта 2012 г. 5) вождь кантона мина. Фая, 3 августа 2012 г. 6) региональный представитель Министерства горнодобычи в Борку, Фая, 23 марта 2012 г. 7) Ф., по происхождению донза, Фая, 20 марта 2012 г. 8). Эль-Хаджи Сужи Торна, “вождь расы” хаджераи и представитель по натрону Восьмого квартала, Фая, 23 марта 2012 г.
- ANT W 18 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 18. 1). Rapport trimestriel, 4e trimestre 1928, Borkou-Ennedi; 2) Rapport trimestriel, 3e trimestre 1933, Circonscription du Borkou-Ennedi-Tibesti (BET); 3). Rapport trimestriel 4e trimestre 1935, (BET), Colonie du Tchad, Gouvernement général de l’Afrique équatoriale française (GGAEF); 4). Rapport trimestriel, 1er trimestre 1936 (BET).
- ANT W 20 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 20. 1). Rapport politique, 1er semestre 1949; 2). Bulletin politique mensuel, mars 1950 (BET); 3). Bulletin politique mensuel, juillet 1954 (BET).
- ANT W 21 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 21. 1). Rapport politique 1954, District du Borkou (BET); 2). Rapport économique 1955, District du Borkou (BET).
- ANT W 22 – Archives nationales du Tchad, N’Djaména, dossier W 22. 1). Bulletin mensuel de renseignements politiques et économiques, octobre 1951 (BET); 2). Bulletin politique mensuel, septembre 1955 (BET).
- APF – Archives de la préfecture de Faya, non classées, Faya. 1). Lettre du chef de région du BET au chef du Territoire du Tchad, Largeau, juin 1954; 2). Rapports du service Trésor et bureau des douanes de Faya, 18 novembre 1982, 25 mars 1983, 3 avril 1983 et 8 avril 1983; 3). Gunt, Note de service de la Commission de gestion et de sécurité de la ville de Faya, Faya, 19 juillet 1983; 4). Lettre du préfet du BET à l’agent en charge de l’enlèvement du natron, N’Djaména, 5 août 1986; 5). Lettre du préfet du BET au sous-préfet du Borkou, Faya, 28 juillet 1987; 6). APF, Sous-préfecture du Borkou, Décision n°298/SPB/FAYA/92, Faya, 18 septembre 1992; 7). Le préfet adjoint au commandant de la région militaire n° 1, Faya, 3 février 1993; 8). APF, Bulletin économique mensuel, octobre 1995, Faya (BET); 9). Attestation du préfet du Borkou, Faya, 25 mai 2005; 10). Sous-préfet de Faya rural, Fiche d’information, Faya, 27 février 2008; 11). Le sous-préfet de Faya rural au préfet du département du Borkou, Faya, 18 mars 2008.
- Bozonnet, C. 2013. Le président Idriss Déby veut faire du Tchad un acteur majeur en Afrique. *Le Monde*, 15.04.
- Déby Idriss Itno 2013. Rencontre PR autorités administratives et militaires de Borkou [en ligne], DGCOM, 29 juin 2013. www.presidence.td/fr-news-638.html.
- International Crisis Group. 2011. Le Nord-Ouest du Tchad: la prochaine zone à haut risque? *Briefing Afrique*, 78.
- Soudan, F. 2015. Tchad: Idriss Déby Itno, le boss du Sahel, *Jeune Afrique*, 09.03.

Научная литература

- Agamben G. Homo sacer. Le pouvoir souverain et la vie nue. Paris: Seuil, 1997.
- Bodoumi A. S. Tchad: 1960-1982. La victoire des révoltés. Témoignage d’un “enfant soldat”, N’Djaména: Centre al-Mouna, 2010.
- Brachet J. Policing the Desert: The IOM in Libya Beyond War and Peace // *Antipode*. 2016. Vol. 48 (2). P. 272–292.
- Brachet J. Entre saline et masure. Note sur la vie quotidienne des migrants étrangers dans l’oasis de Bilma (Niger) // *Outre-Terre*. 2017. n° 53. P. 114–127.
- Brachet J., Scheele J. A “Despicable Shambles”: Labour, Property and Status in Faya-Largeau, Northern Chad // *Africa*. 2016. Vol. 86 (1). P. 122–141.
- Brachet J., Scheele J. Les années écroulées. Vestiges, développement et autonomie à Faya-Largeau, Tchad // *L’Homme*. 2015. n° 215–216. P. 279–305.
- Brachet J., Scheele J. L’envers du tourisme au Sahara tchadien. Entre jeu politique national et indifférences locales. *Cahiers d’études africaines*. 2015. n° 217. P. 107–131.

- Brachet J., Scheele J.* Fleeting Glory in a Wasteland: Wealth, Politics, and Autonomy in Northern Chad // Comparative Studies in Society and History. 2015. Vol. 57 (3). P. 723–752.
- Brandily M.* Le Tchad face nord 1978-1979 // Politique africaine. 1984. n° 16. P. 45–65.
- Bräutigam D.* Building Leviathan: Revenue, State Capacity, and Governance // IDS Bulletin. 2002. Vol. 33(3). P. 1–17.
- Buijtenhuijs R.* Le Frolinat et les révoltes populaires du Tchad (1965-1976). Paris: Mouton, 1978.
- Buijtenhuijs R.* Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977-1984). Paris: Karthala, 1987.
- Capot-Rey, R.* Le nomadisme des Toubous // Nomades et nomadisme au Sahara / Ed. Bataillon C. Paris: Unesco, 1963.
- Chapelle J.* Nomades noirs du Sahara. Paris: Plon, 1957.
- Clauzel J.* L'exploitation des salines de Taoudeni. Alger: Institut de recherches sahariennes, 1960.
- Crowder M.* Indirect Rule: French and British Style // Africa. 1964. Vol. 34 (3). P. 197–205.
- Dahou T.* 2015. Les marges transnationales et locales de l'État algérien // Politique africaine. 2015. n° 137. P. 7–25.
- Das V., D. Poole D.* State and Its Margins. Comparative Ethnographies // Anthropology in the Margins of the State / Eds. V. Das, D. Poole. Santa Fe/Oxford: SAR Press, 2004. P. 3–33.
- Debos M.* Le métier des armes au Tchad. Le gouvernement de l'entre-guerres. Paris: Karthala, 2013.
- Dognin R.* 2014. Le jeu de Loi // Cahiers d'études africaines. 2014. n° 215. P. 585–622.
- Dresch P.* The Rules of Barat. Tribal Documents from Yemen, Sana'a: Centre français d'archéologie et de sciences sociales, 2006.
- Gast M.* 1994. Cuirs et peaux // Encyclopédie berbère. 1994. Vol. 14. P. 2149–2151.
- Gillet H.* 1988. La faim de sel // Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée. 1988. n° 35. P. 111–120.
- Goodfellow T., Owen O.* Taxation, Property Rights and the Social Contract in Lagos // ICTD Working Paper. 2018. Vol. 73.
- Le Rouvreur A.* Sahariens et Sahéliens du Tchad. Paris: Berger-Levrault, 1962.
- Levi M.* Of Rule and Revenue. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Lund C.* Rule and Rupture: State Formation through the Production of Property and Citizenship // Development and Change. 2006. Vol. 47 (6). P. 1199–1228.
- McDougall E. A.* Colonial Labor, Tawdenni and “L'enfer du sel”: The Struggle from Slave to Free Labor in a Saharan Salt Mine // Labor History. 2017. Vol. 58 (2). P. 185–200.
- Meunier D.* Le commerce de sel de Taodenni. Journal des Africanistes. 1980. Vol. 50 (2). P. 133–144.
- Roitman J.* Fiscal Disobedience: An Anthropology of Economic Regulation in Central Africa. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Rossi B.* Kinetocracy: The Government of Mobility at the Desert's Edge // Mobility Makes States: Migration and Power in Africa / Eds. D. Vigneswaran, J. Quirk. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 149-168.
- Vikør K. S.* The Desert-Side Salt Trade of Kawar // African Economic History. 1982. n° 11. P. 115–144.
- Zucarelli F.* De la chefferie traditionnelle au canton: évolution du canton colonial au Sénégal, 1855–1960 // Cahiers d'études africaines. 1973. n° 50. P. 213–238.

Research Article

Brachet, J., Scheele, J. The Political Economy of Natron in Borkou (Chad) [Politekonomiia natrona v regione Borku (Respublika Chad)]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 62-77 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/62-77>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Julien Brachet | Institut de recherche pour le développement (IRD), Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 12 Pl. du Panthéon, 75231 Paris, France | julien.brachet@ird.fr |

Judith Scheele | <https://orcid.org/0000-0001-7224-7668> | judith.scheele@ehess.fr | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France

Keywords

Chad, Bourkou-Ennedi-Tibesti, Faya-Largeau, natron, Chadian state, Anakaza, Kamaya, traditional chief, taxes

Abstract

Natron is mined by hand in open-air mines throughout the Chadian Sahara. In the main mine in Borkou, it is taxed by a local “traditional chief” as well as by a government representative. The way this fiscal arrangement came about historically shows how “traditional chiefs” and “the state” need each other in order to claim a particular and particularly restricted kind of sovereignty in the region. This is true of the Chadian state more generally, marked by a doubling up of “official” and “traditional” administrative hierarchies, and a close but rarely simple articulation of the local and the national level.

References

- Agamben, G. 1997. *Homo sacer. Le pouvoir souverain et la vie nue* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Paris: Seuil.
- Bodoumi, A. S. 2010. *Tchad: 1960-1982. La victoire des révoltés. Témoignage d'un "enfant soldat"* [The victory of the rebels. Testimony of a “child soldier”], N’Djaména: Centre al-Mouna.
- Brachet, J. 2016. Policing the Desert: The IOM in Libya Beyond War and Peace. *Antipode*, 48(2): 272–292.
- Brachet, J. 2017. Entre saline et mesure. Note sur la vie quotidienne des migrants étrangers dans l’oasis de Bilma (Niger) [Between saline and hovel. Note on the daily life of foreign migrants in the oasis of Bilma (Niger)], *Outre-Terre*, 53: 114–127.
- Brachet, J., Scheele, J. 2016. A “Despicable Shambles”: Labour, Property and Status in Faya-Largeau, Northern Chad, *Africa*, 86(1): 122–141.
- Brachet, J., Scheele, J. 2015a. Les années écroulées. Vestiges, développement et autonomie à Faya-Largeau [Years Fallen Apart. Ruins, Development and Autonomy in Faya-Largeau, Chad]. *L’Homme*, 215–216: 279–305.
- Brachet, J., Scheele, J. 2015b. L’envers du tourisme au Sahara tchadien. Entre jeu politique national et indifférences locales [Tourism in the Chadian Sahara. National Politics and Local Indifference]. *Cahiers d’études africaines*, 217: 107–131.
- Brachet, J., Scheele, J. 2015c. Fleeting Glory in a Wasteland: Wealth, Politics, and Autonomy in Northern Chad. *Comparative Studies in Society and History*, 57(3): 723–752.
- Brandily, M. 1984. Le Tchad face nord 1978-1979 [Chad north face 1978-1979], *Politique africaine*, 16: 45–65.
- Bräutigam, D. 2002. Building Leviathan: Revenue, State Capacity, and Governance. *IDS Bulletin*, 33(3): 1–17.

- Buijtenhuijs, R. 1978. *Le Frolinat et les révoltes populaires du Tchad (1965-1976)* [The Frolinat and Popular Revolts in Chad (1965-1976)]. Paris: Mouton.
- Buijtenhuijs, R. 1987. *Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad (1977-1984)*. [The Frolinat and Civil Wars in Chad (1977-1984)] Paris: Karthala.
- Capot-Rey, R. 1963. Le nomadisme des Toubous [The nomadism of the Toubous]. Bataillon C. (dir.). *Nomades et nomadisme au Sahara*. Paris: Unesco.
- Chapelle, J. 1957. *Nomades noirs du Sahara* [Black Nomads of the Sahara]. Paris: Plon.
- Clauzel, J. 1960. *L'exploitation des salines de Taoudeni* [Exploitation of the Taoudeni Saltworks], Alger: Institut de recherches sahariennes.
- Crowder, M. 1964. Indirect Rule: French and British Style, *Africa*, 34 (3): 197–205.
- Dahou, T. 2015. Les marges transnationales et locales de l'État algérien [The Transnational and Local Margins of the Algerian State]. *Politique africaine*, 137: 7–25.
- Das, V., Poole, D. 2004. State and Its Margins. Comparative Ethnographies, in Das V. and D. Poole (ed.), *Anthropology in the Margins of the State*. Santa Fe/Oxford: SAR Press, 3–33.
- Debos, M. 2013. *Le métier des armes au Tchad. Le gouvernement de l'entre-guerres* [The profession of arms in Chad. The interwar government]. Paris: Karthala.
- Dognin, R. 2014. Le jeu de Loi [The Law Game]. *Cahiers d'études africaines*, 215: 585–622.
- Dresch, P. 2006. *The Rules of Barat. Tribal Documents from Yemen*, Sana'a: Centre français d'archéologie et de sciences sociales.
- Gast, M. 1994. Cuir et peaux [Leathers and Skins], *Encyclopédie berbère*, 14: 2149–2151.
- Gillet, H. 1988. La faim de sel [Hunger for salt]. *Journal d'agriculture traditionnelle et de botanique appliquée*, 35: 111–120.
- Goodfellow, T., Owen, O. 2018. Taxation, Property Rights and the Social Contract in Lagos. *ICTD Working Paper*, 73.
- Le Rouvreur, A. 1962. *Sahariens et Sahéliens du Tchad* [Saharans and Sahelians in Chad]. Paris: Berger-Levrault.
- Levi, M. 1989. *Of Rule and Revenue*. Berkeley: University of California Press.
- Lund, C. 2006. Rule and Rupture: State Formation through the Production of Property and Citizenship, *Development and Change*, 47(6): 1199–1228.
- McDougall, E. A. 2017. Colonial Labor, Tawdenni and “L'enfer du sel”: The Struggle from Slave to Free Labor in a Saharan Salt Mine. *Labor History*, 58(2): 185–200.
- Meunier, D. 1980. Le commerce de sel de Taodenni [The Salt Trade in Taodenni]. *Journal des Africanistes*, 50(2): 133–144.
- Roitman, J. 2005. *Fiscal Disobedience: An Anthropology of Economic Regulation in Central Africa*. Princeton: Princeton University Press.
- Rossi, B. 2015. Kinetocracy: The Government of Mobility at the Desert's Edge, in D. Vigneswaran et J. Quirk (dir.), *Mobility Makes States: Migration and Power in Africa*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 149-168.
- Vikør, K. S. 1982. The Desert-Side Salt Trade of Kawar. *African Economic History*, 11: 115–144.
- Zucarelli, F. 1973. De la chefferie traditionnelle au canton: évolution du canton colonial au Sénégal, 1855–1960 [From the Traditional Chiefdom to the Canton: Evolution of the Colonial Canton in Senegal, 1855–1960]. *Cahiers d'études africaines*, 50: 213–238.

© М. Бланшар

ЕВРОПЕЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО, ИТАЛЬЯНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ МИФ “ВОЗВРАЩЕНИЯ”: АРГЕНТИНЦЫ И ЧИЛИЙЦЫ – ПОТОМКИ ИТАЛЬЯНСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Ключевые слова: возвратная миграция, национальная принадлежность, европейское гражданство, Чили, Аргентина, Италия

На основе этнографического исследования в итальянской провинции Трентино автор анализирует, что означает европейское гражданство для аргентинцев и чилийцев итальянского происхождения, эмигрирующих в Италию – то есть в Европу – благодаря наличию у них итальянского гражданства, унаследованного от предков. Рассматриваются практики и представления, связанные с двойной национальной принадлежностью, а также различные уровни коллективного членства, возникающие в эмиграции. Автор демонстрирует, каким образом обладание европейским гражданством способствует возобновлению эмиграции из Италии, в которую оказываются вовлечены и потомки итальянцев из Латинской Америки. Эта мобильность ведет к пересмотру европейской миграционной политики, смещая ее фокус с закрытия границ на “избирательную иммиграцию”. Таким образом, в статье поднимается вопрос о постоянном переопределении границ между “своими” и “чужими” в Европе.

Несколько миллионов европейских граждан живут сегодня на американском континенте. Наиболее многочисленны среди них итальянцы по национальности. По состоянию на 31 декабря 2018 г., согласно Регистру итальянцев, проживающих за рубежом (AIRE), в обеих Америках их было 2 млн 123 тыс. 680 чел., в том числе 842 тыс. 615 чел. в одной только Аргентине – первой зарубежной стране по числу живущих в ней итальянцев. В Чили на тот же момент их было всего 59 тыс. 915 чел. (Ministero dell’Interno 2019). К этим цифрам следует добавить потомков итальянцев, не получивших гражданство Италии, а также не предоставивших сведения о себе для внесения в регистр (это делается добровольно). Граждане Италии, живущие за рубежом, автоматически являются гражданами Евросоюза и пользуются теми же правами, что и граждане

Мелисса Бланшар | <https://orcid.org/0000-0002-8061-3629> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | melissa.blanchard@univ-amu.fr

Статья впервые опубликована в журнале “Ethnologie française”, 2020, L (3): 545–558. На русском языке публикуется с согласия автора и редакции журнала.

Для цитирования: М. Бланшар. Европейское гражданство, итальянская национальность и официальный миф “возвращения”: аргентинцы и чилийцы – потомки итальянских эмигрантов. // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 78-96. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/78-96>.

других европейских стран. Но что означает итальянское и европейское гражданство для итальянцев, родившихся в Аргентине или Чили?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрим случай чилийских и аргентинских граждан, получивших итальянское гражданство в соответствии с принципом права крови, въехавших в Италию и поселившихся в регионе Трентино. Юридически этот регион – Автономная провинция Тренто, обладающая существенной законодательной и финансовой независимостью. В 2019 г. его населяли 541 тыс. 98 чел. (ISPAT 2019), и несколько десятков тысяч выходцев из Трентино жили за рубежом. Действительно, как и многие другие регионы Италии и альпийской зоны (Viazzo 1998), в XVIII и XIX вв. Трентино столкнулся с массовой эмиграцией, что привело к депопуляции долин и селений (Groselli 2000). В поисках лучшего будущего эмигранты отправлялись как в европейские страны, так и за океан – от Канады до Латинской Америки. Председатель финансируемой регионом организации, занимающейся эмигрантами из Трентино, утверждает: “По оценкам, в мире сейчас живет около миллиона трентинцев: вдвое больше нынешнего населения региона. Большая их часть живет в Латинской Америке – Бразилии, Аргентине, Чили, Парагвае. Там сегодня есть трентинцы в пятом, шестом поколениях”.

С 1980-х гг. экономика Трентино начала интенсивно развиваться благодаря индустрии туризма, и постепенно регион стал очень привлекательным как для внутренней, так и для международной миграции. В этот же период возвращение эмигрантов, и прежде бывшее заметным в миграционной системе провинции (Blanchard 2017), начинает учащаться. Это “обратное” движение продолжается с 1990-х гг. до настоящего времени. В юридических документах бывшие эмигранты и их потомки называются возвращенцами, и провинция оказывает им финансовую помощь в обустройстве при условии наличия у них итальянского национального паспорта. Получить его – не проблема, поскольку, согласно национальному закону о гражданстве, основанному на праве крови (*jus sanguinis*), потомки эмигрантов в любом поколении, рожденные за границей, могут стать гражданами при условии, что их прямой предок покинул Италию после ее объединения в 1871 г.

С момента принятия в 1980-х гг. этих установлений несколько десятков тысяч человек “вернулись” в Трентино из Латинской Америки. Что это за люди – иностранные граждане, которые, говоря административным языком, “возвращаются” в Италию и, следовательно, в Европу и пользуются здесь всеми правами граждан ЕС? Правомерно ли говорить о “возвращении” применительно к гражданам латиноамериканских государств, оказавшимся в них в результате “великой эмиграции”, затронувшей Старый свет в прошлом и позапрошлом веке, и впервые становящимся европейскими гражданами?

На этот вопрос я попытаюсь ответить, основываясь на этнографическом исследовании в Трентино, проходившем в два этапа: первый – между 2010 и 2012 гг., второй – в 2019 г. В процессе исследования я собирала жизненные истории и наблюдала за повседневной жизнью трех десятков потомков эмигрантов, прибывших из Аргентины и Чили. В центре моего анализа в настоящей статье будут четверо внуков эмигрантов в возрасте от 20 до 40 лет и трое детей эмигрантов в возрасте около 50 лет. Сначала я покажу, что означает быть итальянцем и европейцем для аргентинских и чилийских потомков эмигрантов, временно или надолго поселяющихся в Италии. Затем я рассмотрю опыт “возвращения” этих “новых мигрантов” в Трентино, где они сталкиваются с конструированием новых символических границ. Наконец, я более детально проанализирую соотношение между итальянской национальностью, европейским гражданством и чувством коллективной принадлежности, что позволит поставить под сомнение понятие “возвращение”, употребляемое в административном дискурсе.

Что значит “быть итальянцем” для уроженца Латинской Америки?

Утилитарное понимание: паспорт “на выбор”. Отвечая на вопрос о том, что означает для них итальянское гражданство, потомки эмигрантов в первую очередь говорят о тех правах и преимуществах, которые оно предоставляет чилийским и аргентинским гражданам, имеющим право претендовать на него. Марио, внук эмигрантов, объясняет:

У меня никогда не было каких-то особых связей с Италией. Я получил свой диплом кинезиотерапевта и хотел уехать из Чили. Думая о будущем, я сказал себе, что могу получить итальянский паспорт, а это позволит без проблем въехать в Евросоюз и, возможно, получить высшее образование в Италии. Наконец, с итальянским паспортом я могу жить здесь, не получая вид на жительство, и иметь много других преимуществ. Я решил, что нужно воспользоваться этим.

Свобода передвижения – возможно, главная привилегия, которую дает итальянский паспорт. Но его наличие является также основным условием доступа к программам помощи при возвращении в страну. Каролина, внучка эмигрантов, рассказывает:

Я аргентинка из Буэнос-Айреса. Приехала сюда после кризиса и дефолта 2001 г. . В то время провинция Трентино разработала план возвращения для детей эмигрантов или семей местных уроженцев, живущих за рубежом. Ну вот, была эта программа финансовой помощи, а я как раз только что окончила магистратуру и жила с парнем – он тоже из Трентино. У нас не было работы, ничего не было, ну мы и решили – поедем! У нас уже было гражданство, потому что родители вписали нас в AIRE при рождении.

Итальянское гражданство связывают также с возможностью получения высшего образования. Хорхе и Марио, внуки эмигрантов, приехали в Италию из Чили в 2016 г. благодаря стипендиям, которые провинция выплачивает студентам – потомкам эмигрантов. Эти стипендии, предоставляемые при наличии гражданства, дают возможность не только въехать в Европу с паспортом, позволяющим свободно перемещаться в границах Шенгенской зоны, но и продолжить учебу в Италии, чья образовательная система состоит из государственных университетов, в отличие от таковой в Чили или Аргентине, где преобладают частные или государственно-частные университеты. В результате получение докторского диплома в государственном университете Сантьяго в Чили может стоить до 26 тыс. евро при средней зарплате в стране 760 евро. Наличие стипендий может оказаться решающим аргументом для получения высшего образования. Хорхе рассказывает:

Мне сказали, что есть стипендии от провинции для потомков эмигрантов. (...) Я всегда хотел уехать из Чили. И именно в этот момент я подал прошение о втором гражданстве (...). Для меня это гражданство означает свободу, свободу передвижения (...). К тому же я записался в Университет Трентино как итальянец, а не как чилиец, понимаешь? Везде преимущества (...). Как гражданин ты получаешь эти преимущества по крови.

Наличие итальянского паспорта дает также возможность пользоваться качественной медицинской помощью, которую предоставляет национальная система здравоохранения. Это весомое преимущество, тем более – в случае тяжелых заболеваний, особенно в сравнении с ситуацией в Аргентине и Чили. В этих странах национальные системы здравоохранения испытывают большие трудности, и у граждан часто не другого выхода, чем обращаться за частной медицинской помощью, цены на которую обычно непомерно велики, как поясняет аргентинка Клаудиа, дочь эмигрантов:

Мы приехали из-за болезни моего мужа. Как родившийся в Трентино он имел здесь право на трансплантацию, и поэтому мы приехали. Поэтому же мы не можем вернуться,

из-за лечения, которое он здесь получает. Там у нас здравоохранение устроено примерно как в США, оно работает с частными страховыми компаниями. И кто, скажите, согласится страховать главу семьи, перенесшего трансплантацию? Никто.

Для молодого поколения – внуков эмигрантов – первой среди всех возможностей, которую открывает итальянское гражданство, является свобода передвижения внутри Шенгенской зоны. Именно молодежь больше всех пользуется этой свободой. Получение образования, доступ к медицинскому обслуживанию и на рынок труда также являются очень важными мотивациями для получения и использования итальянского паспорта. Для семей со скромными доходами – таких, которые я опрашивала, – эти возможности иногда оказываются жизненно необходимыми. Таким образом, в выдержках из интервью итальянская национальная принадлежность сводится к материальному измерению: ее символизирует прежде всего итальянский паспорт, который его обладатели – люди с двойным гражданством – могут использовать “по выбору”, чтобы увеличить свои шансы и/или произвести судьбоносные изменения в жизни.

Несколько недавних работ рассматривают получение второго гражданства как стратегию, в частности, когда речь идет о гражданах “третьих” стран (*Harpaz, Mateos 2019; Lamarche 2019*). Для них получение европейского паспорта равнозначно доступу к самым разнообразным вариантам территориальной и социальной мобильности (*Leuchter 2014*). Исследование отношения к натурализации в странах ЕС наглядно демонстрирует это. В работе, посвященной иммигрантам в Испании, Нидерландах и Великобритании до ее выхода из ЕС, установлена тесная связь между подачей заявления на прием в гражданство и стремлением получить гарантируемую им свободу передвижения (*Yanasmayan 2019*). Другие исследования показывают, что выходцы из европейских стран, постоянно проживающие в другой европейской стране, не проявляют интереса к натурализации (*Helgert, Bevelander 2017*). Это, похоже, подтверждает тезис о том, что европейское гражданство, напрямую увязываемое со свободой передвижения и не влияющее на идентичность, снижает ценность гражданства национального, делает его более легковесным (*Joppke 2010, Graeber 2016*).

Такое же ощущение создается при анализе приведенных выше отрывков из интервью. Легковесное, неглубокое отношение к национальному гражданству в нашем случае зависит еще и от того, что получить итальянский паспорт потомкам эмигрантов достаточно просто. От них, в отличие от иностранцев, живущих в Италии и желающих натурализоваться, не требуется знания языка или культуры страны. “Мы знали, что сможем подтвердить свое итальянское происхождение, что это очень легко: ты идешь в консульство со свидетельством о рождении деда, платишь определенную сумму – и получаешь паспорт”, – вспоминает Марио.

Итальянское гражданство: источник возможностей, лишенный эмоциональной составляющей? Наши интервью показывают, что получение итальянского паспорта вписывается в инструментальную логику и, на первый взгляд, не несет эмоциональной нагрузки. Речь идет, скорее, об улучшении своих жизненных условий с помощью доступа к социальным благам, а то и просто о выживании – в случае доступа к медицинской помощи. Мобильность, которую дает итальянский паспорт, не только территориальная, но и социальная, поскольку у его обладателя появляются возможности получить образование или найти более привлекательную и лучше оплачиваемую работу в другой шенгенской стране. Права, связанные с обладанием итальянским гражданством, в социально-экономическом контексте Чили и Аргентины являются важным элементом социальной дифференциации: другие граждане этих стран, не имеющие двойного гражданства, оказываются в менее выигрышной ситуации.

Такой утилитарный подход к итальянскому гражданству выхолащивает эмоциональную составляющую, которую мы привыкли ассоциировать с национальностью. Однако это не уникальный случай. Об этом свидетельствуют многие работы, вписывающиеся в традицию изучения “гибкого гражданства”, начатую Айвой Онг (*Ong* 1999). Наличие второго гражданства может быть жизненно важным ресурсом в периоды кризиса или конфликта (*Radi* 1998; *Bontemps* 2012) и стратегическим ресурсом в профессиональной карьере (*Balta, Altan-Olcay* 2015; *Lamarche* 2019). Появившийся позже концепт “компенсирующего гражданства” показывает, как второе гражданство может вписываться в стратегию восходящей мобильности на более глобальном уровне (*Harpaz* 2018, 2019). Эти исследования указывают на то, что интенсивность связи между национальностью как юридическим статусом и как чувством эмоциональной привязанности существенно варьирует (*Yanasmayan* 2015).

Наши полевые данные подтверждают это и тем самым ставят под сомнение наличие преемственности между романтическим национализмом, на котором основываются законы о гражданстве многих европейских стран, включая Италию, и собственно гражданством. Массовая эмиграция итальянцев в XX в. сыграла ключевую роль в выборе юридических решений в ходе общих реформ национального законодательства о гражданстве (1912 и 1992 гг.). Сохранение чувства коллективной принадлежности к Италии (*italianità* – ит.) с помощью адекватного закона о гражданстве было одной из основных задач реформы 1912 г. (*Actes du parlement italien* 1912). В понимании политического класса той эпохи это было чрезвычайно важным условием, чтобы не “потерять” массу итальянцев, уезжавших в Южную Америку, в которых государство видело не только источник дохода (благодаря денежным переводам), но и важный электоральный ресурс (*Tintori* 2011). Вторая (и последняя) реформа, в 1992 г., ввела принцип двойного гражданства, усилив тем самым принцип постоянства итальянского гражданства и упростив его приобретение потомками эмигрантов (*Pastore* 2004). Эта реформа отвечала на запрос итальянской общины за рубежом на сохранение юридической, культурной и аффективной связи с Италией через гражданство.

Ныне действующий итальянский закон о гражданстве считается одним из самых дружественных в Европе по отношению потомкам эмигрантов (*Joppke* 2005; *Tsuda* 2010) и основывается на межпоколенной передаче гражданства благодаря принципу *jus sanguinis*, не ограниченному пространственными или временными рамками. Мы отметили противоречие между духом этого закона и результатом его применения, выражающееся в утилитарном подходе к национальному гражданству “латиноамериканских итальянцев”. А что же с европейским гражданством, “прилагающимся” к итальянскому паспорту?

Европейское гражданство: расширение возможностей для молодого поколения

Похоже, представители молодого поколения – внуки эмигрантов – ценят европейское гражданство больше, чем их родители. Будучи более мобильными, молодые люди видят в нем инструмент для расширения своих профессиональных возможностей, рассматривая Европу как единый рынок труда. Наши респонденты также говорили о доступе к европейским правам и ресурсам, распределяемым европейскими экономическими институтами. Каролина, например, описывает те преимущества карьерного роста, которые открылись перед ней после переселения благодаря субвенциям Европейского социального фонда (ЕСФ). Профессиональное образование, которое она получила при финансовой поддержке ЕСФ, радикально изменило ее жизнь, улучшив социально-экономическое положение.

Когда я приехала, я столкнулась с серьезными трудностями при поиске работы. Прежде всего нужно было выучить язык, кроме того, мой магистерский диплом в сфере коммуникаций не был признан. Поэтому поначалу приходилось браться за любую работу, чтобы обеспечить себе пропитание. Через два года я поступила на годовые курсы веб-дизайнеров и программистов при ЕСФ. В программу курса входили 300 часов стажировки, которую я проходила в той компании, где теперь работаю – в одном из коммуникационных агентств. В общем, я там осталась, а потом вышла замуж за директора компании и теперь работаю на руководящей должности.

Европейский паспорт позволяет молодым иммигрантам увереннее смотреть в будущее. Марио рассуждает так:

Если будет работа – я останусь здесь, в Трентино, а если появится хороший вариант в другой стране – уеду в другую страну. Но я не хочу возвращаться в Чили, я всегда хотел уехать оттуда. Я хочу продолжать учиться здесь, может быть, писать диссертацию в другой стране, заниматься наукой в другой стране. Я говорю по-испански и учился по программе “Эразмус” в Испании. Через десять-двадцать лет я, может быть, буду жить не в Трентино, но в Евросоюзе – это точно.

Таким образом, Евросоюз рассматривается как легкодоступное пространство, вход в которое открывает унаследованный по рождению паспорт, освобождая его владельца от трудностей и ограничений, связанных со стандартной для других мигрантов процедурой получения вида на жительство. Последним для въезда в ЕС нужна студенческая виза (альтернативой может быть воссоединение с семьей), а после въезда приходится преодолевать множество препятствий, чтобы найти работу, дающую право на получение вида на жительство по профессиональным мотивам. Рассказывает Хорхе:

Я всегда хотел уехать из Чили для продолжения учебы, но при этом думал потом вернуться домой. Теперь я в этом уже не уверен. Я могу поселиться в Италии или в любой стране Европы с моим паспортом, так что... я в выигрышном положении по сравнению с другими чилийцами, потому что мне не нужна виза. Я общаюсь с другими латиноамериканцами, их тут много, и они даже больше трентинцы, чем я, некоторые и вовсе родились здесь, но у них нет итальянского паспорта, им здесь действительно тяжело!

В речах молодых чилийцев и аргентинцев европейское гражданство, как и итальянское, выглядит скорее прагматическим приобретением, чем горизонтом идентичности. Еще раз повторю, что оно связано в первую очередь с набором возможностей и прав его обладателя, среди которых для молодых выходцев из третьих стран важнейшим является право свободы передвижения. Анализ жизненного пути внуков эмигрантов выявляет их интенсивную профессиональную мобильность внутри Шенгенской зоны, близкую к мобильности молодых итальянцев – уроженцев Италии. Европа привлекательна не только для молодых латиноамериканцев с итальянскими паспортами, но и для молодого поколения самой Италии, вовлеченного с начала 2000-х гг. в новую эмиграционную волну в направлении стран Северной Европы (*Gjergji 2015; Lafleur, Stanek 2017*). Отличие этой новой эмиграции от итальянской эмиграции XIX в. состоит как в центральном месте, которое в ней занимают студенты и молодые выпускники университетов, так и в их мотивации (*Dubucs et al. 2017*). Она чаще коренится в экзистенциальной потребности в признании и социальном продвижении, нежели в отсутствии работы как таковой – у многих новых эмигрантов в Италии была работа. Молодежь выталкивает из страны сама поколенная структура геронтократического итальянского общества, неспособного к обновлению и систематически маргинализирующего молодых. В результате последние хронически отстают в получении стабильной работы, отдельного

жилья, обретении финансовой независимости, обзаведении детьми и т.п. (Sgritta 2002). Уезжающие ощущают себя “потерянным поколением” (Dubucs et al. 2016). Молодым потомкам эмигрантов также не чуждо это чувство, поскольку они оказываются в Италии перед лицом тех же проблем, что и их ровесники – местные уроженцы. К структурным проблемам итальянского общества добавляются результаты европейской интеграции: интернационализация университетских программ, легкость перемещений между странами благодаря таким механизмам, как программа “Эразмус”, способствуют росту внутриевропейской мобильности итальянской молодежи, будь то местные уроженцы или недавние мигранты с итальянскими паспортами. Действительно, последние также охотно и успешно используют европейские механизмы в сфере профессиональной подготовки (ЕСФ, как Каролина) или студенческой мобильности (“Эразмус”, как Марио). Жизненные планы потомков эмигрантов, осуществляющиеся благодаря европейскому гражданству, вписываются таким образом в расширение географического горизонта на всю Европу и, возможно, за ее пределы, поскольку возвращение в Латинскую Америку тоже никогда полностью не исключается. Появляется новое поколение европейцев, укорененных не только в “старом”, но и в “новом” свете, а также наследующее великой европейской эмиграции минувших веков. Следовательно, встречное миграционное движение – въезд в страну детей и внуков эмигрантов, накладывающийся на выезд из нее местной молодежи, только кажется парадоксом. В действительности въезд в Италию может оказаться лишь первым этапом на пути к европейской мобильности.

Эти замечания, с одной стороны, укрепляют нас во мнении об инструментальном характере итальянского и европейского гражданства. С другой стороны, они побуждают расширить географический охват и историческую глубину анализа итальянской миграционной системы. Если рассматривать, как мы это предлагаем, Южную Америку как источник дальнейшей миграции из Италии, то вырисовывается всеобъемлющая и сложная картина современных миграционных процессов, в рамках которой существуют связи не только между Италией и другими странами Шенгенской зоны, но и между несколькими странами латинской Америки (Аргентиной, Чили, а также Бразилией, Парагваем, Уругваем, каждая из которых представляет собой возможный миграционный резервуар) и Евросоюзом. В этой мозаике мобильности Италия – лишь один из фрагментов, а европейское гражданство – важнейший инструмент. Из этого понятно, что паспорт Евросоюза – это Святой Грааль для молодого поколения латиноамериканцев, их волшебный пропуск в будущее, где мобильность является ключом не только к успеху, но и к персональной реализации, о чем свидетельствуют рассказы многих молодых чилийцев о желании “уехать из страны”.

Напротив, как объясняет Хорхе, для не-граждан ЕС, включая родившихся в Италии, но не имеющих итальянского паспорта, европейское гражданство превращается в еще одну дополнительную границу, границу нового типа, отделяющую не только итальянцев от неитальянцев, но и европейцев от неевропейцев (Yanasmayan 2009), живущих в стране десятилетиями, а то и с рождения, но не пользующихся, в отличие от мигрантов-европейцев, правом свободы передвижения.

Официальный миф возвращения на местном уровне: символическая граница между местными жителями и потомками эмигрантов в Трентино

Владение европейским паспортом может быть, впрочем, не только административной границей между теми, кто может и не может свободно перемещаться по Европе, но и символической, существующей на местном уровне и разделяющей между собой обладателей итальянско-

го паспорта в зависимости от места рождения. Эта граница ограничивает доступ не к правам, а к социальному взаимодействию. Наши интервью показывают, что “возвращение”, о котором говорят законы, – выражение, не имеющее смысла для детей и внуков эмигрантов. Если принимать во внимание то, что говорят простые люди, следует, на мой взгляд, отказаться от этого понятия применительно к данной категории мигрантов, сместив фокус на юридический режим преференций, который на них распространяется и который имеет реальную ценность в их глазах. Это позволит нам отделить то, что относится к миграционному опыту от того, что имеет отношение к чувству коллективной принадлежности. В действительности потомки эмигрантов не “возвращаются” на родину, а переезжают в страну, гражданство которой унаследовали от своих предков.

Полевые наблюдения убедили меня в том, что “возвращение” потомков эмигрантов – скорее миф, сконструированный административным и политическим дискурсом, чем реальность. С одной стороны, безусловно, законодательство отвечает на запрос эмигрантов на право на возвращение в родную страну или регион. С другой – оно выражает политическую волю заселить регион Трентино, переживший массовую депопуляцию в результате великой эмиграции и катастрофических последствий двух мировых войн, подданными, “этнически близкими” местному населению. Региональный закон о “возвращении” и национальный закон о гражданстве совместно действуют в этом направлении. Согласно последнему закону, родившиеся в Италии дети иммигрантов не становятся автоматически итальянцами. Они могут получить гражданство по достижении совершеннолетия, подав прошение и пройдя необходимую процедуру. В то же время, как мы видели, за границей итальянское гражданство передается безо всяких ограничений. Такое законодательство свидетельствует об этнически избирательной миграционной политике (*Joppke 2005*), или о позитивной дискриминации. Вводя принципиальное различие между правом на въезд и правом на возвращение в Европу, эти законы порождают неравенство в режимах мобильности (*Glick Schiller et Salazar 2013*), ставя свободу передвижения (или ее отсутствие) в зависимость от происхождения семьи, которое становится новой разграничительной линией (*Fassin 2002*). Действительно, сегодня, когда в различных европейских странах распространен политический дискурс об опасности иммиграции и “этнического многообразия” (*Clarke 2009*), установление связи между возможностью или невозможностью пересекать границы ЕС и наличием паспорта одного из государств – членов Союза отражает отношение этой организации к различиям и инаковости (*Petric, Gossiaux 2009*). Но помимо официального уровня важно изучить, как представления о границах, в том числе европейских, отражаются в реальной жизни. Ведь границы – конструкции не только физические, но и символические, выражение как политического суверенитета, так и коллективной идентичности (*Barth 1969; Amselle 1990; Wilson, Donnan 1999*). Аргентинцы и чилийцы с итальянскими паспортами не встречаются никаких административных препятствий при въезде в Евросоюз. Однако стоит им поселиться в Трентино, как они сталкиваются с локальными социальными границами, отделяющими местных жителей от чужих, других. Стефано, сын эмигрантов из Буэнос-Айреса, объясняет:

Мы приехали в Трентино из-за экономической нестабильности, царящей в Аргентине. Но даже с итальянским паспортом ты никогда не станешь здесь своим. Потому что дело в конечном счете не в земле, национальном гимне или языке, а в местном шовинизме. Это значит, что ты считаешься здешним, только если здесь жили твои деды и прадеды.

Рассказывает Романа, дочь иммигрантов, приехавшая в Трентино из Чили в 1974 г. десятилетней девочкой:

Реинтегрироваться в Валь ди Соле не удалось, потому что в то время (...) Валь ди Соле была очень закрытой, и на нас смотрели, как на инопланетян. И это при том, что мы были стопроцентными трентинцами, а наполовину даже выходцами из самого Валь ди Соле, потому что мой отец был родом отсюда, из Димаро (...). Здесь просто ужас! Страшный шовинизм. Страшный! Если ты из Димаро, тебя не спутают с жителями соседней деревни! Это просто потрясает.

Приведенные выдержки из интервью свидетельствуют о том, что наличие “корней” в Трентино, официально дающее право на возвращение и на итальянское гражданство, не выдерживает испытания миграцией. Местное сельское население не признает его в качестве элемента, на котором может основываться общая идентичность или межличностные связи. Точно так же итальянский паспорт вкупе с европейским гражданством служат только для административной идентификации и не гарантируют интеграции в различные местные сообщества. Мои респонденты чувствуют себя исключенными из повседневных взаимодействий, им постоянно напоминают, что они другие. В регионе, где долина или деревня, где человек родился, определяет, является ли он “своим”, дети и внуки эмигрантов часто считаются чужими. Поэтому они не участвуют в обыденных совместных практиках, таких как разговоры в кафе или приходская жизнь. Их называют, как в городе, так и в деревнях, “чилийцами” или “аргентинцами”, поскольку они родились за океаном, даже если по документам они – итальянцы и европейцы.

Эта форма исключения ранит. Даже если у потомков эмигрантов “слабая” концепция итальянского и европейского гражданства, лишенная эмоционального наполнения, иначе обстоит дело с чувством региональной идентичности. С одной стороны, многие среди опрошенных эмоционально привязаны к региональной культуре своих отцов и дедов. С другой стороны, их удивляет, что получаемая ими материальная помощь от региона, открыто аргументируемая риторикой “возвращения в Трентино”, не подкрепляется социальной интеграцией. Марио вспоминает:

Когда я приехал в Трентино, с той культурой, которая у меня была, я почувствовал себя чужаком, почувствовал, что мы не во всем похожи (...). У меня так и не завязалось прочных связей с кем-то из местных, они меня всегда избегали. Провинция дает тебе стипендию в качестве бонуса, но в конечном счете она не интегрирует тебя.

Потомки эмигрантов, с которыми я встречалась в Трентино, конечно, не ехали в Италию с мыслью о воссоединении с “этнической общностью”, как это бывает в иных случаях (в том числе в Европе), описанных в ряде работ (*Brubaker 1998; Markowitz, Stefansson 2004; Fox 2007*). Тем не менее, позитивные представления о земле предков и официальная риторика “возвращения” нередко давали им надежду на полную социальную интеграцию. Реальность оказалась совсем иной: по приезде в Трентино они столкнулись с глубоким отчуждением, порожденным, с одной стороны, дистанцированием от них местных жителей, а с другой – различиями в культуре общения между странами, где они родились, и Трентино. Опыт эмиграции на землю предков становится для них, таким образом, мощным усилителем чувства принадлежности к собственной родине – Аргентине или Чили, вопреки наличию итальянского паспорта.

Итальянская национальная принадлежность, европейское гражданство и коллективная идентичность

Наложение региональной европейской идентичности и латиноамериканской национальной принадлежности. Итальянская национальная принадлежность и связанное с ней европейское гражданство, дающие многочисленные преимущества, в интервью выглядят ото-

рванными от чувства коллективной идентичности. Европа и Италия упоминаются как пространства воображаемых истоков, относящиеся ко времени до эмиграции как основополагающего акта семейной истории, пространства столь же неопределенные, сколь объединяющие. Чувство принадлежности, напротив, связано с родной страной и, во вторую очередь, с родным регионом предков – Трентино. Напомню, что регион Трентино, площадью 6 тыс. 207 кв. км, занимающий несколько альпийских долин, получил юридический статус автономной провинции благодаря особенностям его истории и населения. Он был присоединен к Итальянскому королевству лишь в 1919 г., а до того был частью многоязычного “Исторического Тироля”, находившегося под властью Габсбургов. В Автономной провинции Тренто говорят по-итальянски, но в ней официально признаны три языковых меньшинства: ладины, кимбры и мокены. Периферийная территория, располагавшаяся прежде на южной границе Австро-Венгерской империи, а затем на северной границе Итальянского королевства, всегда была землей мобильности. Возможно, предки некоторых бенефициаров программы “возвращения” покинули Трентино еще до того, как регион был присоединен к Италии, и получили итальянский паспорт, уже находясь в Латинской Америке. Это объясняет, почему в некоторых эмигрантских семьях региональная идентичность превалирует над итальянской национальной. Рассказ Клаудии иллюстрирует важность поддержания региональной культуры в эмиграции – феномен, о котором неоднократно писали (Harney 1998). Расстояние действует одновременно как увеличительное стекло и как цемент, превращая “культуру предков” в набор застывших элементов. Региональные культуры могут в дальнейшем раствориться в национальной благодаря усилиям отдельных активистов, пропагандирующих культ гимна и флага. Тем не менее, “вернувшись” на родину предков, мигранты могут обнаружить, что культура, реконструированная и сохранявшаяся в эмиграции, не существует или больше не существует на месте:

Там, в Аргентине, и сегодня еще есть трентинский клуб, где встречаются земляки (ит. *compaesani*) – выходцы из одного региона или из одной деревни. Они отмечают все итальянские праздники и поддерживают традиции. Мы, девочки, в 15, 16 лет наряжались в национальный костюм. Во время праздников устраивали большие застолья, пели горские песни, и все такое – гимн, флаг... И вот мы приехали сюда, в Трентино, а тут этого ничего нет. И я говорю: так что же, это все осталось только у эмигрантов, так? У тех, кто уехал из страны, осталась... идентичность, которая в Италии утрачена, я думаю.

Хорхе также отмечает живучесть региональной культуры, рассказывая о землячествах в Ла Серена – городе среднего размера, расположенном в южной части Чили, где поселились сотни выходцев из Трентино, в частности, в ходе двух кампаний массовой колонизации сельскохозяйственных земель (Groselli 2011):

Сообщество трентинцев возникло в Ла Серена и начало отмечать некоторые праздники [...]. После, когда я приехал в Трентино, я понял, что мы делали то же самое, что принято здесь. В Ла Серена можно увидеть тех же дедушек с аккордеонами, люди готовят традиционную трентинскую колбасу *lunganega*, кислую капусту, поленту, устраивают застолья, поют, танцуют, старики говорят на диалекте [...] и все же я не считаю, что для меня приезд в Трентино – это “возвращение”. Трудно подобрать правильный термин, потому что в конечном итоге я все же чилиец. У меня два гражданства, и я идентифицирую себя с обоими, но я прежде всего чилиец и горжусь этим.

Таким образом, чувство принадлежности к родной стране накладывается на эмоциональную привязанность к региональной культуре отцов и дедов. Однако не во всех эмигрантских семьях одинаково бережно относятся к региональной культуре. Это отношение варьирует в зависимости от времени и места иммиграции, а также от наличия землячеств. Глория, дочь эми-

грантов, выросшая в бурлящей атмосфере большого мультикультурного аргентинского города на заре военной диктатуры (1976–1983), так рассуждает о своей идентичности:

В Аргентине более половины жителей – это дети и внуки эмигрантов. В Италии люди помнят, где родились их деды, в Аргентине же, наоборот, ты чувствуешь себя именно аргентинцем, даже если у тебя другая кровь. Я всегда говорю: я могла бы точно так же родиться здесь, в Трентино, ведь мои родители – трентинцы. Но, возможно, из-за того, что я жила в Аргентине в период диктатуры, манифестаций, протестов, я стала ощущать себя – и продолжаю это делать – аргентинкой.

Интервью свидетельствуют о нестыковке между национальной принадлежностью в юридическом смысле слова и субъективным чувством коллективной культурной принадлежности – как региональной, так и национальной. Они показывают также наличие разных географических уровней идентификации: регионального в Италии и национального – в Латинской Америке, хотя приверженность региональной культуре предков существенно варьирует в зависимости от особенностей личной и семейной истории.

Эти наблюдения противоречат риторике многих европейских стран, в том числе Италии, которые не делают различия между национальностью, идентичностью и гражданством (Clarke 2009), что абсолютно не соответствует “низовым” представлениям и практикам. Наше исследование показывает, что официальный процесс идентификации (Noiriel 2001), заключающийся во внешнем определении потомков эмигрантов как итальянцев и европейцев, не соответствует реальному ощущению ими своей групповой принадлежности.

Разные понимания групповой принадлежности: привязанность к родной земле, связь с наследием предков и “слабая” концепция гражданства. Выдержки из интервью дают представление о том, как по-разному в Европе и Латинской Америке относятся к идентичности или к своим “корням”. Это различие нашло свое отражение в основополагающем принципе права крови (*jus sanguinis*), принятом в Италии, и права почвы (*jus soli*) – в Аргентине и Чили. Сюзанна, внучка эмигрантов, достаточно ясно объясняет, что для нее чувство групповой принадлежности куда больше связано с местом рождения, чем с кровью предков:

Мы в семье – аргентинцы, итальянцами были бабушка и дедушка моего отца. [...]. Я очень привязана к моей земле, к Аргентине, и мои родители тоже. Это данность. Мой футбольный клуб – Ла-Бока, это тоже данность. Но это не значит, что я намертво привязана своими корнями и должна сидеть на одном месте. Я могу жить здесь или там – моя идентичность от этого не меняется.

Граждане латиноамериканских стран – потомки итальянских эмигрантов, имеющие двойное гражданство, существуют в двух юридических системах: с одной стороны, по праву почвы они имеют аргентинское или чилийское гражданство; с другой – по праву крови они наследуют гражданство Италии. Обычно считается, что *jus sanguinis* ведет к этнизации гражданства, устанавливая тесную связь между национальностью и предполагаемой культурой, которая якобы передается по родству (т.е. по крови) из поколения в поколение. В этой системе координат национальность родителей может передаваться детям за пределами национальной территории, в том числе в случаях, когда и сами родители родились вне той страны, национальность которой они передают по наследству. Напротив, *jus soli* якобы де-этнизует гражданство, включая в национальное сообщество также детей иммигрантов, которые по идее могут быть носителями “другой” культуры (Joppke 2003). Как бы то ни было, у чилийских и аргентинских граждан, с которыми я встречалась, чувство групповой принадлежности связано не с предполагаемой этничностью и кровью предков (т. наз. “итальянскостью”/ *italianità*, на которой основан дей-

ствующий закон о гражданстве), а с местом рождения, родной страной и ее культурой, с которыми ощущается сильная эмоциональная связь. Это объясняет, почему двойное гражданство, нарушающее исключительность связи индивида с государством, воспринимается как проблема политической наукой (*Faist 2007; Yanasmayan 2015*), но совсем не обязательно является проблемой для тех, кто живет с ним. Как показали наши интервью, для потомков итальянских эмигрантов характерно “сильное”, аффективно окрашенное гражданское чувство по отношению к Аргентине или Чили и “слабое”, почти лишенное эмоциональной составляющей отношение к унаследованному от предков гражданству Италии (*Tilly 1995*). То же можно сказать и о европейском гражданстве, в восприятии которого нашими респондентами прагматическая, утилитарная составляющая явно преобладает над чувственной, эмоциональной.

Судя по нашим интервью, на вопрос “существует ли европейское гражданство за пределами Европы?” можно ответить утвердительно при условии семантического сужения термина “гражданство”. Для потомков итальянских эмигрантов в Аргентине и Чили оно имеет юридический смысл, наделяя их общими для всех европейцев правами, однако не имеет значения для идентификации, не создает ощущения принадлежности к культурной общности. Таким образом, “сильное” в юридическом, но “слабое” в культурном отношении европейское гражданство оказывается “мягким”, податливым. Наш полевой материал подтверждает наиболее распространенный в междисциплинарной литературе тезис, о том, что европейское гражданство – это прежде всего правовое сообщество, результат идеологического конструирования (*Craith 2004*). Действительно, за почти тридцать лет своего существования – с момента вступления в действие Маастрихтского соглашения в 1993 г. – европейское гражданство не превратилось в гражданство пост-национальное. Оно осталось статусом, вытекающим из наличия гражданства одного из государств-членов ЕС, и до сих пор нет согласия в вопросе о содержании связанной с ним культурной идентичности (*Kostakopoulou 2001*).

Анализ миграционной мобильности аргентинских и чилийских граждан итальянского происхождения свидетельствует, прежде всего, о том, что европейское гражданство существует и за пределами Европы. Неразрывно связанное с наличием итальянского гражданства, которое потомки эмигрантов наследуют от своих родителей, и наделяющее широким набором прав, на первом месте среди которых – свобода передвижения в рамках Евросоюза, европейское гражданство рассматривается потомками эмигрантов как механизм улучшения жизни, дающий преимущество перед другими иммигрантами в доступе к образованию, профессиональной и личностной реализации и как следствие – к достижению более высокого социально-экономического статуса. Тем самым европейское гражданство становится элементом социальной дифференциации.

Европейское гражданство вписывается в более широкую в географическом и историческом плане миграционную систему: приезжающие в Италию с итальянскими паспортами мигранты из стран Латинской Америки вместе с молодыми итальянцами включаются в выездной миграционный поток, возобновившийся в последние 20 лет и направленный в другие европейские страны. Таким образом создается непрерывная динамика: Италия, откуда активно выезжает собственное население, зачастую становится транзитным пунктом в европейском маршруте латиноамериканских итальянцев.

В свете выявленного стратегического использования “спящего” итальянского гражданства и “слабой” концепции гражданства европейского у потомков итальянских эмигрантов

в Южной Америке представляется неоправданным говорить применительно к ним о “возвращении”, как это делается в юридическом и политическом дискурсе. Интервью свидетельствуют о том, что свое пребывание в Италии многие из них рассматривают как временную остановку на пути дальше в Европу. Официальное использование риторики “возвратной миграции” скорее отражает политическую волю на введение разграничения между “правом на въезд” и “правом на возвращение” в ЕС, в котором просматривается предпочтение “избирательной иммиграции” потомков европейских эмигрантов вкупе с закрытием границ для иммиграции “других”.

Эти наблюдения заставляют нас по-новому взглянуть на границы Европы в мире, где все тесно связано и одновременно зачастую делокализовано, отказаться от метафоры “контейнера” – национального государства, заключающего в своих границах национальное сообщество (*Wimmer; Glick Schiller 2002; Salzbrunn 2016*). Они заставляют также задаться вопросом о смысле европейского гражданства за рамками его юридического понимания и о том, как оно взаимодействует с национальной (иногда двойной) и региональной принадлежностью. Анализ европейского гражданства и создаваемых им границ включает макроуровень национальных и супранациональных правовых систем; средний уровень региональных институций, а также микроуровень локальных и транслокальных практик и представлений (*Waldinger; Fitzgerald 2004*). Аргентинцы и чилийцы с итальянским паспортом беспрепятственно въезжают в Европу, легко преодолевая физические преграды и административные границы, но на местном уровне сталкиваются с границами символическими, делающими их “другими” по сравнению с постоянными жителями. Невидимая граница пролегает между “генеалогически” близкими группами, юридически рассматриваемыми как носители одной этничности, т.е. одной культуры, передающейся из поколения в поколение, но разделенными в свое время эмиграцией. Это обстоятельство вновь подводит нас к вопросу о роли крови и почвы при определении групповой принадлежности. Эти правовые матрицы рассматриваются в антропологической литературе как два важнейших критерия для определения групповой принадлежности (*Gluckman 1982; Eriksen 2004*). Однако территория и родство создают такие коллективные членства, которые в конце концов начинают противоречить друг другу при столкновении с пространственной и временной дистанцией, порождаемой миграцией.

Примечания

¹ В разных академических и языковых традициях термины гражданство и национальность используются в похожих значениях (Neveu 2004). Во франкоязычной литературе термин национальность / *nationalité* употребляется преимущественно для обозначения одновременно субъективного чувства групповой принадлежности и юридической связи с государством (Noiriel 1995). В свою очередь, термин гражданство / *citoyenneté* отсылает к юридической концепции национальности как статуса, наделяющего правами и обязанностями, а также к концепции участия в жизни нации, согласно которой гражданин – это тот, кто голосует и участвует в общественной жизни (Lamarche 2019). В этой статье я буду использовать термин национальность, имея в виду как лояльность индивида государству, так и его статус субъекта прав и обязанностей, из этой лояльности вытекающий. Таким образом, я буду говорить о французской, чилийской или аргентинской национальности. Что касается термина гражданство, то им я буду обозначать юридическую связь между индивидом и наднациональным юридическим и политическим образованием, каким является Европейский Союз, т.е. я буду говорить о европейском гражданстве (прим. авт.). При переводе статьи мы учитывали российскую/русскоязычную традицию различения гражданства (как категории юридической) и национальности (как синонима этничности), поэтому используемый автором термин *nationalité* передается, как правило, термином гражданство; при наличии указания на страну (*nationalité italienne, chilienne, argentine*) вместо итальянская (чилийская, аргентинская) национальность выбрана форма перевода итальянский (чилийский, аргентинский) паспорт; там, где это уместно и не мешает пониманию, сохранен перевод национальность или национальная принадлежность (прим. перев.)

² В 2001 г. Аргентина пережила крупнейший дефолт в своей истории (\$100 млрд). Тяжелейший экономический, политический и социальный кризис продолжался до 2002 г. Он повлек за собой сильную девальвацию песо, обесценившую сбережения населения. На фоне массовых забастовок и демонстраций и их жестокого подавления, приведшего к гибели нескольких десятков человек, в стране за две недели конца 2001 – начала 2002 гг. сменилось пять президентов.

³ Стоимость четырехлетнего обучения на степень доктора инженерных наук. Аналогичный курс социологии в том же университете стоит около 20 000 евро (Universidad de Chile: <https://www.uchile.cl/postgrados/doctorados>).

⁴ Ла-Бока (La Boca – исп.) – аргентинская футбольная команда, основанная в начале XX в. итальянскими иммигрантами (прим. пер.).

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

Actes du parlement italien, Chambre des députés, XXIII Législature, Ire session, Discussions, 1er tour, 4 juin 1912: 20322.

ISPAT (Istituto di Statistica della provincia di Trento), 2019, La popolazione trentina al 1° gennaio 2019, Ispat Comunicazioni, Juin http://www.statistica.provincia.tn.it/binary/pat_statistica_new/popolazione/SintesiPopolazioneTrentina1Gennaio2019.1560260576.pdf.

Ministero dell'Interno Ufficio Centrale di Statistica, 2019, Anagrafe degli italiani residenti all'estero al 31 dicembre 2018, *Annuario delle statistiche ufficiali del Ministero dell'Interno*, http://ucs.interno.gov.it/FILES/Alle-gatiPag/1263/INT00041_ANAGRAFE_DEGLI_ITALIANI_RESIDENTI_ALL_ESTERO_-A.I.R.E.-_ed_2019.pdf.

Научная литература

Amselle J.-L. Logiques métisses. Anthropologie de l'identité en Afrique et ailleurs, Paris: Payot, 1990.

Balta E., Altan-Olcay Ö. Strategic citizens of America: transnational inequalities and transformation of citizenship // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. Vol. 39 (6). P. 939–957.

Barth F. (Ed.). *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*. Boston: Little, Brown & Co, 1969.

Blanchard M. Observing the multiple intersections of mobilities through return migration in the Alps // *New Diversities*. 2017. Vol. 19 (3). P. 75–87.

Bontemps V. *Ville et patrimoine en Palestine. Une ethnographie des savonneries de Naplouse*. Paris: Karthala, 2012.

- Brubaker R.* Migrations of Ethnic Unmixing in the “New Europe” // *International Migration Review*. 1998. Vol. 32 (4). P. 1047–1065.
- Clarke J.* Parler de citoyenneté: discours gouvernementaux et vernaculaires // *Anthropologie et Sociétés*. 2009. Vol. 33 (2). P. 43–62.
- Craith M. N.* Culture and citizenship in Europe. Questions for anthropologists // *Social Anthropology*. 2004. Vol. 12 (3). P. 289–300.
- Dubucs H., Pfnirsch T., Recchi E.* et al. Les migrations italiennes dans la France contemporaine // *Hommes et migrations*. 2017. n°1317–1318. P. 59–67.
- Dubucs H., Pfnirsch T., Schmoll C.* Talking about my generation. Emigration and a sense of generation among highly skilled young Italians in Paris // *Intergenerational Mobilities. Relationality, Age and Lifecourse* / Eds. L.Murray, S. Robertson. London: Routledge, 2016. P. 78–90.
- Eriksen T. H.* Place, kinship and the case for non-ethnic nations // *Nations and nationalisms*. 2004. Vol. 10 (1–2). P. 49– 62.
- Faist T.* The Fixed and Porous Boundaries of Dual Citizenship // *Dual Citizenship in Europe: from nationhood to societal integration* / Ed. T. Faist. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 1–27.
- Fassin D.* Politiques du corps et reconnaissance de l’altérité. Nouvelles questions posées par l’immigration à la société française // *Recherches Sociologiques*. 2002. n°2. P. 59–74.
- Fox J. E.* From national inclusion to economic exclusion: ethnic Hungarian labour migration to Hungary // *Nations and nationalisms*. 2007. Vol. 13 (1). P. 77–96.
- Gjergji I.* La nuova emigrazione italiana. Cause, mete e figure sociali. Venice: Ca’ Foscari, 2015.
- Glick Schiller N., Salazar N.B.* Regimes of Mobility Across the Globe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. Vol. 39 (2). P. 183–200.
- Gluckman M.* Conflict and Custom in Africa. Oxford: Blackwell, 1982.
- Graeber J.* Citizenship in the shadow of the Euro crisis: explaining changing patterns in naturalisation among intra-EU migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42 (10). P. 1670–1692.
- Groselli R. M.* Storie della emigrazione trentina. Trento: L’Adige, 2000.
- Groselli R. M.* Un urlò da San Ramon: la colonizzazione trentina in Cile, 1949–1974. Trento: Fondazione Museo Storico Trentino, 2011.
- Harney N. M.* Eh, Paesan! Being Italian in Toronto. Toronto: University of Toronto Press, 1998.
- Harpaz Y.* Compensatory Citizenship: dual nationality as a strategy of global upward mobility // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 45 (6). P. 897–916.
- Harpaz Y.* Citizenship 2.0: dual nationality as a global asset. Princeton, Princeton University Press, 2019.
- Harpaz Y., Mateos P.* Strategic Citizenship: Negotiating Membership in the Age of Dual Nationality // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. Vol. 45 (6). P. 843–857.
- Helgert J., Bevelander P.* The Influence of Partner Choice and Country of Origin Characteristics on the Naturalization of Immigrants in Sweden: a longitudinal analysis // *International Migration Review*. 2017. Vol. 1 (51). P. 667–700.
- Joppke C.* Citizenship between De- and Re- Ethnicization // *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*. 2003. Vol. 44 (3). P. 429–458.
- Joppke C.* *Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.
- Joppke C.* The Inevitable Lightning of Citizenship // *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*. 2010. Vol. 51 (1). P. 9–32.
- Kostakopoulou T.* Citizenship, identity and immigration in the European Union. Between past and future. Manchester: Manchester University Press, 2001.

- Lafleur J. M., Stanek M.* (Eds.). *South- North Migration of EU Citizens in Times of Crisis*. Dordrecht: Springer, 2017.
- Lamarche K.* “Si grand-père savait...”. Le recours des Israéliens ashkénazes aux nationalités européennes de leurs ascendants // *Genèses*. 2019. Vol. 116 (3). P. 27–48.
- Leuchter N.* *Creating Other Options: Negotiating the Meanings of Citizenships* // *Citizenship Studies*. 2014. Vol. 18 (6–7). P. 776–790.
- Markowitz F., Stefansson A.* (Eds.). *Homecomings: unsettling paths of return*. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.
- Neveu C.* Les enjeux d’une approche anthropologique de la citoyenneté // *Revue européenne des migrations internationales*. 2004. Vol. 20 (3). P. 89–101.
- Noiriel G.* Socio-histoire d’un concept. Les usages du mot “nationalité” au XIXe siècle // *Genèses*. 1995. n° 20. P. 4–23.
- Noiriel G.* *État, nation et immigration. Vers une histoire du pouvoir*. Paris: Belin, 2001.
- Ong A.* *Flexible citizenship: the cultural logics of trans-nationality*. Durham: Duke University Press, 1999.
- Pastore F.* A community out of balance: nationality law and migration politics in the history of post- unification Italy // *Journal of Modern Italian Studies*. 2004. Vol.9 (1). P. 27– 48.
- Petric B., Gossiaux J.-F.* Introduction // *Europa mon amour* / Eds. B. Petric, J.-F. Gossiaux. Paris: Autrement, 2009. P.7–22.
- Radi L.* *L’élite palestinienne: stratégies de survie et modes d’influence, 1967–1997*. Thèse de doctorat en Science politique. Paris: Institut d’études politiques, 1998.
- Salzbrunn M.* Shifting Theories, Methods and Topics: Monika Salzbrunn talks with Ludger Pries about 30 years of migration studies // *Revue européenne des migrations internationales*. 2016. Vol. 32 (3–4). P. 231–247.
- Sgritta G. B.* La transizione all’età adulta: la sindrome del ritardo // *Famiglie. Mutamenti e politiche sociali* / Eds. Osservatorio nazionale sulle famiglie. Bologna: Il Mulino, 2002. P. 11–42.
- Tilly C.* *Citizenship, Identity and Social History* // *International Review of Social History*. 1995. No 40. P. 1–17.
- Tintori G.* The Transnational Political Practices of “Latin American Italians” // *International Migration*. 2011. Vol. 49 (3). P. 168–188.
- Tsuda T.* Ethnic return migration and the nation-state: encouraging the diaspora to return “home” // *Nations and nationalisms*. 2010. Vol. 16 (4). P. 616–636.
- Viazzo P. P.* Migrazione e mobilità in area alpina: scenari demografici e fattori socio-strutturali // *Histoire des Alpes–Storia delle Alpi–Geschichte der Alpen*. 1998. n°3. P. 37–48.
- Waldinger R., Fitzgerald D.* Transnationalism in Question // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 109 (3). P. 1177–1195.
- Wilson T. M., Donnan H.* *Nation, State and Identity at International Borders* // *Border Identities: Nation and State at International Frontiers* / Eds. D. Hastings, T. M. Wilson. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–30.
- Wimmer A., Glick Schiller N.* Methodological nationalism and beyond: nation-building, migration and the social sciences // *Global Networks*. 2002. Vol. 2 (4). P. 301–334.
- Yanasmayan Z.* *European Citizenship: A Tool for Integration?* // *Illiberal Liberal States: Immigration, Citizenship and Integration in the EU* / Eds. E. Guild, K. Groenendijk, S. Carrer. Aldershot: Ashgate, 2009. P. 79–98.
- Yanasmayan Z.* *Citizenship on paper or at heart? A closer look into the dual citizenship debate in Europe* // *Citizenship Studies*. 2015. Vol. 19 (6–7). P. 785–801.
- Yanasmayan Z.* *The Migration of Highly Educated Turkish Citizens to Europe: From Guestworkers to Global Talent*. London: Routledge, 2019.

Research Article

Blanchard, M. European Citizenship, Italian Nationality and the “Institutional Myth” of Return: the Case of Argentinians and Chileans of Italian Descent [Европейское гражданство, итал’ианскаиа национал’ност’ и офитсial’nyi миф “vozvrashcheniia”: argentintsy i chiliitsy – potomki ital’ianskikh emigrantov]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 78-96 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/78-96>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mélissa Blanchard | <https://orcid.org/0000-0002-8061-3629> | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | melissa.blanchard@univ-amu.fr

Keywords

return migration, nationality, European citizenship, belonging, Chili, Argentina Italy.

Abstract

Building on ethnographic research undertaken in the Trentino region, this article analyses what being a European citizen means for Argentineans and Chileans of Italian descent who emigrate to Italy, and thus to Europe, thanks to the Italian nationality they have inherited from their ancestors. It analyses the different uses and representations associated with dual nationality as well as the scales of belonging that accompany this mobility, showing that the possession of European citizenship is fostering the current resurgence of Italian emigration, including from Latin America. The article also argues that this mobility has brought into question European migration policies, shifting the focus from the rhetoric of border closures to practices of selective immigration. It thus questions the constant redefining of boundaries in Europe between “us” and “them”.

References

- Amselle, J.-L. 1990. *Logiques métisses. Anthropologie de l'identité en Afrique et ailleurs* [Métis logics. Anthropology of Identity in Africa and Beyond], Paris: Payot.
- Balta, E. et Ö. Altan-Olcay. 2015. Strategic citizens of America: transnational inequalities and transformation of citizenship. *Ethnic and Racial Studies*, 39, 6: 939–957.
- Barth, F. (Ed.). 1969. *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*, Boston: Little, Brown & Co.
- Blanchard, M. 2017. Observing the multiple intersections of mobilities through return migration in the Alps. *New Diversities*, 19, 3: 75–87.
- Bontemps, V. 2012. *Ville et patrimoine en Palestine. Une ethnographie des savonneries de Naplouse* [City and heritage in Palestine. An ethnography of the soap factories of Nablus]. Paris: Karthala.
- Brubaker, R. 1998. Migrations of Ethnic Unmixing in the “New Europe”. *International Migration Review*, 32, 4: 1047–1065.
- Clarke, J. 2009. Parler de citoyenneté: discours gouvernementaux et vernaculaires [Talking about citizenship: government and vernacular discourses]. *Anthropologie et Sociétés*, 33, 2: 43–62.
- Craith, M. N. 2004. Culture and citizenship in Europe. Questions for anthropologists, *Social Anthropology*, 12, 3: 289–300.
- Dubucs, H., Pfirsch, T., Recchi, E. et al. 2017. Les migrations italiennes dans la France contemporaine [Italian migrations in contemporary France]. *Hommes et migrations*, 1317–1318: 59–67.
- Dubucs, H., T. Pfirsch and C. Schmoll. 2016. Talking about my generation. Emigration and a sense of generation among highly skilled young Italians in Paris, in Murray L., Robertson, S. (Eds.), *Intergenerational Mobilities. Relationality, Age and Lifecourse*, London: Routledge, 78–90.
- Eriksen, T. H. 2004. Place, kinship and the case for non-ethnic nations, *Nations and nationalisms*, 10, 1/2: 49–62.
- Faist, T. 2007. The Fixed and Porous Boundaries of Dual Citizenship, in Faist, T. (Ed.), *Dual Citizenship in*

- Europe: from nationhood to societal integration*. Aldershot: Ashgate, 1–27.
- Fassin, D. 2002. Politiques du corps et reconnaissance de l'altérité. Nouvelles questions posées par l'immigration à la société française [Body policies and recognition of otherness. New questions posed by immigration to French society]. *Recherches Sociologiques*, 2: 59–74.
- Fox, J. E. 2007. From national inclusion to economic exclusion: ethnic Hungarian Labour migration to Hungary. *Nations and nationalisms*, 13, 1: 77–96.
- Gjergji, I. 2015. *La nuova emigrazione italiana. Cause, mete e figure sociali* [The new Italian emigration. Causes, goals and social figures], Venice: Ca' Foscari.
- Glick Schiller, N., N. B. Salazar. 2013. Regimes of Mobility Across the Globe, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39, 2: 183–200.
- Gluckman, M. 1982. *Conflict and Custom in Africa*. Oxford: Blackwell.
- Graeber, J. 2016. Citizenship in the shadow of the Euro crisis: explaining changing patterns in naturalisation among intra-EU migrants, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42: 1670–1692.
- Groselli, R. M. 2000. *Storie della emigrazione trentina* [Stories of Trentino emigration], Trento: L'Adige.
- Groselli, R. M. 2011. *Un urlo da San Ramon: la colonizzazione trentina in Cile, 1949–1974* [A cry from San Ramon: Trentino's colonization in Chile, 1949–1974], Trento: Fondazione Museo Storico Trentino.
- Harney, N. M. 1998. *Eh, Paesan! Being Italian in Toronto*, Toronto: University of Toronto Press.
- Harpaz, Y. 2018. Compensatory Citizenship: dual nationality as a strategy of global upward mobility, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45, 6: 897–916.
- Harpaz, Y. 2019. *Citizenship 2.0: dual nationality as a global asset*, Princeton, Princeton University Press.
- Harpaz, Y., Mateos, P. 2019. Strategic Citizenship: Negotiating Membership in the Age of Dual Nationality, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45, 6: 843–857.
- Helgert, J., Bevelander, P. 2017. The Influence of Partner Choice and Country of Origin Characteristics on the Naturalization of Immigrants in Sweden: a longitudinal analysis, *International Migration Review*, 1, 51: 667–700.
- Joppke, C. 2003. Citizenship between De- and Re- Ethnicization, *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*, 44, 3: 429–458.
- Joppke, C. 2005. *Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Joppke, C. 2010. The Inevitable Lightning of Citizenship, *European Journal of Sociology/Archives européennes de sociologie*, 51, 1: 9–32.
- Kostakopoulou, T. 2001. *Citizenship, identity and immigration in the European Union. Between past and future*, Manchester: Manchester University Press.
- Lafleur, J. M., Stanek, M. (ed.). 2017. *South- North Migration of EU Citizens in Times of Crisis*, Dordrecht: Springer.
- Lamarche, K. 2019. “Si grand-père savait...”. Le recours des Israéliens ashkénazes aux nationalités européennes de leurs ascendants [“If Grandpa only knew...” Israeli Ashkenazis seeking their ascendants' nationalities], *Genèses*, 116, 3: 27–48.
- Leuchter, N. 2014. Creating Other Options: Negotiating the Meanings of Citizenships, *Citizenship Studies*, 18, 6–7: 776–790.
- Markowitz, F., Stefansson, A. (Eds.). 2004. *Homecomings: unsettling paths of return*, Lanham, MD: Lexington Books.
- Neveu, C. 2004. Les enjeux d'une approche anthropologique de la citoyenneté [For an Anthropological Approach to Citizenship.], *Revue européenne des migrations internationales*, 20, 3: 89–101.
- Noiriel, G. 1995. Socio-histoire d'un concept. Les usages du mot “nationalité” au XIXe siècle [Socio-history of

- a concept. The uses of the word “nationality” in the 19th century], *Genèses*, 20: 4–23.
- Noiriel, G. 2001. *État, nation et immigration. Vers une histoire du pouvoir* [State, nation and immigration. Towards a history of power], Paris: Belin.
- Ong, A. 1999. *Flexible citizenship: the cultural logics of trans-nationality*, Durham: Duke University Press.
- Pastore, F. 2004. A community out of balance: nationality law and migration politics in the history of post-unification Italy, *Journal of Modern Italian Studies*, 9, 1: 27–48.
- Petric, B., Gossiaux, J.-F. 2009. Introduction, in B. Petric, J.-F. Gossiaux, J.-F. (Eds.), *Europa mon amour*, Paris: Autrement: 7–22.
- Radi, L. 1998. *L'élite palestinienne: stratégies de survie et modes d'influence, 1967–1997* [The Palestinian Elite: Survival Strategies and Ways of Influence, 1967–1997], thèse de doctorat en Science politique, Paris: Institut d'études politiques.
- Salzbrunn, M. 2016. Shifting Theories, Methods and Topics: Monika Salzbrunn talks with Ludger Pries about 30 years of migration studies, *Revue européenne des migrations internationales*, 32, 3–4: 231–247.
- Sgritta, G. B. 2002. La transizione all'età adulta: la sindrome del ritardo [The transition to adulthood: the delay syndrome], in Osservatorio nazionale sulle famiglie (dir.), *Famiglie. Mutamenti e politiche sociali*, Bologne: Il Mulino: 11–42.
- Tilly, C. 1995. Citizenship, Identity and Social History, *International Review of Social History*, 40: 1–17.
- Tintori, G. 2011. The Transnational Political Practices of “Latin American Italians”, *International Migration*, 49, 3: 168–188.
- Tsuda, T. 2010. Ethnic Return Migration and the Nation-State: Encouraging the Diaspora to Return “Home”, *Nations and nationalisms*, 16, 4: 616–636.
- Viazzo, P. P. 1998. Migrazione e mobilità in area alpina: scenari demografici e fattori socio-strutturali [Migration and Mobility in the Alpine Area: Demographic Scenarios and Socio-Structural Factors], *Histoire des Alpes-Storia delle Alpi-Geschichte der Alpen*, 3, Mobilité spatiale et frontières: 37–48.
- Waldinger, R., Fitzgerald, D. 2004. Transnationalism in Question, *American Journal of Sociology*, 109, 3: 1177–1195.
- Wilson, T. M., Donnan, H. 1999. Nation, State and Identity at International Borders, in D. Hastings, Wilson, T. M. (ed.), *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*, Cambridge: Cambridge University Press, 1–30.
- Wimmer, A., Glick Schiller, N. 2002. Methodological nationalism and beyond: nation-building, migration and the social sciences, *Global Networks*, 2, 4: 301–334.
- Yanasmayan, Z. 2009. European Citizenship: A Tool for Integration?, in Guild, E., Groenendijk, K., Carrera, S. (Eds.), *Illiberal Liberal States: Immigration, Citizenship and Integration in the EU*, Aldershot: Ashgate: 79–98.
- Yanasmayan, Z. 2015. Citizenship on paper or at heart? A closer look into the dual citizenship debate in Europe, *Citizenship Studies*, 19, 6–7: 785–801.
- Yanasmayan, Z. 2019. *The Migration of Highly Educated Turkish Citizens to Europe: From Guestworkers to Global Talent*, London: Routledge.

© Дж. Блундо

КОРРУПЦИЯ И ГОСУДАРСТВО В САХЕЛЕ

Ключевые слова: коррупция, государство, бюрократия, клиентелизм, good governance, международные доноры, общественные движения, Сахель

Начиная с 2000 гг. новые инструменты оценки борьбы с коррупцией создают нелестный образ государств Сахеля. Согласно наиболее известному из них – Списку стран по восприятию коррупции (*Corruption Perception Index, CPI*), составляемому международной неправительственной организацией *Transparency International*, в 2016 г. практически все страны региона попали в группу государств с эндемической коррупцией. Однако восприятие коррупции внутри группы варьирует: Сенегал и Буркина Фасо считаются менее коррумпированными, чем Мали и Нигер, которые, в свою очередь, выглядят лучше Мавритании и особенно Чада, входящего в список 20 наиболее коррумпированных стран мира – вместе с Бурунди, Гаити, Центральноафриканской Республикой и Демократической Республикой Конго. Однако эти чисто количественные и вырванные из контекста измерения проливают мало света на социальное и культурное обрамление повседневной коррупции. Настоящая статья опирается на качественные эмпирические полевые исследования, ведущиеся автором в Нигере, Сенегале и Мавритании.

Коррупция и государствовоительство

Колониальное наследие. Теме коррупции¹ в Африке посвящено немало работ. Однако редкими остаются эмпирические исследования, поскольку данный феномен относится к числу трудно наблюдаемых и измеряемых. В странах Сахеля он изучен еще хуже, чем в других частях Африканского континента: согласно единственному имеющемуся на сегодня историографическому обзору (*Blundo 2006a*), более половины работ, опубликованных между 1960 и 2005 гг., касаются англоязычной части региона. Отметим, кроме того, что если изучение коррупции в Нигере и Сенегале активно идет с конца 1990-х гг., то литература по Мали, Буркина-Фасо, Чаду и особенно Мавритании носит фрагментарный, узко специальный характер и не позволяет осуществить полноценный сравнительный анализ. Наконец, до сих пор нет обобщающего исследования по всему региону.

Джорджо Блундо | <https://orcid.org/0000-0003-2432-3114> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | giorgio.blundo@ehess.fr

Статья представляет собой перевод расширенной франкоязычной версии опубликованного английского текста: Blundo, Giorgio. 2021. Corruption and the State in the Sahel. In Leonardo A. Villalón, ed. *The Oxford Handbook of the African Sahel*. Oxford: Oxford University Press. Автор благодарит издателей книги за разрешение публикации статьи на русском языке.

Для цитирования: Дж. Блундо. Коррупция и государство в Сахеле. // Антропологии/Antropologies. 2021. № 1. С. 97-120. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/97-120>.

Начиная с 2000 г. новые инструменты оценки борьбы с коррупцией создают нелестный образ государств Сахеля. Согласно наиболее известному из них – Списку стран по восприятию коррупции (*Corruption Perception Index, CPI*), составляемому международной неправительственной организацией *Transparency International*², в 2016 г. все страны региона, за исключением (и то едва) Сенегала попали в группу государств с эндемической коррупцией (показатель ниже 43). Однако восприятие коррупции внутри группы варьирует: Сенегал и Буркина Фасо считаются менее коррумпированными, чем Мали и Нигер, которые, в свою очередь, выглядят лучше Мавритании и особенно Чада, входящего в список 20 наиболее коррумпированных стран мира – вместе с Бурунди, Гаити, Центральноафриканской Республикой и Демократической Республикой Конго. Рассчитанные на основании опросов общественного мнения или массовых количественных исследований, эти индексы лишь сравнивают в планетарном масштабе представления, полностью вырванные из контекста. За кажущимся наукообразием этих цифр кроются инструменты давления, поскольку плохой рейтинг несет в себе риск сокращения международной помощи. (Более подробный критический анализ см.: *Blundo, Olivier de Sardan 2000, de Maria 2008*).

Точно датировать возникновение коррупционных практик в регионе не представляется возможным. Можно сразу отбросить две противоположных, но равно внеисторических и идеологизированных точки зрения. Согласно первой из них, современная коррупция в Сахеле представляет собой пережитки традиционных социальных практик и логик в современном политическом контексте. Согласно второй – она пришла в Африку вместе с колониальным государством. Наиболее радикальный взгляд состоит в том, что колонизация извратила фундаментально честные традиционные общества и политики. Мы склонны согласиться с теми авторами (*Bayart 1989, Olivier de Sardan 1999*), которые полагают, что современная коррупция в Сахеле является результатом сложного процесса взаимопроникновения колониального, а затем независимого государства и местных политических культур.

Вплоть до начала французской колонизации на большей части территории Сахеля существовали в лучшем случае формы протогосударственной политической организации, контролировавшей местные общины с помощью методов, более похожих на рэкет, чем на взимание налогов (*Ould Cheikh 2003*). В контексте родовых отношений господства и подчинения “современные” проявления коррупции (предполагающие разделение на частную и публичную сферы) были невозможны. Тем не менее, обычное право порицало и наказывало такое поведение властителей, которое шло вразрез с коллективными интересами в угоду личной выгоде (*Jacob 2001*). Злоупотребление властью и хищнические наклонности “языческих” вождей служили, кроме того, оправданием священных войн (*jihad*), сотрясавших регион на всем протяжении XIX в. (*Smith 1964*).

Одним из наследий колониальной системы стал благоприятный для коррупционных практик политический и институциональный климат. Несмотря на порой значительные различия в механизмах управления от страны к стране³, колониальная бюрократия не имела ничего общего ни с доколониальными, ни с современными европейскими формами власти (*Olivier de Sardan 2004*). Она была сосредоточена в основном в городах, остальная же территория управлялась рыхлой бюрократической структурой, немногочисленные агенты которой делегировали полномочия разнообразным помощникам и посредникам из числа местного населения (вождям кантонов, переводчикам, кадиям, лесникам и т.п.). Благодаря сосредоточению в их руках отправления обычного права, сбора налогов и рекрутирования на различные работы, эти местные посредники смогли заметно обогатиться, монетизируя свою власть

и пользуясь известной безнаказанностью. Так, в Сенегале “абсолютное большинство кадиев было озабочено только тем, как обогатиться за счет просителей” (*Gueye* 1997: 155), в то время как в Чаде верные французской военной администрации марабуты не гнушались мародерством, набегами и даже работоторговлей (*Arditi* 2000). В Нигере, как и повсюду, подношения вождям утратили ритуальное значение и превратились в настоящую дань, взимающуюся по самым различным поводам: за сокращение числа голов скота, подлежащего реквизиции, за освобождение детей от учебы в школе “белых” или при обращении к традиционному суду (*Olivier de Sardan* 1984: 207–224). В Западной и Экваториальной французской Африке колониальная администрация не была свободна от коррупции и беззаконий, при этом “наказания белых чиновников в колониях были редкостью” (*Brunschwig* 1983: 26). Помимо административной культуры, основанной на безнаказанности, деспотизме, произволе и использовании посредников, колониальное государство утвердило в обществе образ системы власти, нацеленной на обслуживание частных интересов колонизаторов и их клиентелы в ущерб общественному интересу; большинство населения имело статус аборигенов и было лишено самых элементарных прав. Чередуя санкции и привилегии для “заслуживающих”, т.е. верных колониальной администрации, подданных – привилегии, которых они могли лишиться в любой момент, – колониальная администрация создала подобие придворного общества со своими изгоями, фаворитами и куртизанами (*Touquet* 2010).

Однопартийные системы и военные режимы. Однопартийные системы, взявшие на себя задачу построения национальных государств вскоре после обретения независимости, укрепились благодаря различным рентам: геополитической ренте в контексте холодной войны и системы “Франсафрик” (*Verschave* 1998, *Verschave* 2000); сельскохозяйственной (арахис в Сенегале, хлопок в Буркина Фасо и Мали); горнорудной (железо в Мавритании, уран в Нигере, фосфаты в Сенегале); ренте помощи в развитии (*Magrin* 2010). Они стали питательной средой мощных политических образований, в которых “традиционные” патроны (марабуты исламских братств в Сенегале, административное вождество в Нигере, крупные торговцы в Мали и Чаде и т.п.) выступают в роли посредников между партийной элитой и сельским населением. С первых двух десятилетий после обретения независимости коррупция стала способом управления людьми, неотрывным от властвования над ними. Опираясь на перераспределение клиентелистского типа, тогдашние лидеры сумели обеспечить выживание своих режимов и придать им некоторую легитимность и стабильность. Крупные государственные компании развития стали объектом систематического расхищения бюрократическими клиентелами и коммерсантами, объединившимися в высших органах “партий-государств”: сенегальское Национальное бюро кооперации и содействия развитию (ONCAD), созданное для координации арахисовой экономики, оставило после своего роспуска в 1980 г. долг в 90 млрд африканских франков (*Franc CFA*); 20-миллиардный годовой бюджет организации Хлопок–Чад регулярно использовался не по назначению по приказу президента Х. Хабре (*Arditi* 2000).

До тех пор, пока рента – как внешняя, так и внутренняя – сохранялась стабильной, уровень коррупции ограничивался и контролировался политическими лидерами. Так, Мавритания, пораженная сегодня гангреной коррупции, была относительно свободна от нее в первые полтора десятилетия своего существования: режим первого президента Моктара ульд Дадда (1960–1978) известен тем, что он заложил основы современного государства, опираясь на честную и пуританскую элиту (*Blundo* 2011b).

Поразившие регион на рубеже 1970-х гг. засухи стали первым фактором усиления коррупции: интенсифицировавшийся исход сельского населения увеличил нагрузку на государствен-

ные службы, оказавшиеся к этому неготовыми. Деньги, полученные в виде экстренной помощи, были в основном растрочены нецелевым образом.

На протяжении десятилетия 1965–1975 гг. все гражданские политические режимы в Сахеле (за исключением Сенегала) были свергнуты военными, в большинстве случаев под лозунгом оздоровления общественной жизни. Однако, не считая Буркина-Фасо, где революционное правительство Т. Санкара продемонстрировало свою неподкупность в ходе показательных кампаний против бюрократической бесхозяйственности (Sarassoro 1990), и Нигера в годы правления Сейни Кунче, беспощадно и последовательно боровшегося с коррупцией (Amuwo 1986), ни один военный режим сам не был свободен от этого феномена. Напротив, приход к власти военных привел к банализации коррупции: в Мавритании переворот, свергнувший Ульд Дадда в 1978 г., был совершен кланами, оттесненными от власти гражданским режимом и стремившимися занять ключевые посты в государстве, чтобы в свою очередь обогатиться (Blundo 2011b).

Эра “good governance”. На всем протяжении 1990-х гг. феномен коррупции становится все более обсуждаемым, благодаря процессу политической либерализации и появлению относительно свободной прессы⁴. В Нигере и Сенегале – странах, для которых у нас есть сравнительно новые данные, статьи, разоблачающие коррупцию, также получили самое широкое распространение именно в этот период⁵.

Параллельно общественная жизнь стала деградировать в самых разных сферах. После эйфории национальных конференций⁶ “демократизация” показала свое истинное лицо. Приватизация, необузданный экономический либерализм, продолжающиеся сокращения государственных служащих вслед за программами структурной перестройки предшествующего десятилетия, разгосударствление. В этом контексте всеобщей деградации государственных служб начался быстрый подъем мелкой административной коррупции, которому способствовало также обыденное понимание политической либерализации как более равноправного доступа к хищническому обогащению (Fay 1995). С восстановлением многопартийности коррупция на выборах и электоральный клиентелизм расцвели пышным цветом, как показывает масштабное исследование в Нигере, выводы которого можно распространить на весь Сахель (Olivier de Sardan 2015).

Принципы *good governance*, направленные на расширение участия населения в решении местных проблем, а также реформы в русле децентрализации на практике привели к поспешной передаче компетенций на муниципальный уровень – в руки коммун, безусловно, нуждающихся в людских и финансовых ресурсах, но представляющих собой новые пространства хищнического обогащения местных элит. В нескольких странах региона, начиная с Сенегала, где еще в 1972 г. появились местные органы управления (Blundo 2001b), вплоть до Нигерии с ее совсем недавно созданными коммунами (Olivier de Sardan, Tidjani Alou 2009), децентрализация является также примером децентрализации финансовых злоупотреблений и перераспределения средств внутри клиентелистских сетей.

Таким образом, любая политическая модель (будь она авторитарная или плюралистская, военная или гражданская, централизованная или децентрализованная), равно благоприятна для расцвета коррупции. Тем не менее, именно проблема плохого управления проходит красной нитью через все политические пертурбации в Сахеле: оно направляет народную ненависть против незаконного обогащения свергнутых властителей и служит оправданием для нового политического класса в его стремлении с помощью избирательных антикоррупционных

кампаний окончательно устранить политических противников. Таким образом, как “законно избранные”, так и переходные правительства создают самые необузданные формы хищничества: несмотря на неоднократные обещания перемен, приведших его к власти в марте 2000 г., сенегальский президент Абдулай Вад постепенно установил режим личной власти, основанный на клиентелистском перераспределении общественных ресурсов и на невиданном прежде уровне коррупции.

Практики и механизмы повседневной коррупции

В Сахеле, как и повсюду на африканском континенте, “большая коррупция” давно глобализована, коренится в своих излюбленных сферах (рынок вооружений, эксплуатация горно-рудных ресурсов, строительство и общественные работы, международная помощь, банковский сектор, импорт-экспорт и т.п.), оперирует крупными суммами денег (особенно в сравнении с низким уровнем транзакций в национальных экономиках) и обогащает в основном элиты. Даже если она поражает своим размахом и своей необходимостью для выживания региональных политических элит, по своей природе и механизмам она принципиально не отличается от коррупции в верхних эшелонах власти в других частях света.

Специфику Сахеля составляет именно мелкая повседневная коррупция. Она проявляется преимущественно при оказании базовых государственных услуг, а также в ежедневном взаимодействии населения с бюрократами-чиновниками, и имеет системный характер, будучи скорее нормой, чем исключением. Коррупция пронизывает все сферы административной деятельности и общественной жизни, она глубоко укоренилась в системе общей дисфункции органов управления и неоднозначно воспринимается гражданами, которые также активно разоблачают ее, как и практикуют.

Менее изученная по сравнению с “большой коррупцией”, повседневная коррупция стала объектом новаторского для Африки антропологического исследования (*Blundo, Olivier de Sardan 2006a*), выполненного в русле этнографического поворота, в центре которого – наблюдение за функционированием государства в конкретных ситуациях, за деятельностью различных органов власти и распределением в обществе товаров и услуг⁷. В ходе исследования удалось выявить “элементарные формы коррупции” в Сахеле, создающие континуум, идеально соединяющий два диаметрально противоположных в общественном мнении полюса: от сделки до вымогательства и частного присвоения государственных ресурсов.

К коррупции в форме сделки можно отнести различные комиссионные, которые чиновники получают за посредничество или незаконно оказанные услуги. Будучи в порядке вещей в секторе государственных закупок, где коррупция имеет вид “цивилизованной” и почти законной (*Blundo 2006c*), комиссионные в денежной или натуральной форме могут также выплачиваться вышестоящему начальству за назначение на хлебные должности. В судах, ЗАГСх, больницах принято и даже считается законным отблагодарить госслужащего за хорошее исполнение им своих обязанностей, что стирает грань между добровольным подарком в знак благодарности и обязательной взяткой. Существуют также подарки авансом, цель которых – поставить госслужащего в положение должника по отношению к своему “благодетелю”. Напротив, неправомерные платежи за услуги, которые должны быть бесплатными, – например, взимание двойной цены за медицинскую карту работником регистратуры в диспансере, или продажа бланков и другой печатной продукции, дефицит которых создается искусственно, находятся на грани вымогательства, поскольку в данном случае никакая услуга реально не оказывается.

Самым известным примером является рэкет с помощью блокирования дорог, жертвами которого становятся таксисты и водители грузовиков. Большое количество блокпостов выставляется незаконно различными структурами (полицией, жандармерией, таможней, службой водного и лесного хозяйства, муниципалитетами, иммиграционными службами, профсоюзами) и препятствует свободному перемещению товаров, в особенности в анклавных странах – Нигере, Буркина-Фасо и Мали. В последней стране в 2013 г. насчитывалось в среднем 2,6 контрольных пункта на каждые 100 км. Рэкет на дорогах приносит в этих трех странах сверхдоходы, оцениваемые в сумму от 12 до 23 млн евро в год и создает ежегодные потери времени от 1104 до 2103 месяцев (*Banque Africaine de Développement* 2015: 16–22). В странах, где государство действует особенно жестко, как в Чаде, дело доходит до того, что рэкету подвергается даже миротворческая миссия ООН – нанимаемые ею работники были обложены “данью”, превышающей 40% их месячной зарплаты (*Debos* 2013: 63).

С другой стороны, мы встречаем практики, которые нелегко отличить от обычной социальности. В эту категорию входят взаимные услуги и одолжения между бывшими соучениками, родственниками, земляками, однопартийцами. В подобных случаях государственный служащий оказывается перед непростым выбором: действовать согласно абстрактной и редко практикуемой в его профессиональной среде бюрократической этике – или же сохранить верность личным, семейным или политическим связям. Здесь представления чиновников и обычных людей не сильно отличаются, поскольку каждый, кто откажется прийти на выручку близкому человеку, рискует навлечь на себя общественное порицание и подвергнуться остракизму. Растраты и использование государственного имущества в личных целях также давно стали обычным делом: частные поездки на служебных машинах и разговоры по служебным телефонам; продажа “налево” медикаментов из больниц и диспансеров; нелегальные подключения к водопроводным и электрическим сетям мэрии; массовые хищения государственных средств, иногда осуществляемые целыми сетями сообщников.

Коррупция и бюрократическое управление

В Сахеле эти практики мелкой коррупции подпитываются – и подпитывают его в свою очередь – всеобщим разладом государственных служб, существенно ослабленных структурной перестройкой, которая резко сократила людские и материальные ресурсы административных органов, не улучшив при этом их эффективность и внутреннюю управляемость. Ситуацию усугубляет растрата в верхах и без того скромных бюджетов этих служб.

Последствия для чиновников оказались катастрофическими: роль фаворитизма и клиентелизма в назначении на посты и продвижении по службе усилилась, управление людскими ресурсами стало восприниматься повсюду как “беззаконное, произвольное, безжалостное, а то и бесчеловечное” (*Blundo* 2011a: 392). Конкуренция за доступ к хлебным местам (открывающим возможность быстрого карьерного роста, доступ к рынку проектов развития или к незаконному обогащению) в администрации возросла, тогда как малоодоходные должности, рассматриваемые как тупиковые, бесперспективные, достаются чиновникам, не имеющим высокой поддержки, или становятся местом искупления за административные проступки.

Нехватка чиновников восполняется наймом целой когорты помощников – “добровольных” или контрактников: это ведет к прекаризации и неформальной приватизации государственной администрации (*Blundo* 2006b). В Нигере на 26 тыс. чиновников приходится около 40 тыс. таких помощников (*Lavigne Delville, Abdelkader* 2010: 59), немало их и в других странах.

В больницах, судах, министерствах они выступают в роли административных брокеров, облегчая и одновременно фильтруя доступ посетителей к непрозрачным и скрытым государственным услугам. Тем самым они способствуют приданию государственной службе “неформального” характера и нередко выступают проводниками мелкой коррупции.

К недостаточности людских ресурсов добавляется хроническая нехватка – структурная или намеренно создаваемая – необходимых для нормальной работы средств: можно упомянуть недостаток горючего или служебного оружия у бригад лесников в Нигере или Сенегале, а также тот факт, что в 86,7% санитарных учреждений Нигера нет электричества, воды и туалетов (*Banque Mondiale* 2015). На фоне этой крайней бедности административных служб выделяются несколько “островков благополучия” – бюрократические анклавы, создаваемые или питаемые системой международной помощи, которые переманивают лучших чиновников, предоставляя им условия, разительно отличающиеся от того, что могут предложить “обычные” административные службы. Такая “двухуровневая администрация” (*Blundo* 2011c) усугубляет разочарование служащих и подталкивает их к двум типам поведения. Первый – упорная гонка за материальными “поощрениями” (*Smith* 2003, *Ridde* 2012), надбавками к базовому окладу, работа на две, а то и три ставки, организация мелкой торговли на рабочем месте. Это одна из основных причин частого отсутствия служащих на работе, затрагивающего такие важные сферы, как образование и здравоохранение: все в том же Нигере ежедневно 33% медицинского персонала не выходит на службу, а 27% учителей отсутствуют в классах (*Banque Mondiale* 2015).

Другой тип поведения – неформальная приватизация административных служб, часто с целью восполнить их недостаток. Так, чиновники обращаются с должностями, как со своей собственностью: они вкладывают личные средства в служебную деятельность и при этом получают от нее выгоду. В службах контроля и безопасности, например, вполне обычным делом является реинвестирование части ежедневно получаемых взяток в подержание в порядке рабочего снаряжения или в решение семейных проблем сотрудников.

Для потребителей структурная перегрузка административного аппарата выливается в длинные очереди за любой простейшей услугой. “Денежный ускоритель” вызывают к жизни многочисленные узкие места, медлительность и задержки при контактах с администрацией в приемных покоях больниц, контрольных пунктах лесничеств или в жандармерии, если нужно растаможить контейнер.

Обращение сотрудников администрации с посетителями бывает разным: игнорируемые, презираемые или даже подвергающиеся плохому обращению, если у них нет контактов внутри той или иной службы, они становятся достойными внимания, когда прибегают к помощи денег или знакомств. Часто мелкая коррупция становится первым шагом к установлению устойчивых личных отношений между посетителем и чиновником. Эта бюрократическая среда, которую мы обрисовали в основных чертах, “увенчана” двумя пересекающимися политико-административными логиками: фракционностью и интервенционизмом.

Фракционность. Фракционный тип политической конкуренции существует в Сахеле веками и при любых политических системах. В Сенегале он является двигателем национальной политической жизни начиная с эпохи Четырех Коммун вплоть до периода правления Абдулая Вада (*Legros* 2004), включая годы социалистического режима (*Fatton* 1986, *Blundo* 1998). Близкие формы мы встречаем в Нигере (*Olivier de Sardan* 2017), Чаде и Мавритании, где фракционность принимает племенные коннотации (*Blundo* 2011b). От деревенских вождей до верхушки государственного аппарата межфракционная борьба порождает высоко персонализированную

политическую игру, основанную на временных и изменчивых альянсах (феномен т. наз. политического “кочевничества”, когда сторонники покидают поверженного политического лидера и переходят на сторону победителя), управление общественными делами в режиме краткосрочной перспективы, стратегии борьбы, нарушающие формальные правила политического соперничества, действия в узкогрупповых интересах в ущерб более широкому сообществу и в особенности – хищническую логику перераспределения, согласно которой эфемерную добычу следует быстро ухватить и разделить исключительно внутри властной клики. Фракционность, порождая общественные представления, ассоциирующие политику с обманом, интригами, предательством и уловками, усиливает недоверие граждан к политической деятельности и питает мелкую и крупную коррупцию.

Интервенционизм и множественная ответственность. Вопреки обыденному представлению, распространяемому экспертами в сфере *good governance* и объясняющему расцвет коррупции в Африке недостатком ответственности государственных служащих, недавние исследования заставляют предположить, что чиновники в Сахеле, напротив, отягощены избытком ответственности (*Blundo 2015a*), поскольку в исполнение ими своих повседневных обязанностей, а также в соблюдение законов и установлений постоянно вмешиваются различные формальные и неформальные институты и действующие лица, выступающие в роли посредников между гражданами и государством. Это вмешательство, являющееся прямым следствием выраженной персонализации и политизации административных отношений, стало обыденной стратегией укрощения государственной власти. Местные депутаты, традиционные вожди, высокопоставленные чиновники, министры, религиозные власти, бывшие одноклассники и однокурсники, коллеги, члены одного молитвенного собрания – это те люди, к которым считается естественным обратиться, чтобы не платить штраф, освободить задержанного, отменить нежелательное назначение на службу, выиграть местный конкурс и т.п. Этот список, далеко не исчерпывающий, демонстрирует распространенность и многообразные формы обязательств, которым подчинены бюрократы и политики при исполнении своих функций. Многопартийность лишь усугубила логику интервенционизма, которая ставит чиновников, особенно невысокого ранга, в зависимость от противоречивых вмешательств (*Bierschenk 2014*), поскольку вышестоящее начальство требует от них одновременно исполнения законов и их нарушения. Такая система также препятствует любым попыткам применения санкций против государственных служащих, совершивших профессиональные проступки или допустивших растрату. В ответ чиновники применяют различные стратегии, от поиска могущественного покровителя до исключительной осторожности, следствием которой становится отсутствие какой-либо инициативы и бездеятельность, не останавливаясь и перед коррупционными действиями.

Борьба с коррупцией

Противоречивые представления: от терпимости до стигматизации. С первых лет независимости общество в Сахеле не перестает проклинать коррупцию. Отражения этого можно найти в литературе или народном театре: в знаменитой повести “Мандат” Сембена Усмана главный герой, блуждающий в бюрократических коридорах Дакара 1960-х гг., встречает людей, жалующихся, что в Сенегале, где “честность является преступлением”, трудно получить услугу, не “подмазав”, не обратившись к кому-то влиятельному или не “раздвинув ноги” (*Ousmane 1966*). Почти полвека спустя комедия в духе традиционного малийского театра “котеба” бичует разъедающие страну бесхозяйственность и несправедливость. Коррупция вызывает также массовые протесты, как например восстание крестьян-муби в Республике Чад в 1964 г. против

злоупотреблений и рэкета со стороны администрации (*Arditi* 2000) или демонстрации с требованием наказать виновных в экономических и политических преступлениях режима М. Траоре в Мали (*Lange* 1999: 123). То же стремление к оздоровлению политических нравов выражало в Сенегале конца 1980-х гг. движение *Set setal* (“очистить” на языке волоф) (*Diouf* 1992).

Таким образом, сахельские общества небезразличны к нарушениям общественной нравственности. Как же тогда объяснить всепроникающий парадокс коррупции, единодушно критикуемой, но в то же время терпимой и повседневно практикуемой? Прежде всего, коррупция – это самовоспроизводящийся феномен. В ситуации, когда практически каждый человек непосредственно или опосредованно имел с ней дело, вера в то, что доступ к товарам и услугам либо может быть монетизирован, либо ограничен кругом родственников, друзей и знакомых, подталкивает всех и каждого к защите от коррупции “других” путем применения ее в качестве превентивной меры, создавая тем самым порочный круг (*Blundo, Olivier de Sardan* 2006a: 105–106).

Во-вторых, в Сахеле существуют постколониальные социальные логики, ведущие к легитимации коррупционного поведения: большая часть общественных отношений опосредована деньгами, расточительность культивируется элитами как добродетель, и по этому критерию их оценивает клиентела. Поэтому некоторые формы внезапного обогащения, хоть и предосудительные с юридической точки зрения, могут считаться допустимыми при условии дальнейшего перераспределения, пусть даже символического, добытого нечестным путем, тогда как обычный человек, пойманный с поличным на воровстве, рискует стать жертвой скорого на расправу народного суда.

В целом коррупция в Сахеле “настолько у всех на виду, что она перестает считаться девиантным поведением и попадает в разряд морально приемлемых и даже в значительной степени одобряемых практик” (*Blundo* 2007: 34). Она становится формой соблюдения местного этикета (отказаться от подарка невежливо, коллеги должны взаимно выручать друг друга, нужно уважать старших), а также жестом мщения государству, которое не платит зарплаты и самоустранилось от простейших из своих функций, а также, возможно, своего рода подражательным поведением (зачем быть честным, если все сверху донизу коррумпированы?) (*Blundo, Olivier de Sardan* 2006b).

Можно даже говорить о дискредитации честности: доносы заклеялены, а обладатели доходных мест, не сумевшие ими воспользоваться для собственного обогащения, презираемы. Новая этика преуспевания возводит в ранг ценности то, что в Мавритании называют *tcheb-tchib* – термин, обозначающий обход закона с помощью хитрости с целью получения личной выгоды (*Ould Ahmed Salem* 2001). Мы уже писали о том, что в Сахеле “добродетель абсолютной честности является роскошью, недоступной большинству граждан” (*Blundo, Olivier de Sardan* 2006a: 100).

“Автономные” инициативы государств Сахеля по борьбе с коррупцией. С момента обретения независимости государства Сахеля создали у себя органы и законодательные механизмы, позволяющие контролировать и наказывать противозаконные практики в административных структурах.

На общем фундаменте колониального уголовного кодекса каждая страна выстроила собственные инструменты борьбы с коррупцией в соответствии с конкретной политической ситуацией. Все они располагали “обычными” органами внутреннего и внешнего контроля, а именно техническими инспекциями внутри каждого министерства, генеральными государственными и финансовыми инспекциями, а также различными комиссиями, такими

как Комиссия по проверке и контролю счетов государственных предприятий (CVCCEP) в Сенегале. Однако опыт Нигера, Сенегала и Мавритании (*Mathieu 2007a, Blundo 2011b*) показал ограниченность возможностей этих компетентных и хорошо оплачиваемых контролирующих органов: они действуют только *a posteriori*, не могут инициировать проверки, их сменяют при смене режима, а их доклады кладутся под сукно президентом или премьер-министром и остаются без последствий. Можно отметить все же, что в случаях больших потрясений в верхах или кризиса легитимности власти исполнительные органы создают чрезвычайные комиссии, становящиеся символами новой политической эры (*Mathieu 2007a*). Так, в Сенегале Абду Диуф дистанцировался от верхушки партии своего предшественника на президентском посту Леопольда Седара Сенгора, приняв в 1980 г. закон о борьбе с неправомерным обогащением. Замороженный два года спустя, этот закон имел своим результатом лишь два приговора к тюремному заключению и несколько штрафов. Сыгравший важнейшую роль в демократической смене власти в стране Абдулай Вад в 2000 г. начал проверки множества национальных компаний, а в 2003 г. создал Национальную комиссию по борьбе с непрозрачностью, коррупцией и хищениями. Сменивший его на президентском посту Маки Сал заменил эту комиссию двумя новыми структурами: Национальным управлением по борьбе с мошенничеством и коррупцией и Национальной комиссией по реституции и возвращению активов, полученных неправомерным путем. Но самое главное – он восстановил действие закона о неправомерном обогащении, по которому сын уходящего президента Карим Вад был приговорен к 6 годам тюремного срока и 210 млн евро штрафа.

В Нигере также хроническая политическая нестабильность привела в период с 1974 по 2000 гг. к созданию и последующему роспуску 8 различных комиссий. В годы своего чрезвычайного правления президент Сейни Кунче создал экономическую полицию и специальный суд, которые карали хищение государственных средств пожизненным заключением или смертной казнью (*Amuwo 1986, Mathieu 2007a*).

Более точечные операции “сильного удара” позволяют продемонстрировать – лишь на время – нулевую терпимость к преступникам в белых воротничках и организовать избирательные чистки политико-административных конюшен. Так было, например, в ходе антикоррупционной операции “Кобра” в Республике Чад в 2012 г., которая дала весьма неоднозначные результаты: сумма возвращенных в бюджет средств составила лишь одну двенадцатую часть похищенного (по оценкам – 300 млрд. африканских франков в год), а обвиненные в хищениях чиновники в большинстве своем были просто переведены на другие посты (*Debos 2013: 51, Chêne 2014: 8*).

Двусмысленная роль доноров. В контексте глобализации борьбы с коррупцией невозможно обойти стороной роль международных фондов. Их позиция выглядит двусмысленной, особенно после Парижской декларации по повышению эффективности внешней помощи (2005 г.), провозгласившей, что условия построения эффективных систем общественной честности должны соответствовать приоритетам и процедурам государств – получателей помощи. Между тем доноры навязывают создание стандартизованных механизмов предупреждения коррупции и борьбы с ней, зачастую без учета того, что они дублируют функции уже существующих структур. Так, по указанию Программы развития ООН в 2001 г. в Буркина-Фасо был создан Высший координационный совет по борьбе с коррупцией (НАСЛСС), чьи компетенции пересекаются с созданным незадолго до того Национальным этическим комитетом. Лишенный реальной власти и малопрозрачный НАСЛСС в 2007 г. был объединен, также под давлением доноров, с Национальным координационным советом по борьбе с мошенничеством и Генеральной государственной инспекцией в единый Высший орган государственного контроля (*Damiba 2008:*

49, 79). Напомним также, что запоздалое создание счетных палат – высшего органа, контролирующего государственные финансы⁸, также в основном вызвано настоянием Западноафриканского экономического и валютного союза и международных доноров.

В целом условия, навязанные международными донорами, привели к невыразительным, а то и откровенно контрпродуктивным результатам, как показывает проект нефтепровода Чад – Камерун. Целью этого проекта, начатого в 2000 г., было добиться, чтобы доходы от добычи нефти в Республике Чад шли на борьбу с бедностью. Вплоть до 2005 г. Коллегия по контролю и надзору над нефтяными ресурсами играла свою роль, однако в следующем году президент Идрис Деби изменил закон таким образом, чтобы средства от добычи нефти было можно тратить на покупку оружия и подавление внутренних беспорядков. Всемирный банк, поддерживавший проект, вышел из него окончательно в 2008 г. признав, что он способствовал усилению коррупции (*Winters and Gould 2011: 242, Chêne 2014: 7*).

В Сахеле, где царит лицемерие, велика разница между официальными встречами, на которых рассуждают о good governance, и непрозрачностью, характеризующей реальное распределение государственных ресурсов. Можно иметь репутацию “прилежных учеников”, выполняющих все рекомендации доноров, систематически фальсифицируя национальные макроэкономические показатели, как это делают Буркина Фасо и Мавритания (*Samuel 2011*). К тому же принуждение к честности со стороны доноров, похоже, работает только в интересах их собственных программ⁹: для предотвращения растраты выделяемой финансовой помощи они создали параллельные контролирующие структуры, нарушающие нормальное функционирование администрации стран-получателей (*Blundo 2015b*) и маскирующие их собственную роль в провоцировании и способствовании местной коррупции (*Mathieu 2000, Mathieu 2007b*). В конечном счете различные законодательные и институциональные меры, как эндогенные, так и экзогенные, принятые на рубеже XXI в. в Сахеле, оказались неэффективными либо вследствие нехватки людских и финансовых ресурсов для ведения расследований; либо из-за зависимости контролирующих органов от исполнительной власти; либо по причине недостаточной координации: введение новых механизмов борьбы с коррупцией без отмены старых в результате парализовало и те, и другие; либо из-за несоответствия международных норм в сфере борьбы с коррупцией местным условиям¹⁰.

Общественные движения и брокеры good governance. Социальные запросы на большую честность в обществе разнородны, плохо скоординированы и амбивалентны. Первыми сформулировали их студенческие и рабочие профсоюзы: в Буркина Фасо, Нигере и Сенегале они уже давно находятся в авангарде разоблачения коррупции, в частности, на таможне, дорожных блокпостах и в сфере госзакупок (*Blundo 2006c, Mathieu 2007a, Damiba 2008*). Даже профсоюзы “людей в униформе”, не славящихся особой порядочностью, порой восстают против крупной коррупции власть имущих. Так, в Нигере в 1990-х гг. Единый профсоюз работников водного и лесного хозяйства пытался безуспешно бороться против саудовского принца Бандара, безнаказанно браконьерствовавшего в лесах Нигера при попустительстве высших государственных и армейских чинов (*Grégoire 2000*). Что касается предпринимателей, то они пытаются защититься только от той коррупции, которая вредит им экономически: профессиональные организации – как, например, общества транспортников в Нигере или торговцев в Сенегале – порой жестко критикуют рэкет полиции или таможенников, практикуя при этом различные формы договоренностей с властями.

Возникшие на рубеже XXI в. движения городской молодежи, вышедшие из культуры хип-хопа, требованиями морального оздоровления сенегальской общественной жизни во мно-

гом способствовали как падению в 2000 г. Социалистической партии (поколение *Bul faale*¹¹), так и отставке Абдулая Вада в 2012 г. (движение *Y'en a marre*¹²) (Dieng 2015). Эти инициативы стали источником вдохновения для движения “Гражданская метла”, возглавившего революцию в Буркина Фасо в октябре–ноябре 2014 г. (Hagberg et al. 2015).

Растет и роль диаспоры. В Сенегале эмигранты, имеющие влияние благодаря регулярным денежным переводам, отправляемым в родные деревни и идущим на коллективные нужды (водяные скважины, школы), активно участвуют в местной общественной жизни и разоблачают коррупцию представителей власти, которых иногда удается привлечь к ответственности (Vari-Lavoisier 2014).

Наконец, новые действующие лица, которых можно назвать “брокерами *good governance*” (Blundo 2012), превращаются в официальных, профессиональных и необходимых представителей так называемого “гражданского общества” в Сахеле. Речь идет о появившихся во второй половине 1990-х гг. НПО и различных ассоциациях, которые участвуют в национальной политической жизни, по-своему переосмысляя международные стандарты общественной честности и ставя своей основной целью пересмотр отношений между гражданами и государственной властью. Конечно, попутно они претендуют на часть финансовых доходов от антикоррупционной индустрии. Показателен пример “Гражданского форума” – сенегальской ассоциации, основанной в 1993 г. выходцами из среды юристов и либеральных профессий и ставшей в 2000 г. сенегальским отделением международной организации *Transparency International*¹³, а затем одним из наиболее влиятельных игроков на поле борьбы с коррупцией в Африке.

Однако эти зачатки “глокальных” гражданских движений распространяют элитарные представления, с трудом укореняющиеся на местной почве. Если в Сенегале или Буркина Фасо их интересы в чем-то сходятся с республиканскими установками некоторых религиозных деятелей католической церкви или суфийского ислама (Management Systems International 2007, Hagberg et al. 2017), то реформистские исламские движения ваххабитского толка, выступающие с радикальной критикой государственных учреждений и желающие реформировать их в соответствии с шариатом (квиеитисты) (Sounaye 2016) или вовсе установить халифат (джи-хадисты-салафиты), составляют им конкуренцию, особенно в Мали и Нигере.

Конец договорной вседозволенности?

В Сахеле, где коррупция достигла небывалого прежде уровня, она была на протяжении десятилетий инструментом и формой общественного договора, характеризуемого как “вседозволенность” (Nugent 2010) и обеспечивавшего соблюдение определенного порядка. Однако есть множество признаков того, что эта система себя исчерпала. С одной стороны, миф о том, что коррупция является альтернативной формой перераспределения богатств, развеялся в глазах населения, ежедневно сталкивающегося с невозможностью получить базовые государственные услуги, а также страдающего от деградации экономики и окружающей среды. С другой стороны, очевидна связь между административной и политической коррупцией, организованной преступностью (торговля оружием, наркотиками и людьми) и терроризмом в регионе с огромными пустынными пространствами, плохо контролируемые такими государствами, как Нигер, Мавритания и Мали, ослабленными регулярными политическими кризисами (Djallil 2013, Harman 2014). Так, с виду невинная коррупция на контрольно-пропускных пунктах на границе между Нигером и Нигерией угрожает безопасности региона, поскольку взятки делают границу легко проходимой как для мелких торговцев- контрабандистов, так и для криминальных или террори-

стических группировок (*Nahonou* 2016). Точно также коррупция в армии и силовых структурах Мали делает невозможным обмен разведданными, необходимый для борьбы с вооруженными группировками, бесчинствующими на севере страны с 2012 г. (*Cantens, Raballand* 2016: 13).

Борьба с всеобщей коррупцией, ставшей способом управления людьми и ресурсами, остается делом сложным и долгим, для которого необходимо сочетание реальной политической воли и общественного запроса, располагающего адекватными возможностями для формирования и выражения. На данный момент, похоже, эти условия отсутствуют, но без них ничего не получится. Под давлением общественного мнения, становящегося в условиях затяжного экономического кризиса все более враждебным к расхищению государственных средств, а также международных организаций, ставящих оказание финансовой помощи в зависимость от порядочности и честности в общественных делах, пространство для маневра правителей большинства государств Сахеля, пытающихся балансировать между борьбой с коррупцией и сохранением собственной власти, сжимается, как шагреновая кожа.

Примечания

¹ В этой статье мы используем широкое и ненормативное определение коррупции, понимаемой как совокупность “практик, связанных с ненадлежащим использованием государственной должности (...) и приводящих к неоправданной личной выгоде” (*Blundo, Olivier de Sardan 2006c: 5–6*).

² Приблизительно тот же рейтинг дает *Mo Ibrahim Index of African Governance* (*Mo Ibrahim Foundation 2016*).

³ Колониальная власть была организована по-разному в сахаро-сахельской зоне Мавритании, Чада, Нигера и Мали, где было установлено своего рода косвенное управление *à la française*, и в южных районах тех же стран, в Буркина-Фасо и тем более в Сенегале, где с конца XIX в. граждане Четырех Коммун активно участвовали в местной политической жизни.

⁴ Пусть и недостаточно профессиональной, зачастую ангажированной и несвободной от тех же самых недостатков, которые она обличала.

⁵ Данные по Нигеру см.: *Tidjani Alou 2001*. Обзор сенегальской прессы за период 1974–2000 гг. выявил, что 60% статей о коррупции были опубликованы в 1990-е гг. См. *Blundo 2001c*.

⁶ Национальные конференции проходили в странах Сахеля, за исключением Буркина Фасо и Сенегала, с 1991 по 1993 гг.

⁷ Существуют исследования налоговых и таможенных служб (*Bako Arifari 2006, Dieye 2008*), правосудия (*Tidjani Alou 2006, Fomba 2014, Hamani 2014b*), здравоохранения (*Masquelier 2001, Jaffré, Olivier de Sardan 2003, Foley 2010, Nahonou 2015*), образования, государственных закупок (*Blundo 2001a, Blundo 2006c*), управления лесными и иными природными ресурсами (*Benjaminsen, Ba 2009*), земельной собственности в городах (*Choplin 2006*) и сельской местности (*Bouju 2009*), военизированных формирований (*Beek and Göpfert 2013, Blundo and Glasman 2013, Göpfert 2016b, Göpfert 2016a*), транспорта (*Cissokho 2017*).

⁸ За исключением Мавритании, где Контрольная палата была создана в 1992 г., в остальных государствах региона соответствующие органы были созданы между началом (Сенегал и Буркина Фасо, 2000 г.) и вторым десятилетием XXI в. (Нигер 2012, Чад 2015). До сих пор нет Контрольной палаты в Мали.

⁹ Широкое распространение бюджетной поддержки создало новые возможности для хищений, как показало “дело Министерства общего образования и распространения грамотности” (фр. MEBA), наделавшее шуму в Нигере в 2005 г., когда обнаружилась “дыра” почти в 5 млрд африканских франков, выделенных Министерству Евросоюзом (*Hamani 2014a: 16*).

¹⁰ Отметим, что хотя все государства Сахеля ратифицировали Конвенции ООН и Африканского Союза по борьбе с коррупцией, принятые в 2003 г., их кодификация в национальном законодательстве и инструменты имплементации вызывают вопросы (OCDE 2018). Что касается Протокола Экономического сообщества государств Западной Африки (CEDEAO) о демократии и хорошем управлении (который касается четырех из шести стран региона) хоть он и поддержан на бумаге Сетью национальных антикоррупционных институтов Западной Африки, но остается абсолютно бездейственным из-за отсутствия финансирования (*Badet et al. 2016: 20*).

¹¹ “Не парься” (волоф) – прим. перев.

¹² “Нам надоело” (фр) – прим. перев.

¹³ Представителем *Transparency International* в Нигере является Нигерийская ассоциация по борьбе с коррупцией (ANLC/ТИ), а в Мали – Информационно-аналитический центр по укреплению демократии.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

Banque Africaine de Développement 2015. *Problématique de la facilitation du transport en Afrique de l'Ouest et Plan d'actions*. Département des Transports du Développement Urbain et des TIC.

Banque Mondiale 2015. *Niger. Indicateurs de prestation de service 2015*. Rapport technique sur la santé. Services Delivery Indicators.

Chêne, M. 2014. *Overview of Corruption and Anti-Corruption in Chad*. *Anti-Corruption Helpdesk*. Berlin: Transparency International.

Management Systems International 2007. *Evaluation de la corruption au Sénégal*.

Mo Ibrahim Foundation 2016. *A Decade of African Governance 2006–2015. 2016 Ibrahim Index of African Governance*.

OCDE 2018. *Flux financiers illicites: L'économie du commerce illicite en Afrique de l'Ouest*. Paris: Éditions OCDE.

Ousmane, S. 1966. Le mandat. *Présence africaine*.

Научная литература

Atiwo K. Military-Inspired Anti-Bureaucratic Corruption Campaigns: An Appraisal of Niger's Experience // *Journal of Modern African Studies*. 1986. Vol. 24 (2): 285–301.

Arditi C. Du “prix de la kola” au détournement de l'aide internationale: clientélisme et corruption au Tchad (1900–1998) // *Monnayer les pouvoirs. Espaces, mécanismes et représentations de la corruption* / Ed. G. Blundo. Paris: PUF, 2000. P. 249–267.

Badet G., Damiba, L., Engueléguélé, S.B., Gaima, E., Iwuamadi, C.K. Ndiaye, S., Williams, S. 2016. Effectivité des agences nationales anti-corruption en Afrique de l'ouest. Bénin, Libéria, Niger, Nigéria, Sénégal, Sierra Leone. New York: Open Society Foundation.

Bako Arifari N. 2006. We don't Eat the Papers: Corruption in Transport, Customs and the Civil Forces // *Everyday Corruption and the State. Citizens and Public Officials in Africa* / Eds. G. Blundo, J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books, 2006. P. 177–224.

Bayart J.-F. L'Etat en Afrique. La politique du ventre. Paris: Fayard, 1989.

Beek J., Göpfert M. State Violence Specialists in West Africa // *Sociologus. Journal for Empirical Social Anthropology*. 2013. Vol. 63 (1–2). P. 103–124.

Benjaminsen T. A., Ba B. Farmer-herder conflicts, pastoral marginalisation and corruption: a case study from the inland Niger delta of Mali // *The Geographical Journal*. 2009. Vol. 175 (1). P. 71–81.

Bierschenk T. Sedimentation, Fragmentation and Normative Double-Binds in (West) African Public Services // *States at Work. Dynamics of African Bureaucracies* / Eds. T. Bierschenk, J. P. Olivier de Sardan. Leiden: Brill, 2014. P. 221–248.

Blundo G. Logiques de gestion publique dans la décentralisation sénégalaise: participation factionnelle et ubiquité réticulaire // *Bulletin de l'APAD*. 1998. n° 15. P. 21–47.

Blundo G. “Dessus de table”. La corruption dans la passation des marchés publics locaux au Sénégal // *Politique Africaine*. 2001. n° 83. P. 79–97.

Blundo G. La corruption comme mode de gouvernance locale: trois décennies de décentralisation au Sénégal // *Afrique Contemporaine*. 2001. n° 199. P. 106–118.

Blundo G. La corruption quotidienne au Sénégal // *La corruption au quotidien en Afrique de l'Ouest. Approche socio-anthropologique comparative: Bénin, Niger et Sénégal* / Eds. G. Blundo, J. P. Olivier de Sardan. Marseille: EHESS, IUED, IRD, 2001. P. 173–236.

Blundo G. Corruption in Africa and the social sciences: a review of the literature // *Everyday Corruption and the State. Citizens and Public Officials in Africa* / Eds. G. Blundo, J.-P. O. de Sardan. London: Zed Books, 2006. P. 15–68.

Blundo G. Dealing with the Local State: The Informal Privatization of Street-Level Bureaucracies in Senegal // *Development & Change*. 2006. Vol. 37 (4). P. 799–819.

Blundo G. An ordered corruption? The social world of public procurement // *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa* / Eds. G. Blundo, J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books, 2006. P. 225–262.

Blundo G. Hidden Acts, Open Talks. How Anthropology Can “Observe” and Describe Corruption / *Corruption and the Secret of Law. A Legal Anthropological Perspective* / Eds. G. Anders, M. Nuijten. Aldershot:

- Ashgate, 2007. P. 27–52.
- Blundo G.* Comme un ballon de foot. La gestion quotidienne des ressources humaines dans les services forestiers en Afrique de l'Ouest // *Auf dem Boden der Tatsachen. Festschrift für Thomas Bierschenk* / Eds. N. Schareika, E. Spies, P.-Y. L. Meur. Köln: Köppe Verlag, 2011. P. 377–94.
- Blundo G.* “Graisser la barbe”. La corruption en Mauritanie vue par ses élites Une anthropologie entre pouvoirs et histoire // *Conversations autour de l'œuvre de Jean-Pierre Chauveau* / Eds. E. Jul-Larsen, P.-J. Laurent, P.-Y. Le Meur, E. Léonard. Uppsala–Paris–Marseille: APAD–IRD–Karthala, 2011. P. 449–476.
- Blundo G.* Une administration à deux vitesses. Projets de développement et construction de l'Etat au Sahel. *Cahiers d'Etudes Africaines* 2011. Vol. LI 2–3 (202–203). P. 427–452.
- Blundo G.* Glocal integrity. Good governance brokers and the appropriation of transnational anti-corruption policies in Senegal // *Democracy at Large. NGOs, Political Foundations, Think Tanks and International Organizations* / Ed. B. Pétric. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2021. P. 25–48.
- Blundo G.* The King is not a kinsman. Multiple accountabilities and practical norms in West African bureaucracies // *Real Governance and Practical Norms in Sub-Saharan Africa. The game of the rules* / Eds. T. De Herdt, J. P. Olivier de Sardan. London: Routledge, 2015. P. 142–159.
- Blundo G.* La coproduction du retard. Anthropologie de l'aide budgétaire au Cameroun et au Niger. Marseille, Paris: Prospective & Coopération–AFD, 2015.
- Blundo G., Glasman J.* Introduction: Bureaucrats in Uniform // *Sociologus. Journal for Empirical Social Anthropology*. 2013 Vol. 63 (1–2). P. 1–9.
- Blundo G., Olivier de Sardan J.-P.* La corruption comme terrain. Pour une approche socioanthropologique // *Monnayer les pouvoirs. Espaces, mécanismes et représentations de la corruption* / Ed. G. Blundo. Genève, Paris: IUED, PUF, 2000.
- Blundo, G., and J.-P. Olivier de Sardan.* 2006a. Everyday corruption in West Africa. *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. G. Blundo and J.-P. O. de Sardan. London: Zed Books, 69–109.
- Blundo G., Olivier de Sardan J.-P.* The popular semiology of corruption. *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. London: Zed Books, 2006. P. 110–134.
- Blundo G., Olivier de Sardan J.-P.* Why should we study everyday corruption and how should we go about it? // *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. Eds. G. Blundo, J.-P. Olivier de Sardan. London: Zed Books, 2006. P. 3–14.
- Bouju J.* La malédiction, l'honneur et la spéculation. Principes historiques de la propriété foncière en Afrique de l'Ouest. *Bulletin de l'APAD*. 2009. n° 29–30.
- Brunschwig H.* Noirs et Blancs dans l'Afrique noire française. Paris: Flammarion, 1983.
- Cantens T., G. Raballand* “Une frontière très très longue, un peu difficile à vivre”: le Nord du Mali et ses frontières. *Recherches & documents*. Paris: Fondation pour la recherche stratégique, 2016.
- Choplin A.* Le foncier urbain en Afrique: entre informel et rationnel, l'exemple de Nouakchott (Mauritanie) // *Annales de Géographie*. 2006. Vol. 647: 69–91.
- Cissokho S.* Petits échanges entre amis. Remarques sur l'ambivalence des rapports routiniers entre fonctionnaires et usagers au Sénégal // *Revue française de science politique*. 2017. Vol. 67 (4). P. 631–651.
- Damiba L.* Les “entreprises” anti-corruption au Burkina Faso. Trajectoires, représentations et conflits. Master en études du développement. Genève: Université de Genève, 2008.
- de Maria B. 2008. Neo-colonialism through measurement: a critique of the corruption perception index // *Critical Perspectives on International Business*. 2008. Vol. 4 (2–3). P. 184–202.
- Debos M.* La guerre des préfets. Répression, clientélisme et illégalismes d'État dans l'entre-guerres tchadien // *Politix*. 2013. n° 4 (104). P. 47–65.
- Dieng M.* La contribution des jeunes à l'alternance politique au Sénégal: Le rôle de Bul faale et de Y'en a marre // *African Sociological Review / Revue Africaine de Sociologie*. 2015. Vol. 19 (2). P. 75–95.

- Dieye Ch. T.* Les trajectoires de la corruption bureaucratique au Sénégal. Le cas des douanes. Thèse de doctorat en Etudes du développement, Institut des Hautes Etudes Internationales et du Développement, 2008.
- Diouf M.* Fresques murales et écriture de l'histoire. Le Set/Setal à Dakar // *Politique Africaine*. 1992. Vol. 46: 41–54.
- Djallil L. Dr.* Al Qaida au Maghreb Islamique et le trafic de drogue au Sahel // *Maghreb – Machrek*. 2013. n°2 (216). P. 111–128.
- Fatton R.* Clientelism and patronage in Senegal // *African Studies Review*. 1986. Vol. 29 (4). P. 61–78.
- Fay C.* La démocratie au Mali, ou le pouvoir en pâture. *Cahiers d'Etudes Africaines*. 1995. Vol. XXXV–1 (137). P. 19–53.
- Foley E. E.* *Your Pocket is What Cures You: The Politics of Health in Senegal*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2010.
- Fomba M.* Les magistrats de terrain au Mali. Entre sollicitations et stratégies institutionnelles d'évitement // *Afrique Contemporaine*. 2014. n° 250. P. 84–85.
- Göpfert, M.* Repairing the law: The search for justice in the Nigerien gendarmerie // *Theoretical Criminology*. 2016. Vol. 20 (4). P. 446–461.
- Göpfert M.* Surveillance in Niger: Gendarmes and the Problem of “Seeing Things” // *African Studies Review*. 2016. Vol. 59 (2). P. 39–57.
- Grégoire E.* Les chasses du prince Bandar // *Autrepart*. 2000. n° 16. P. 87–97.
- Gueye M.* Justice indigène et assimilation // *AOF: réalités et héritages. Sociétés ouest africaines et ordre colonial, 1895–1960* // Eds. C. Becker, S. Mbaye, I. Thioub. Dakar: Direction des Archives du Sénégal, 1997. n°1. P. 153–169.
- Hagberg S., Kibora L., Barry S., Gnessi S., Konkobo A.* Transformations sociopolitiques burkinabè de 2014 à 2016. Perspectives anthropologiques des pratiques politiques et de la culture démocratique dans “un Burkina Faso nouveau”. Uppsala: Uppsala Universitet, 2017.
- Hagberg S., Kibora L., Ouattara F., Konkobo A.* 2015. Au coeur de la révolution burkinabé // *Anthropologie & développement*. 2015. n° 42. P. 199–224.
- Hahonou E. K.* Juggling with the norms. Informal payment and everyday governance of healthcare facilities in Niger // *Real Governance and Practical Norms in Sub-Saharan Africa. The Game of the Rules* / Eds. T. De Herdt, J. P. Olivier de Sardan. London, New York: Routledge, 2015. P. 123–141.
- Hahonou E. K.* Corruption, Insecurity and Border Control in Niger // *DIIS Policy Brief*, 2016.
- Hamani O.* Etude des dispositifs d'aide financière. Le cas du Niger. Marseille: Prospective et Coopération, 2014.
- Hamani O.* “We make do and keep going”. Inventive Practices and Ordered Informality in the Functioning of the District Courts in Niamey and Zinder (Niger) // *States at Work. Dynamics of African Bureaucracies* / Eds. T. Bierschenk, J. P. Olivier de Sardan. Leiden: Brill, 2014. P. 145–173.
- Harman S. A.* *Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region: Corruption, Contraband, Jihad and the Mali War of 2012–2013*. Farnham: Ashgate, 2014.
- Harsch E.* Accumulators and Democrats: Challenging State Corruption in Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 1993. Vol. 31 (1). P. 31–48.
- Jacob J.-P.* Introduction à la thématique des rapports entre corruption et sociétés anciennes. Les particularités du tiers inclus // *Morale et corruption dans les sociétés anciennes du Burkina (Bobo, Moaga, San et Winyé)*. Collectif. Ouagadougou: REN–LAC, 2001.
- Jaffré Y., Olivier de Sardan J.-P.* (Eds.). *Une médecine inhospitalière. Les difficiles relations entre soignants et soignés dans cinq capitales d'Afrique de l'Ouest*. Paris: Karthala, 2003.
- Lange M.-F.* Insoumission civile et défaillance étatique: les contradictions du processus démocratique malien // *Autrepart*. 1999. n° 10. P. 117–34.
- Lavigne Delville Ph., Abdelkader A.* A cheval donné, on ne regarde pas les dents. Les mécanismes et les impacts

- de l'aide vus par des praticiens nigériens. LASDEL. Etudes et Travaux, 2010. n° 83.
- Legros O.* Les tendances du jeu politique à Yeumbeul (banlieue est de Dakar) depuis "l'alternance" // Politique africaine. 2004. Vol. 96 (4). P. 59–77.
- Magrin G.* Rentes, territoire et développement. Que tout change pour que rien ne change? // Bulletin de l'Association de géographes français. 2010. Vol. 87 (1): 56–68.
- Masquelier A.* Behind the dispensary's prosperous facade: Imagining the state in rural Niger // Public Culture. 2001. Vol. 13 (2). P. 267–291.
- Mathieu M.* Projets de développement et corruption. Prédilections et effets d'entraînement // Monnayer les pouvoirs. Espaces, mécanismes et représentations de la corruption / Ed. G. Blundo. Genève, Paris: IUED, PUF, 2000. P. 123–155.
- Mathieu M.* La lutte contre la corruption au Bénin, au Niger et au Sénégal. Etat et corruption en Afrique. Une anthropologie comparative des relations entre fonctionnaires et usagers (Bénin, Niger, Sénégal) / Eds. G. Blundo, J. P. Olivier de Sardan. Paris: APAD–Karthala, 2007. P. 317–346.
- Mathieu M.* "Une république autonome". La corruption au quotidien dans un programme de coopération au développement au Sénégal // Etat et corruption en Afrique. Une anthropologie comparative des relations entre fonctionnaires et usagers (Bénin, Niger, Sénégal) / Ed. G. Blundo, J. P. Olivier de Sardan. Paris: APAD–Karthala, 2007. P. 285–315.
- Nugent P.* States and Social Contracts in Africa // New Left Review. 2010. Vol. 63. P. 35–68.
- Olivier de Sardan J. P.* Les sociétés songhay-zarma (chefs, guerriers, esclaves, paysans...). Paris: Karthala, 1984.
- Olivier de Sardan J. P.* A moral economy of corruption in Africa // Journal of Modern African Studies. 1999. Vol. 37. P. 25–52.
- Olivier de Sardan J. P.* Etat, bureaucratie et gouvernance en Afrique de l'Ouest francophone. Un diagnostic empirique, une perspective historique // Politique Africaine. 2004. Vol. 96. P. 139–162.
- Olivier de Sardan J. P.* (Ed.) Elections au village. Une ethnographie de la culture électorale au Niger. Paris: Karthala, 2015.
- Olivier de Sardan J. P.* Rivalries of proximity beyond the household in Niger: political elites and the baab-izey pattern // Africa. 2017. Vol. 87 (1). P. 120–136.
- Olivier de Sardan, J.-P., Tidjani Alou M.* (Eds.). Les pouvoirs locaux au Niger. Tome 1: A la veille de la décentralisation. Paris: Codesria–Karthala, 2009.
- Ould Ahmed Salem Z.* "Tcheb-tchib" et compagnie. Lexique de la survie et figures de la réussite en Mauritanie // Politique Africaine. 2001. Vol. 82. P. 78–100.
- Ould Cheikh A. W.* La science au(x) miroir(s) du prince. Savoir et pouvoir dans l'espace arabo-musulman d'hier et d'aujourd'hui // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. 2002. Vol. 101–102. P. 129–155.
- Ridde V.* Réflexions sur les per diem dans les projets de développement en Afrique // Bulletin de l'APAD. 2012. Vol. 34–36.
- Samuel B.* Calcul macroéconomique et modes de gouvernement: les cas de la Mauritanie et du Burkina Faso // Politique Africaine. 2011. Vol. 124. P. 101–126.
- Sarassoro H.* La corruption et l'enrichissement sans cause en Afrique aujourd'hui // Afrique Contemporaine. 1990. Vol. 4 (156). P. 195–206.
- Smith D. J.* Patronage, per diems and the "workshop mentality": The practice of family planning programs in southeastern Nigeria // World Development. 2003. Vol. 31 (4). P. 703–715.
- Smith M. G.* Historical and Cultural Conditions of Political Corruption among the Hausa // Comparative Studies in Society and History. 1964. Vol. 6 (2). P. 164–194.
- Sounaye A.* Islam et modernité. Contribution à l'analyse de la ré-islamisation au Niger. Paris: L'Harmattan, 2016.
- Tidjani Alou M.* La corruption quotidienne au Niger // La Corruption au quotidien en Afrique de l'Ouest. Ap-

proche socio-anthropologique comparative: Bénin, Niger et Sénégal / Eds. G. Blundo, J.-P. Olivier de Sardan. Marseille: EHESS, IUED, IRD, 2001. P. 109–171.

Tidjani Alou M. Corruption in the legal system // Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa // Eds. G. Blundo, J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books, 2006. P. 137–176.

Touquet C. Quand la colonisation perpétua les rapports de pouvoir propres aux sociétés de cour // L'Homme et la société. 2010. Vol. 1 (175). P. 39–56.

Vari-Lavoisier I. The Circulation of Monies and Ideas between Paris, Dakar, and New York: The Impact of Remittances on Corruption. Center for Migration and Development Working Paper Series. 2014. Vol. 50.

Verschave F.-X. La Françafrique. Le plus long scandale de la République. Paris: Stock, 1998.

Verschave F.-X. Noir silence. Qui arrêtera la Françafrique? Paris: Les Arènes, 2000.

Winters M. S., Gould J.A. 2011. Betting on oil: The World Bank's Attempt to Promote Accountability in Chad // Global Governance. 2011. Vo. 17 (2). P. 229–245.

Research Article

Blundo, G. Corruption and the State in the Sahel [Korruptsiia i gosudarstvo v Sakhele]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 97-120 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/97-120>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Giorgio Blundo | https://orcid.org/***** | giorgio.blundo@ehess.fr | CNRS, Centre Norbert Elias, 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France

Keywords

Sahel, corruption, state, bureaucracy, clientelism, good governance, international aid donors, social movements

Abstract

Starting in the early 2000s, new means of measurement produced by the international anticorruption industry cast a rather unflattering light on the Sahelian countries, stigmatizing them for their lack of public integrity. In 2016 the best known of these tools, Transparency International's "Corruption Perception Index" ranked all Sahelian countries, excepting (barely) Senegal, as states with systemic corruption (a score lower than 43). Perceptions vary from country to country: Senegal and Burkina Faso are reputedly less corrupt than Mali and Niger; these two are, in turn, more virtuous than Mauritania, and even more so than Chad. These approaches, purely quantitative and decontextualized, shed little light on how corruption is socially and culturally embedded in everyday life. In contrast, this article is based on qualitative empirical studies and on the author's own research in Niger, Senegal, and Mauritania.

References

Amuwo, K. 1986. Military-Inspired Anti-Bureaucratic Corruption Campaigns: An Appraisal of Niger's Experience. *Journal of Modern African Studies* 24(2): 285–301.

Arditi, C. 2000. Du "prix de la kola" au détournement de l'aide internationale: clientélisme et corruption au Tchad (1900–1998) [From the "price of cola" to the misappropriation of international aid: patronage and corruption in Chad (1900–1998)]. *Monnayer les pouvoirs. Espaces, mécanismes et représentations de la corruption*. G. Blundo (ed.), Paris: PUF. 9: 249–267.

Badet, G., L. Damiba, S. B. Engueléguélé, E. Gaima, C. K. Iwuamadi, S. Ndiaye, and S. Williams. 2016. *Efficacité des agences nationales anti-corruption en Afrique de l'ouest. Bénin, Libéria, Niger, Nigéria, Sénégal, Sierra Leone*. [Effectiveness of national anti-corruption agencies in West Africa. Benin, Liberia, Niger, Nigeria, Senegal, Sierra Leone] New York: Open Society Foundation.

- Bako Arifari, N. 2006. We don't Eat the Papers: Corruption in Transport, Customs and the Civil Forces. *Everyday Corruption and the State. Citizens and Public Officials in Africa*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books: 177–224.
- Bayart, J.-F. 1989. *L'Etat en Afrique. La politique du ventre*. [The State in Africa. The politics of the belly] Paris: Fayard.
- Beek, J. and M. Göpfert. 2013. State Violence Specialists in West Africa. *Sociologus. Journal for Empirical Social Anthropology* 63 (1–2): 103–124.
- Benjaminsen, T. A. and B. Ba. 2009. Farmer-herder conflicts, pastoral marginalisation and corruption: a case study from the inland Niger delta of Mali. *The Geographical Journal* 175 (1): 71–81.
- Bierschenk, T. 2014. Sedimentation, Fragmentation and Normative Double-Binds in (West) African Public Services. *States at Work. Dynamics of African Bureaucracies*. T. Bierschenk and J. P. Olivier de Sardan. Leiden: Brill, 221–248.
- Blundo, G. 1998. Logiques de gestion publique dans la décentralisation sénégalaise : participation factionnelle et ubiquité réticulaire [Public management logics in Senegalese decentralization: factional participation and reticular ubiquity] *Bulletin de l'APAD* 15: 21–47.
- Blundo, G. 2001a. “Dessus de table”. La corruption dans la passation des marchés publics locaux au Sénégal. [“Under the table”. Daily corruption in local public procurement in Senegal] *Politique Africaine* 83: 79–97.
- Blundo, G. 2001b. La corruption comme mode de gouvernance locale: trois décennies de décentralisation au Sénégal [Corruption as a mode of local governance: three decades of decentralization in Senegal]. *Afrique Contemporaine* 199: 106–118.
- Blundo, G. 2001c. La corruption quotidienne au Sénégal [Daily corruption in Senegal]. *La corruption au quotidien en Afrique de l'Ouest. Approche socio-anthropologique comparative: Bénin, Niger et Sénégal*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. Marseille: EHESS, IUED, IRD, 173–236.
- Blundo, G. 2006a. Corruption in Africa and the social sciences: a review of the literature [Corruption in Africa and the social sciences: a review of the literature]. *Everyday Corruption and the State. Citizens and Public Officials in Africa*. G. Blundo and J.-P. O. d. Sardan. London: Zed Books, 15–68.
- Blundo, G. 2006b. Dealing with the Local State: The Informal Privatization of Street-Level Bureaucracies in Senegal. *Development & Change* 37(4): 799–819.
- Blundo, G. 2006c. An ordered corruption? The social world of public procurement. *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books, 225–262.
- Blundo, G. 2007. Hidden Acts, Open Talks. How Anthropology Can “Observe” and Describe Corruption. *Corruption and the Secret of Law. A Legal Anthropological Perspective*. G. Anders and M. Nuijten. Aldershot: Ashgate, 27–52.
- Blundo, G. 2011a. Comme un ballon de foot. La gestion quotidienne des ressources humaines dans les services forestiers en Afrique de l'Ouest [Like a soccer ball. The daily management of human resources in forestry services in West Africa]. *Auf dem Boden der Tatsachen. Festschrift für Thomas Bierschenk*. N. Schareika, E. Spies and P.-Y. L. Meur. Köln: Köppe Verlag, 377–94.
- Blundo, G. 2011b. “Graisser la barbe”. La corruption en Mauritanie vue par ses élites Une anthropologie entre pouvoirs et histoire [“Grease the beard”. Corruption in Mauritania seen by its elites An anthropology between powers and history]. *Conversations autour de l'œuvre de Jean-Pierre Chauveau*. E. Jul-Larsen, P.-J. Laurent, P.-Y. Le Meur and E. Léonard. Uppsala–Paris–Marseille: APAD–IRD–Karthala, 449–476.
- Blundo, G. 2011c. Une administration à deux vitesses. Projets de développement et construction de l'Etat au Sahel [Two-tier administration. Development projects and state building in the Sahel]. *Cahiers d'Etudes Africaines* LI 2–3 (202–203): 427–452.
- Blundo, G. 2012. Glocal integrity. Good governance brokers and the appropriation of transnational anti-corruption policies in Senegal. *Democracy at Large. NGOs, Political Foundations, Think Tanks and International Organizations*. B. Pétric. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 25–48.

- Blundo, G. 2015a. The King is not a kinsman. Multiple accountabilities and practical norms in West African bureaucracies. *Real Governance and Practical Norms in Sub-Saharan Africa. The game of the rules*. T. De Herdt and J. P. Olivier de Sardan. London: Routledge, 142–159.
- Blundo, G. 2015b. *La coproduction du retard. Anthropologie de l'aide budgétaire au Cameroun et au Niger* [The co-production of the delay. Anthropology of budget aid in Cameroon and Niger.]. Marseille, Paris: Prospective & Coopération – AFD.
- Blundo, G. and J. Glasman 2013. Introduction: Bureaucrats in Uniform. *Sociologus. Journal for Empirical Social Anthropology* 63(1–2): 1–9.
- Blundo, G., and J.-P. Olivier de Sardan, 2000. La corruption comme terrain. Pour une approche socioanthropologique [Corruption as a field. For a socio-anthropological approach]. *Monnayer les pouvoirs. Espaces, mécanismes et représentations de la corruption*. G. Blundo. Genève, Paris: IUED, PUF.
- Blundo, G., and J.-P. Olivier de Sardan. 2006a. Everyday corruption in West Africa. *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. G. Blundo and J.-P. O. d. Sardan. London: Zed Books, 69–109.
- Blundo, G., and J.-P. Olivier de Sardan 2006b. The popular semiology of corruption. *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books, 110–134.
- Blundo, G., and J.-P. Olivier de Sardan 2006c. Why should we study everyday corruption and how should we go about it? *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. G. Blundo and J.-P. O. d. Sardan. London: Zed Books, 3–14.
- Bouju, J. 2009. La malédiction, l'honneur et la spéculation. Principes historiques de la propriété foncière en Afrique de l'Ouest [The curse, honor and speculation. Historical principles of land ownership in West Africa]. *Bulletin de l'APAD* 29–30.
- Brunschwig, H. 1983. *Noirs et Blancs dans l'Afrique noire française* [Blacks and Whites in French Black Africa]. Paris: Flammarion.
- Cantens, T. and G. Raballand 2016. “Une frontière très très longue, un peu difficile à vivre”: le Nord du Mali et ses frontières. *Recherches et documents* [“A very very long border, a little difficult to live with”: the North of Mali and its borders. Research and documents]. Paris: Fondation pour la recherche stratégique.
- Choplin, A. 2006. Le foncier urbain en Afrique: entre informel et rationnel, l'exemple de Nouakchott (Mauritanie) [Urban Land in Africa between the Informal and the Rational: The Case of Nouakchott (Mauritania)]. *Annales de Géographie* 647: 69–91.
- Cissokho, S. 2017. Petits échanges entre amis. Remarques sur l'ambivalence des rapports routiniers entre fonctionnaires et usagers au Sénégal [Little exchanges between friends. Remarks on the ambivalence of routine relationships between officials and service users in Senegal]. *Revue française de science politique* 67(4): 631–651.
- Damiba, L. 2008. *Les “entreprises” anti-corruption au Burkina Faso. Trajectoires, représentations et conflits* [Anti-corruption “companies” in Burkina Faso. Trajectories, representations and conflicts]. Master en études du développement, Université de Genève.
- de Maria, B. 2008) Neo-colonialism through measurement: a critique of the corruption perception index. *Critical Perspectives on International Business* 4(2–3): 184–202.
- Debos, M. 2013. La guerre des préfets. Répression, clientélisme et illégalismes d'État dans l'entre-guerres tchadien [The Prefects' War Repression, Clientelism, and Illegal State Practices during the Interwar Period in Chad]. *Politix* 4(104): 47–65.
- Dieng, M. 2015. La contribution des jeunes à l'alternance politique au Sénégal : Le rôle de Bul faale et de Y'en a marre [The contribution of young people to political alternation in Senegal: the Role of Bul faale and Y'en a marre]. *African Sociological Review / Revue Africaine de Sociologie* 19(2): 75–95.
- Dieye, Ch. T. 2008. *Les trajectoires de la corruption bureaucratique au Sénégal. Le cas des douanes* [Trajectories of bureaucratic corruption in Senegal. The case of customs]. Thèse de doctorat en Etudes du développement, Institut des Hautes Etudes Internationales et du Développement.

- Diouf, M. 1992. Fresques murales et écriture de l'histoire. Le Set/Setal à Dakar [Mural frescoes and writing of history. The Set/Setal in Dakar]. *Politique Africaine* 46: 41–54.
- Djallil, L. Dr. 2013. Al Qaida au Maghreb Islamique et le trafic de drogue au Sahel [Al Qaida in the Islamic Maghreb and drug trafficking in the Sahel]. *Maghreb – Machrek* 2(216): 111–128.
- Fatton, R. 1986. Clientelism and patronage in Senegal. *African Studies Review* 29(4): 61–78.
- Fay, C. 1995. La démocratie au Mali, ou le pouvoir en pâture [Democracy in Mali, or grazing power]. *Cahiers d'Etudes Africaines* XXXV–1(137): 19–53.
- Foley, E. E. 2010. *Your Pocket is What Cures You: The Politics of Health in Senegal*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Fomba, M. 2014. Les magistrats de terrain au Mali. Entre sollicitations et stratégies institutionnelles d'évitement [Field magistrates in Mali. Between solicitations and institutional avoidance strategies]. *Afrique Contemporaine* 250: 84–85.
- Göpfert, M. 2016a. Repairing the law: The search for justice in the Nigerien gendarmerie. *Theoretical Criminology* 20(4): 446–461.
- Göpfert, M. 2016b. Surveillance in Niger: Gendarmes and the Problem of “Seeing Things”. *African Studies Review* 59(2): 39–57.
- Grégoire, E. 2000. Les chasses du prince Bandar [Prince Bandar's hunts]. *Autrepart* 16: 87–97.
- Gueye, M. 1997. Justice indigène et assimilation [Indigenous justice and assimilation]. *AOF : réalités et héritages. Sociétés ouest africaines et ordre colonial, 1895–1960*. C. Becker, S. Mbaye and I. Thioub. Dakar: Direction des Archives du Sénégal. 1: 153–169.
- Hagberg, S., L. Kibora, S. Barry, S. Gnessi and A. Konkobo 2017. *Transformations sociopolitiques burkinabè de 2014 à 2016. Perspectives anthropologiques des pratiques politiques et de la culture démocratique dans “un Burkina Faso nouveau”* [Burkinabè socio-political transformations from 2014 to 2016. Anthropological perspectives of political practices and democratic culture in “a new Burkina Faso”]. Uppsala: Uppsala Universitet.
- Hagberg, S., L. Kibora, F. Ouattara and A. Konkobo 2015. Au coeur de la révolution burkinabé [At the heart of the Burkinabè revolution]. *Anthropologie & développement* 42: 199–224.
- Hahonou, E. K. 2015. Juggling with the norms. Informal payment and everyday governance of healthcare facilities in Niger. *Real Governance and Practical Norms in Sub-Saharan Africa. The Game of the Rules*. T. De Herdt and J. P. Olivier de Sardan. London, New York: Routledge, 123–141.
- Hahonou, E. K. 2016. *Corruption, Insecurity and Border Control in Niger*. DIIS Policy Brief.
- Hamani, O. 2014a. *Etude des dispositifs d'aide financière. Le cas du Niger* [Study of financial aid mechanisms. The case of Niger]. Marseille: Prospective et Coopération.
- Hamani, O. 2014b. “We make do and keep going”. Inventive Practices and Ordered Informality in the Functioning of the District Courts in Niamey and Zinder (Niger). *States at Work. Dynamics of African Bureaucracies*. T. Bierschenk and J. P. Olivier de Sardan. Leiden: Brill, 145–173.
- Harman, S. A. 2014. *Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region: Corruption, Contraband, Jihad and the Mali War of 2012–2013*. Farnham: Ashgate.
- Harsch, E. 1993. Accumulators and Democrats: Challenging State Corruption in Africa. *The Journal of Modern African Studies* 31(1): 31–48.
- Jacob, J.-P. 2001. Introduction à la thématique des rapports entre corruption et sociétés anciennes. Les particularités du tiers inclus [Introduction to the theme of the relationship between corruption and ancient societies. The peculiarities of the included third party]. *Morale et corruption dans les sociétés anciennes du Burkina (Bobo, Moaga, San et Winyé)*. Collectif. Ouagadougou: REN–LAC.
- Jaffré, Y. and J.-P. Olivier de Sardan, eds. 2003. *Une médecine inhospitalière. Les difficiles relations entre soignants et soignés dans cinq capitales d'Afrique de l'Ouest* [Inhospitable medicine. Difficult relations between caregivers and patients in five West African capitals]. Paris: Karthala.

- Lange, M.-F. 1999. Insoumission civile et défaillance étatique: les contradictions du processus démocratique malien [Civil rebellion and state failure: the contradictions of the Malian democratic process.]. *Autrepart* 10: 117–34.
- Lavigne Delville, Ph. and A. Abdelkader 2010. A cheval donné, on ne regarde pas les dents. Les mécanismes et les impacts de l'aide vus par des praticiens nigériens [On a given horse, we do not look at the teeth. The mechanisms and impacts of aid as seen by Nigerien practitioners]. LASDEL. *Etudes et Travaux*, 83: 113 p.
- Legros, O. 2004. Les tendances du jeu politique à Yeumbeul (banlieue est de Dakar) depuis l'“alternance” [Post-electoral political developments in Yeumbeul (eastern suburb of Dakar)]. *Politique africaine* 96(4): 59–77.
- Magrin, G. 2010. Rentes, territoire et développement. Que tout change pour que rien ne change? [Rents, territory and development. Let everything changes so that nothing changes?] *Bulletin de l'Association de géographes français* 87(1): 56–68.
- Masquelier, A. 2001. Behind the dispensary's prosperous facade: Imagining the state in rural Niger. *Public Culture* 13(2): 267–291.
- Mathieu, M. 2000. Projets de développement et corruption. Prédilections et effets d'entraînement [Development projects and corruption. Predispositions and training effects]. *Monnayer les pouvoirs. Espaces, mécanismes et représentations de la corruption*. G. Blundo. Genève, Paris: IUED, PUF: 123–155.
- Mathieu, M. 2007a. La lutte contre la corruption au Bénin, au Niger et au Sénégal [The fight against corruption in Benin, Niger and Senegal]. *Etat et corruption en Afrique. Une anthropologie comparative des relations entre fonctionnaires et usagers (Bénin, Niger, Sénégal)*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. Paris: APAD–Karthala, 317–346.
- Mathieu, M. 2007b. “Une république autonome”. La corruption au quotidien dans un programme de coopération au développement au Sénégal [“An autonomous republic”. Daily corruption in a development cooperation program in Senegal]. *Etat et corruption en Afrique. Une anthropologie comparative des relations entre fonctionnaires et usagers (Bénin, Niger, Sénégal)*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. Paris: APAD–Karthala: 285–315.
- Nugent, P. 2010. States and Social Contracts in Africa. *New Left Review* 63: 35–68.
- Olivier de Sardan, J. P. 1984. *Les sociétés songhay-zarma (chefs, guerriers, esclaves, paysans...)* [Songhay-Zarma societies (chiefs, warriors, slaves, peasants ...)]. Paris: Karthala.
- Olivier de Sardan, J. P. 1999. A moral economy of corruption in Africa. *Journal of Modern African Studies* 37: 25–52.
- Olivier de Sardan, J. P. 2004. Etat, bureaucratie et gouvernance en Afrique de l'Ouest francophone. Un diagnostic empirique, une perspective historique [State, bureaucracy, and governance in French-speaking West Africa. An empirical diagnostic: A historical perspective]. *Politique Africaine* 96: 139–162.
- Olivier de Sardan, J. P., Ed. 2015. *Elections au village. Une ethnographie de la culture électorale au Niger* [Elections in the village. An ethnography of electoral culture in Niger]. Paris: Karthala.
- Olivier de Sardan, J. P. 2017. Rivalries of proximity beyond the household in Niger: political elites and the baabizey pattern. *Africa* 87(1): 120–136.
- Olivier de Sardan, J.-P. and M. Tidjani Alou, Eds. 2009. *Les pouvoirs locaux au Niger. Tome 1: A la veille de la décentralization* [Local authorities in Niger. Vol. 1 On the eve of decentralization]. Paris: Codesria–Karthala.
- Ould Ahmed Salem, Z. 2001. “Tcheb-tchib” et compagnie. Lexique de la survie et figures de la réussite en Mauritanie [“Tcheb-tchib” and company. Glossary of survival and figures of success in Mauritania]. *Politique Africaine* 82: 78–100.
- Ould Cheikh, A. W. 2003. La science au(x) miroir(s) du prince. Savoir et pouvoir dans l'espace arabo-musulman d'hier et d'aujourd'hui [Science in the mirror (s) of the prince. Knowledge and power in the Arab-Muslim space yesterday and today]. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée* 101–102: 129–155.
- Ridde, V. 2012. Réflexions sur les per diem dans les projets de développement en Afrique [Reflections on per diems in development projects in Africa]. *Bulletin de l'APAD* 34–36.

- Samuel, B. 2011. Calcul macroéconomique et modes de gouvernement : les cas de la Mauritanie et du Burkina Faso [Macroeconomic calculation and modes of government: the cases of Mauritania and Burkina Faso]. *Politique Africaine* 124: 101–126.
- Sarassoro, H. 1990. La corruption et l'enrichissement sans cause en Afrique aujourd'hui [Corruption and unjust enrichment in Africa today]. *Afrique Contemporaine* 4(156): 195–206.
- Smith, D. J. 2003. Patronage, per diems and the “workshop mentality”: The practice of family planning programs in southeastern Nigeria. *World Development* 31(4): 703–715.
- Smith, M. G. 1964. Historical and Cultural Conditions of Political Corruption among the Hausa. *Comparative Studies in Society and History* 6(2): 164–194.
- Sounaye, A. 2016. *Islam et modernité. Contribution à l'analyse de la ré-islamisation au Niger* [Islam and modernity. Contribution to the analysis of re-Islamization in Niger]. Paris: L'Harmattan.
- Tidjani Alou, M. 2001. La corruption quotidienne au Niger [Daily Corruption in Niger]. *La Corruption au quotidien en Afrique de l'Ouest. Approche socio-anthropologique comparative: Bénin, Niger et Sénégal*. G. Blundo and J.-P. Olivier de Sardan. Marseille: EHESS, IUED, IRD, 109–171.
- Tidjani Alou, M. 2006. Corruption in the legal system. *Everyday corruption and the State. Citizens and public officials in Africa*. G. Blundo and J. P. Olivier de Sardan. London: Zed Books. 137–176.
- Touquet, C. 2010. Quand la colonisation perpétua les rapports de pouvoir propres aux sociétés de cour [When Colonization Perpetuates the Power Relationships Specific to Court Societies]. *L'Homme et la société* 1(175): 39–56.
- Vari-Lavoisier, I. 2014. *The Circulation of Monies and Ideas between Paris, Dakar, and New York: The Impact of Remittances on Corruption*. Center for Migration and Development Working Paper Series: 50.
- Verschave, F.-X. 1998. *La Françafrique. Le plus long scandale de la République* [Françafrique. The Republic's longest scandal]. Paris: Stock.
- Verschave, F.-X. 2000. *Noir silence. Qui arrêtera la Françafrique* [Black silence. Who will stop Françafrique]? Paris: Les Arènes.
- Winters, M. S. and J. A. Gould 2011. Betting on oil: The World Bank's Attempt to Promote Accountability in Chad. *Global Governance* 17(2): 229–245.

© А. Марсьяль

АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОИСХОЖДЕНИИ. ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА В ДОКУМЕНТАХ СЛУЖБЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ (ФРАНЦИЯ, 1995–2015 гг.)

Ключевые слова: родство, анонимные роды, отказ от ребенка, усыновление, происхождение, архивы

На основе исследования, проведенного в архивах французской Службы защиты детей, мы проанализируем письменные и материальные “следы” биологических родителей, сохраняемые в делах детей-отказников или детей, рожденных анонимными матерями. Административные бумаги, письма, фотографии или вещи рассказывают об отношениях, связанных с рождением, их месте в жизни приемных детей и их новых семей, проливая свет на новое явление множественного родительства.

6 июля 1995 г. в 14:00 в Монрее родился мальчик, Тома Антони. Свидетельство выписано 7 июля на основании заявления больничного служащего Жака Лелу, зарегистрированного по адресу [адрес роддома], подписавшего после прочтения в нашем присутствии настоящий акт.

Эти вымышленные строки могли бы стоять в выписанном чиновником службы гражданских регистраций свидетельстве о рождении ребенка, появившегося на свет в результате анонимных родов. Они описывают странную ситуацию: ребенок как будто родился сам по себе, без чьего-либо участия. Если отсутствие записи об отце – вещь достаточно распространенная, то прочерк в графе “мать” встречается лишь в редчайших случаях: согласно французскому законодательству, установление личности матери производится на основании самого факта родов, и ее имя автоматически вносится в свидетельство о рождении¹, если только роженица не поступила в родильное отделение без документов и не отказывается назвать себя². В подобных случаях акт гражданского состояния фиксирует разрыв двух событий: ребенок родился, но никакая женщина его не родила (*Lefaucheur* 2001: 151). Однако существует все же документ, хранящий

Аньес Марсьяль | <https://orcid.org/0000-0001-9170-6225> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité, 13002, Marseille, France | agnes.martial@univ-amu.fr

Исследование финансируется в рамках программы Национального исследовательского агентства Франции (ANR), проект №ANR-18-CE26-0012, 2018–2021 гг.

Статья впервые опубликована в журнале “*Ethnologie française*”, 2020, 2 (178): 285–298. На русском языке публикуется с согласия автора и редакции журнала.

Для цитирования: А. Марсьяль. Архивные свидетельства о происхождении. Письменные и вещественные следы биологического родства в документах службы защиты детей (Франция, 1995–2015 гг.). // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 121-137. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/121-137>.

кое-какие следы. Это протокол Службы защиты детей (*Aide sociale à l'enfance* – ASE), заполняемый в первые дни жизни ребенка и помещаемый в его дело, иногда вместе с какими-то записками, фотографиями или даже предметами. Нас интересуют в данном случае именно эти следы, свидетельства первых часов и дней пребывания ребенка на земле, которые порой могут пролить свет на существование той или тех, кто дал ему жизнь. Их обнаружение часто становится первым этапом поисков, на которые пускаются усыновленные или дети неизвестных родителей в стремлении найти свои “личные истоки”.

С 2002 г. во Франции такие поиски разрешены законом, который признает отныне, что человек, рожденный анонимно, может однажды пожелать узнать, кто та женщина, что дала ему жизнь, и познакомиться с ней. Таким образом, закон создает возможность установления личных отношений между биологической матерью и ее ребенком, хотя и не порождает для них никаких дополнительных прав или обязанностей, ибо с юридической точки зрения у ребенка может быть только одна пара родителей – в данном случае его приемных родителей. Такие отношения, связанные с биологическим родством, вдвойне необычны: будучи результатом зачатия, т.е. основанные на “природе”, считающейся наиболее мощной метафорой родства в наших обществах (*Schneider* 1968), они, прежде всего, не имеют никакого легального статуса. Кроме того, они являются “виртуальными”, но могут быть (хотя и не обязательно) использованы для самоидентификации: лишь часть потенциально имеющих такую возможность лиц действительно предпринимают попытку найти свои “корни”. Таким образом, родство может проявляться не только как юридическая связь или как образ действий, выражающийся в заботе о своем ребенке, но и как скрытые, неопределенные или второстепенные отношения. Ниже мы представим результаты первого этапа исследования таких отношений, а также форм множественного родительства, которые могут возникать в ситуациях усыновления. Для начала мы попытаемся понять, какую роль играет содержимое личных дел анонимно рожденных детей или детей-отказников.

Административный подход к тайне происхождения: от строгой секретности к оставлению следов

Если не считать исторические исследования, содержание административных досье детей неизвестных родителей или отказников остается мало используемым источником. И между тем на эти “следы”, собранные и хранимые государством, многие бывшие воспитанники Службы защиты детей возлагают большие надежды: установить личность “биологической матери”, получить какую-то информацию об отце, узнать о наличии потенциальных “братьев и сестер”, понять причины своей брошенности. Однако удачи на этом пути редки, а искомая информация часто оказывается недоступной или вовсе отсутствует, особенно в случае анонимных родов.

История Службы защиты детей проливает свет на причины такого положения. Она свидетельствует о давней практике препятствия “воссоединению” усыновленных детей с их биологическими родителями и контактам между ними (*Le Boulanger* 2013; *Jablanka* 2006). Как показало исследование А. Ривьера, с первых лет Третьей республики вплоть до конца 1970-х гг. запросы воспитанников, желавших узнать имена своих биологических родителей или причины, по которым те от них отказались, систематически оставались без ответа (*Rivière* 2009: 2). Отказ от ребенка не порывает юридически родственную связь между ним и родителями. Таким образом, администрация использовала тайну усыновления для фактического разрыва отношений между брошенными детьми и их биологическими родителями, руководствуясь различными мотивами. В русле карательной концепции – “справедливо, чтобы те, кто уклоняется от исполнения семей-

ных обязанностей, не вкушали радостей семейной жизни” (доклад *Bienvenue-Martin*, 1904, цит. по *Jablanka* 2006: 52) – считалось, что “тайна рождения служит для воспитания ответственности и морали в простонародных семьях”, а также для предотвращения нежелательных практик, таких, как временное помещение детей в приюты с целью переложить заботу об их прокорме на государство (*Rivière* 2009: 3). Важно было также изолировать ребенка от неблагоприятной среды – городской бедноты, которую педагоги того времени под влиянием теории наследственности считали крайне вредоносной (*Jablanka* 2006). Но главное – тайна родительства, в особенности – материнства, должна была предотвратить аборт и убийства новорожденных: “любая роженица, желающая оставить ребенка в хосписе, должна быть уверена, что администрация сохранит ее имя в тайне и не сообщит никому, даже оставленному ею ребенку” (*Rivière* 2009: 3). Служба общественного призрения продолжала тем самым принцип, провозглашенный французской Революцией, которая, впрочем, не запрещала возможного признания родства и даже возвращения ребенка в семью до тех пор, пока ему не были найдены приемные родители. Ситуация изменилась с появлением возможности усыновления несовершеннолетних (*Lefaucheur* 2001). В 1939 г. был издан декрет о домах младенца, где женщины могли рожать бесплатно и не сообщая своего имени (в 1941 г. этот принцип был распространен на все родильные отделения), который одновременно впервые разрешил передачу детей в возрасте до 5 лет, рожденных от “неизвестных родителей”, в новую семью, где они будут обладать теми же правами, что и законные дети. Тайные роды, став анонимными, создали тем самым возможность просто-напросто стереть любое упоминание о матери, предложив усыновителям “социально чистых” детей (*Howell* 2006).

В последние десятилетия XX в. проблема доступа усыновленных или анонимно рожденных детей к информации об их происхождении вновь оказалась в центре внимания. В 1978 г. закон провозгласил свободный доступ каждого к касающимся его административным документам за исключением... содержащих секретные данные. Группы бывших воспитанников Службы защиты детей, рожденных анонимно, объединившись в ассоциации, выступили против символического насилия, которое, по их мнению, представляет невозможность легально получить сведения об условиях их появления на свет. Эти требования были поддержаны психологами и психоаналитиками, обнаружившими данные о пагубном влиянии семейных секретов. Они также совпали по времени с движением за признание права детей на сохранение информации об их происхождении в рамках международных усыновлений. Гагская Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления³ подтверждает принципы Конвенции ООН 1989 г. о праве ребенка на идентичность, включающую его национальность, имя и признанные законом семейно-родственные связи, а также “по мере возможности – праве знать своих родителей и быть воспитанным ими”⁴. В 1990х гг. во Франции, в то время как различные доклады предлагали отмену или модификацию принципа анонимных родов, закон от 8 января 1993 г., напротив, включил его в Гражданский кодекс и лишил рожденных анонимно возможности обращаться в суд для выяснения личности их матери⁵ (*Lefaucheur* 2006). Бурные дебаты, вызвавшие необычный раскол в политическом лагере (*Emsellem* 2004), противопоставляли право женщины распоряжаться своим телом и свободно принимать решение о материнстве – праву ребенка на знание своего происхождения. Этот раскол подогревался свидетельствами женских ассоциаций, вскрывавших те условия, которые заставляют рожать анонимно: давление семьи, отсутствие стабильного статуса и т.п. (*Lefaucheur* 2001). Встал вопрос об отношении в родильных учреждениях к женщинам, желающим рожать анонимно, об условиях, в которых они оказываются, об отсутствии четкой и понятной процедуры анонимных родов – все это в контексте настойчивой стигматизации отказа от ребенка. В 1996 г. очередной закон попытался установить некие правила для персонала родильных учреждений, направленные на улучшение информиро-

вания рожениц о процедурах передачи ребенка в Службу защиты детей, о возможности выбора ему имени, оставления для него некоей информации, не позволяющей тем не менее идентифицировать мать, согласия на раскрытие ее анонимности в дальнейшем, а также о праве на психологическую или социальную помощь. Однако все эти возможности остались на бумаге (*Lefaucheur* 2006). Только закон от 22 января 2002 г. наконец изменил условия анонимных родов и облегчил процедуру поиска своих корней, создав Национальный совет доступа к сведениям о происхождении (СНАОР), который ввел два механизма. Первый, привязанный к моменту рождения, выработал стандартный протокол приема рожениц. Эта миссия была вверена “корреспондентам” СНАОР, назначаемым в каждом департаменте из числа персонала Службы защиты детей или органов защиты материнства и детства. Протокол призван, сохраняя право женщины на анонимные роды, обеспечить возможность доступа ребенка к информации о своем происхождении. Каждой анонимной роженице отныне объясняют “важность знания своей истории для каждого человека” и предлагают “оставить, с ее согласия, сведения о ее здоровье и здоровье отца, о происхождении ребенка и обстоятельствах его рождения, а также, в запечатанном конверте, свое имя”⁶. Ее также информируют о различных уровнях анонимности: не оставлять никакой информации, позволяющей ее идентифицировать (при этом предупреждая о возможности позже в любой момент открыть свое имя); оставить свое имя в Службе защиты детей, чтобы с матерью можно было связаться в случае, если ребенок захочет ее найти; оставить свое имя прямо в деле ребенка. Есть также возможность признать ребенка и записать его на свое имя, и только после оставить. Все эти варианты делают анонимные роды уже не столь анонимными. Второй механизм вступает в действие позже, когда ребенок вырастет или уже повзрослел. СНАОР принимает запросы на доступ к данным о происхождении, пытается разыскать биологических матерей и получить их согласие на снятие анонимности. Он также получает от биологических родителей или их родственников разрешение на открытие тайны происхождения.

Архивные дела о происхождении воспитанников Службы защиты детей

Итак, изучение своего “досье” в Службе защиты детей было и остается первым и основным этапом в рассказах детей анонимных рожениц о “поисках своих корней”, несмотря на то, что содержание этих досье может быть очень разным и нередко разочаровывать. Содержащиеся в них документы отражают роль государства в обеспечении доступа человека к сведениям о своем происхождении, а также в получении знаний о человеке и его истории. Как отмечает С. Ру в связи с международными усыновлениями, государство “создает саму возможность выстроить рассказ о прошлом человека, благодаря сбору и хранению стандартной бюрократической информации (записи актов гражданского состояния, регистры населения, личные документы и т.п.). Знание “своего” прошлого всегда связано с информацией, хранящихся в государственных архивах, хотя и не ограничивается ею” (*Roux* 2017: 73). Изменил ли французский закон 2002 г. характер формирования этих архивов? Какое влияние оказало недавнее признание важности доступа человека к информации о его происхождении на характер сбора персональных данных, их систематизацию и хранение? Как женщины, желающие рожать анонимно, относятся к рекомендации представителей СНАОР “оставить след” в досье своего ребенка? Какие еще отношения, связанные с рождением (наличие биологического отца, других детей, рожденных той же матерью, родственников последней), могут отразиться в досье? Что, в конечном итоге, находит в нем человек, решивший заняться поиском своих корней?

Для ответа на эти вопросы мы начали изучение архивов Службы защиты детей. На первом этапе продолжающегося по сей день исследования были изучены досье 55 детей, рожден-

ных между 1995 и 2015 гг., т. е. как до, так и после принятия закона 2002 г. Работа проводилась в двух департаментах с разрешения дирекции местных архивов и руководства ASE. Содержимое досье используется нами для качественного анализа и не претендует на статистическую репрезентативность. Выборка, составленная совместно с архивистами, в основном состоит из дел детей анонимных рожениц (36 досье), а также, для сравнения, детей, признанных брошенными по решению суда (12),⁷ оставшихся без родительского попечения (5) и детей-сирот (2 досье), которые тоже могут обращаться в архив в поисках сведений о своих родителях. В процессе работы с архивными документами мы беседовали с работниками архива и персоналом ASE, дополнительно были проведены интервью с социальными работниками, воспитателями, психологами, представителями СНАОР, в чьи обязанности входит прием анонимных рожениц, сбор информации, которую последние хотят оставить, забота о новорожденных младенцах и затем, много позже, взаимодействие с теми из них, кто обращается с просьбой об ознакомлении со своим делом. Для сохранения анонимности и гарантии конфиденциальности информации, к которой мы получили доступ, мы изменили все имена, даты и адреса, встретившиеся в изученных делах. Никакие сведения, позволяющие идентифицировать матерей, не вышли за стены архива. Особенность нашего исследования диктует также особый характер использования данных, а именно невозможность подробного описания каждого конкретного случая. Поэтому было решено прибегнуть к трансверсальному анализу, а также к вымышленным историям, которые позволяют передать суть реальных ситуаций, не делая их узнаваемыми.

Содержание и объем дел зависят от обстоятельств, при которых дети стали воспитанниками ASE. Государственные свидетельства, административные и судебные документы соседствуют здесь с различными экспертизами, медицинскими и психологическими заключениями, а также – реже – письмами, фотографиями или вещами. В формировании архивного дела участвует или к нему обращается множество разных людей: с одной стороны – персонал роддома, социальные работники, судьи, сотрудники архива; с другой – анонимные роженицы, отцы и/или другие родственники новорожденных, приемные родители, сами воспитанники. Лица, имеющие отношение к рождению ребенка, представлены в делах неравномерно, особенно с точки зрения пола. Мужчины – сожители, супруги или отцы – оставляют лишь мимолетный след в свидетельствах рожениц, и сведения о них в досье встречаются очень редко. Картонные архивные папки хранят прежде всего информацию, знаки или указания, которые согласились оставить роженицы, а также свидетельства тех, кто был рядом с новорожденным в его первые дни и месяцы.

Оставить след или стереть его: разные модели поведения

Следы отсутствующего тела. Изученные нами дела обнаруживают большое разнообразие поведения рожениц в том, что касается оставления следов. Некоторые предпочитают бегство: они исчезают еще до составления протокола, необходимого для передачи ребенка под опеку ASE, и все, что от них остается – это скупые свидетельства персонала медицинского учреждения, где проходили роды. Многие женщины предпочитают сохранить свое имя в секрете, соглашаясь иногда лишь на предоставление информации, не позволяющей их идентифицировать. Есть такие, кто оставляет сведения о себе в запечатанном конверте, который представители СНАОР имеют право вскрыть, чтобы связаться с матерью в случае, если ребенок обратится за информацией о своем происхождении, и спросить ее разрешения предоставить ему эту информацию. Наконец, некоторые решают вписать сведения о себе непосредственно в протокол. В этом случае ребенок, придя ознакомиться со своим досье, сможет на месте узнать имя,

фамилию матери и ее адрес на момент его рождения. Хотя малое количество изученных нами дел не дает материала для количественного анализа, мы можем сослаться на данные другого недавнего (2016 г.) исследования, охватившего 77 департаментов. Оно позволяет оценить частоту того или иного выбора. Прежде всего, немалая доля родивших анонимно женщин (19%), впоследствии передумали и признали своих детей. Среди оставшихся доля тех, кто не оставил никакой идентифицирующей их информации (42 %), несколько выше доли сделавших выбор в пользу возможности их идентификации в будущем: либо поместив личную информацию в запечатанный конверт (28%), либо указав ее в протоколе (10%) (DGCS 2017: 49)⁸. В большинстве случаев анонимные роженицы оставляют лишь скупую информацию, однако досье ребенка все равно содержат некоторые материальные следы их присутствия.

Первый тип таких следов – письменные. Свидетельство о рождении ребенка без родителей, даже если оно утрачивает законную силу после усыновления, хранится в его деле. Эти свидетельства, отпечатанные в типографии, представляют собой стандартный административный документ, отражающий, тем не менее, конкретное событие: появление на свет ребенка. Указание на время и место этого события вписывает его в координаты пространства/времени, тогда как имена регистрирующего чиновника, а также лица, по заявлению которого проводится регистрация, дают представление о первых свидетелях гражданского рождения младенца. Протокол, заполняемый на подопечного Службы защиты детей, также представляет собой стандартный бланк, разработанный для удобства административного производства, однако некоторые сведения и ответы на вопросы должны быть вписаны в него от руки, чаще всего – служащими, составляющими документ, но в некоторых случаях самой роженицей. В одном из двух департаментов, где проводилось наше исследование, с 2004 г. от женщин требуют собственноручно вписывать в предусмотренное для этого окошко стандартную фразу: «Я желаю сохранить свою личность в тайне». Эта надпись является подтверждением ее свободного и независимого решения, но, кроме того, представляет собой память о действии, вынуждая пишущую оставить на бумаге материальный отпечаток своего физического существования. Подпись чаще всего отсутствует, за исключением тех протоколов, в которых женщины не скрывают свою личность, а также случаев усыновления детей, родители которых известны: тогда мать, а иногда и отец, обязаны подписать документ об отказе от ребенка. В фильме *“Тайны и ложь” Майка Лу* (1996) показано, какие чувства испытывает молодая женщина, обнаруживающая при первом знакомстве со своим досье подпись той, что сдала ее на руки социальной службе сразу после рождения. Личная подпись – уникальный отпечаток, представляющий собой нечто большее, нежели юридическое заверение. Как показала Б. Френкель, история личной подписи и распространения ее использования в западном мире с целью идентификации отражает двойственный процесс индивидуализации тела и личности: благодаря подписи, «отпечаток становится следом, обозначая присутствие уникального, единственного тела, начертанное на странице» (Fraenckel 1992: 10). Так письменный след становится воплощением абстрактной отсутствующей фигуры, внезапно приобретающей некоторую реальность. Заверяя одновременно анонимность матери и ее отказ от ребенка, эти листки оживляются еле уловимыми признаками ее существования.

Некоторые женщины оставляют свой след более охотно. В очень редких делах можно встретить, например, одну или несколько фотографий – обычные фото на документы или настоящие портреты совсем молодых девушек, улыбающихся или серьезных, иногда красиво одетых, тщательно причесанных и накрашенных. В таких случаях образ противоречит административной процедуре устранения следов физического и морального присутствия роженицы, предлагая смотрящему богатую информацию к размышлению. Черты и выражение лица, разрез глаз, оттенок волос и кожи, а также эстетические предпочтения, о которых свидетельствуют

одежда или украшения, место, выбранное для снимка – все это поддается интерпретации, создает представление о персонаже на фото и его истории, позволяет разглядеть возможные черты фамильного сходства... Но вне зависимости от возможных интерпретаций эти фотографии свидетельствуют о желании матери оставить гораздо более заметный след в деле ребенка.

Другой формой следов, которые можно обнаружить в досье, являются предметы. Одна из анонимных рожениц оставила свой шарф, другая – браслет. Некоторые кладут открытку с христианской молитвой или стихом из Корана. В одном из архивов, который мы посетили, к некоторым делам прилагались коробки с различным содержимым, тщательно переписанным секретарем Службы усыновления. Вот пример такой описи: “коробочка для украшений с сережками, плюшевая игрушка, приданое для новорожденного (пижама, распашонки, носочки и чепчики, другая одежда)”. Подарки, талисманы, мягкие игрушки и погремушки также могут быть знаком внимания и памятью для ребенка о той, что родила его на свет, отражая ее физическое присутствие, несмотря на расставание. Различные материальные следы, оставляемые женщинами при рождении ребенка, можно также рассматривать как сопротивление процессу стирания их личности, порождаемому анонимными родами.

От телесности к отношениям? Существуют еще более двусмысленные следы, свидетельствующие о том, что уже в момент отказа от ребенка женщина оставляет открытым вопрос о возможной связи с ним. В службах, где мы работали, роженицам предлагают написать ребенку письмо и сообщить ему то, что они считают нужным. Большинство отказывается. Некоторые обещают зайти позже и занести письмо, но почти никогда не держат слово. Есть и такие, что нехотя соглашаются и пишут достаточно формальные строки, перечисляя мотивы, вынудившие их отказаться от ребенка (отсутствие отца, денег, работы, жилья, давление со стороны семьи). Написанные в настоящем времени, эти письма содержат минимум информации о тех, кто их написал. Они ни к кому не обращены и не рассчитаны, похоже, на установление связи.

Редкие женщины, тем не менее, с готовностью используют возможность обратиться к ребенку. Они рассказывают о себе или хотя бы описывают себя. В большинстве своем это женщины, не скрывающие свою личность от протокола, обычно очень молодые – студентки или старшие школьницы: “Меня зовут Жюстина, мне 16 лет и я учусь в первом⁹ классе”; “Итак, мне 20 лет, я родом из Алжира, но у меня французское гражданство. Я не работаю и живу с родителями”. Некоторые упоминают об обстоятельствах зачатия ребенка и о его биологическом родителе: “Меня зовут Рафаэлла Перони, мне 17 лет, твоего отца зовут Гайо Николя, мы с ним расстались”. Они объясняют ребенку причину своего поступка, часто просят его не судить их. Иногда описывают первые моменты рождения младенца, их совместное пребывание в родильном отделении до расставания, рассказывают о своем чувстве умиления: “ты чудный младенец”, “я испытываю большую любовь к тебе”, – пишет 17-летняя девочка; а также о страдании, которое причиняет им разлука: “как тяжело с тобой прощаться!”.

Среди вещей, оставленных роженицами, есть такие, чья функция – помочь в дальнейшем опознать ребенка, как это бывало в XVIII в., когда в пеленках подкидышей часто находили “знаки отличия, медали, ленты, галуны, отрезки корсажа, маленькие крестики – признаки принадлежности или талисманы-обереги”, которые ребенок носил с собой и по которым его можно было узнать. “Иногда можно встретить девочку с одной сережкой – вторая, несомненно, у ее родителей” (Farge 2007: 194–195). В одном из досье мы обнаружили браслет-цепочку, оставленную для ребенка, и сопровождающую записку: “У твоего брата точно такой же. Возможно, вы когда-нибудь встретитесь”.

Эти знаки, которые женщины используют в попытке сделать возможным возобновление родственной связи, которая вот-вот будет разорвана отказом от ребенка и последующим его усыновлением, свидетельствуют об амбивалентности их отношения к сделанному выбору. Их решение рожать анонимно и отказаться от ребенка не мешает им ставить подпись “мама” или “твоя мать”, иногда с уточнением “биологическая” или “генетическая”, а более юным – использовать кажущийся им уместным хэштег #❤️М. Они обнаруживают чувства, которые считаются в наших обществах признаками материнской любви: безусловность и постоянство, выражаемые частым употреблением наречия “всегда” – “я люблю тебя и всегда буду думать о тебе”, “ты всегда будешь присутствовать в моей жизни”; исключительность связи – “ты всегда будешь моим первым ребенком”. Иногда они даже включают ребенка в свой родственный круг, объясняя, например, что назвали его в честь любимого дедушки, тетки или сестры, или указывая на черты портретного сходства ребенка с собой, его отцом или другими членами семьи. Одна из рожениц, оставившая свои данные в досье, положила туда же семейное фото, указав на обороте имя каждого изображенного и его родство с ребенком: “моя сестра Жюли, твоя тетка; мой брат Тьерри, твой дядя; моя мать Сюзанна, твоя бабушка; мой отец Робер, твой дед”.

Некоторые из этих женщин, передумав, приходят забрать ребенка, другие желают ему счастья и выражают надежду, что он обретет его в приемной семье: “Поблаговари твоих приемных родителей за ту любовь, которую они тебе дали”, – просят они. Думая о будущем, они допускают, что у ребенка будет приемная семья, но в то же время хотят сохранить за собой определенное место в его истории, поскольку пишут эти строки в расчете на то, что ребенок однажды их прочтет. Так они закладывают возможность будущей связи с ребенком.

В то же время, такое поведение остается редкостью. Большинство анонимных рожениц стремятся оставить о себе самый минимум информации, не желая связывать себя с ребенком. Поэтому некоторые представители СНАОР рассматривают необходимость рекомендовать женщинам написать что-то в расчете на будущее ребенка как прямое противоречие праву на анонимные роды: “очень трудно иметь дело с человеком, который не хочет даже слышать об этом ребенке и боится привязаться к нему” (DGCS 2017: 39).

Но независимо от того, оставляют ли женщины какую-то информацию о себе, в самих учреждениях существуют практики, направленные на создание воспоминаний о рождении ребенка.

Сформировать следы детской истории

Компенсировать отсутствие связей: альбомы новорожденного. Такие практики могут принимать различные, более или менее организованные формы. Они начинаются с родильного отделения, где иногда профессиональные фотографы дарят анонимно рожденным детям альбомы новорожденного, такие же, какие они обыкновенно продают семьям. Красиво оформленные, но лишенные каких-либо подписей, альбомы эти выглядят обезличенными. Другое дело, когда персонал родильного отделения, ухаживавший за новорожденным, перед выпиской пишет и вкладывает в его вещи записочки, хранящие воспоминания о первых днях его жизни. В этих записках, написанных в большинстве своем женщинами – которые в основном и работают в родильных отделениях, – иногда упоминается роженица, описываются ее действия с новорожденным (как она его пеленала, кормила, ласкала), чувства, которые она выражала, вещи, принесенные ею для ребенка. Эта женщина называется “мамой”. Использование этого слова, а также важность, придаваемая описанию роженицы, ее чувств и поведения свидетельствуют о том,

как трудно персоналу, чья профессиональная подготовка и повседневная практика направлены на формирование связи между матерью и новорожденным, принять выбор женщины, решившей родить анонимно¹⁰. Слова, обращенные к ребенку, призваны в такой ситуации заполнить пустоту, образующуюся после ухода матери: ему рассказывают о том, как он появился на свет, перечисляют имена медсестер и санитарок, бывших все время с ним рядом и окружавших его нежностью и заботой, говорят, что никогда его не забудут. В том же департаменте секретарь службы усыновления, занимающийся оформлением досье воспитанников, следит за тем, чтобы каждый младенец получил небольшой “альбом”, представляющий собой двойной лист бумаги с напечатанными фотографиями, сделанными в первые часы и дни его жизни представителем СНАОР. Титульную страницу такого “альбома” украшают рамка с надписью “Мои фотографии” и традиционные детские мотивы: воздушные шары, аист, несущий улыбающегося младенца, плюшевый мишка и т.п.

Разрозненность этих инициатив, как и достаточно скромные средства их реализации (бумага и конверты из канцелярии родильного учреждения, фотографии, отпечатанные на принтере на обычном листе формата А4, картинки, взятые из интернета), не снижают их символической ценности.

Создание альбомов, включающих фотографии ребенка и тексты, описывающие его развитие и достижения от первых часов жизни и примерно до трехлетнего возраста – привычная практика в наших обществах в последние десятилетия. Обычно этим занимается семья малыша, в основном мать. Помимо очевидной цели – зафиксировать воспоминания первых лет жизни ребенка – для нее этот альбом представляет особую форму самовыражения в очень важный момент ее собственной жизни: момент социально одобряемого перехода в статус матери (Fine 2000). Анализ этой женской практики показал, что она имеет столь же высокую социальную и символическую ценность для приемных матерей, создающих для своего ребенка рассказ о его вхождении в семью и о трудном пути, который прошли родители ради этого.

Однако альбомы, о которых шла речь выше, предшествуют усыновлению и относятся к детям, еще не имеющим родства. Отсутствие родственных связей чаще всего сопровождается отсутствием фотографий и записей о рождении, первых кирпичиков в автобиографии. Поэтому персоналу родильных учреждений важно заполнить эту пустоту, сделать так, чтобы остались следы, свидетельства появления ребенка на свет и воспоминания тех людей, которые его окружали. Санитарки и медсестры дома ребенка иногда называют себя в этих записях и альбомах “тетями” малыша, выстраивая вокруг него метафорические связи. Случается также, что приемная семья в период знакомства с ребенком, предшествующий усыновлению, делает его фотографии – одного, вместе с приемными родителями, их родными или приемными детьми – и приносит их в Службу усыновления. Эти фотографии также помещаются в досье ребенка, хранящееся в архиве.

Наряду со спонтанными инициативами такого рода некоторые службы усыновления ведут сознательную систематическую работу с родильными отделениями и домами ребенка для создания “истории” новорожденных до момента их усыновления. Социальная работница службы усыновления показала нам один из альбомов – обычную тетрадку в клетку, к которой прилагались: родильный браслет ребенка, флешка с его фотографиями и браслет, оставленный его “биологической матерью”¹¹. Эти предметы она достала из картонной коробки – по ее выражению, “сокровищницы”, которая находилась в ее рабочем кабинете, ожидая момента передачи приемной семье. Образ такой коробки с “сокровищами”, которые ребенок получает на память о его рождении, стал частым и обычным элементом дискурса о происхождении усыновлен-

ных детей (*Carsten* 2000). Следующие строки из отчета об интеграции ребенка в приемную семью свидетельствуют о том, какие рекомендации по этому поводу получают усыновители: “г-н и г-жа Х. хранят принадлежащую Манон коробку, в которой находятся одежда и мягкая игрушка, оставленные ее биологической матерью“ (*Roux* 2017). Однако, по мнению одной из сотрудниц службы усыновления, коробка – не лучшее место для таких памятных вещей: приемные родители могут держать ее в недоступном ребенку месте, тем самым ограничивая редкими случаями его контакт с собственной историей. Лучше было бы, полагает она, чтобы ребенок пользовался этими вещами в своей повседневной жизни.

Подобные “следы” происхождения ребенка фигурируют в различных инструкциях, советах и стратегиях работников служб усыновления, причем смысл их явно видится в том, чтобы как можно более гладко соединить историю ребенка до усыновления с его нынешней жизнью в семье. Цель всех этих следов, с точки зрения государства и, в частности, службы помощи детям, состоит в создании “опоры” для памяти ребенка, которой отсутствие родителей в момент рождения может его лишить. Знание же о существовании прошлых отношений (с женщиной, его родившей, с персоналом, который его принимал и за ним ухаживал) должно помочь ребенку построить связный рассказ.

Материализовать вехи истории. Речь идет в действительности о конструировании темпоральности, соответствующей принципу, господствующему отныне в подходе к праву на доступ к данным о своем происхождении: преемственности истории ребенка. Как мы выявили в ходе нашей работы, а также как показывают другие недавние исследования проблемы усыновления, сегодня доступность для ребенка информации об обстоятельствах его рождения и отказа от него родителей, о его биологических, этнических, культурных и прочих корнях считается полезной и даже необходимой в его дальнейшей судьбе приемного ребенка (*Roux* 2017).

Похожая ситуация описана применительно к Шотландии. В ходе интервью респонденты – взрослые люди из приемных семей – упоминали и нередко показывали письма, фотографии, стихотворения или официальные документы, которые они хранят в коробке или чемодане. По мнению автора исследования, эти вещи представляют собой нечто большее, чем след присутствия “биологического родителя”, ради которого, казалось бы, и предпринимаются поиски корней. Она показывает, что такие поиски опровергают представление о важности “естественной/природной” связи:

Хотя сам акт поиска родственников по рождению со всей очевидностью подчеркивает первостепенность этой связи в британской культуре родства, с другой стороны, усыновленные люди одновременно ставят под сомнение эту первостепенность. Сомневаясь в правах биологических родителей и в то же время часто признавая важную роль в своей жизни приемных родителей, респонденты утверждают ценность усилий и заботы в создании родственных связей [*Carsten* 2000: 691].

Напротив, вещи и документы участвуют в формировании персональной истории. “Подобно музейным объектам, также отличающимся от вещей, окружающих нас в повседневной жизни, они придают историческую глубину идентичности наших респондентов” [*ibid.*]. В центре поисков корней лежит такое отношение к времени, в котором прошлое, настоящее и будущее привычно пересекаются в процессе ежедневных отношений, а также ритуальных событий в жизни семьи. По ходу поисков усыновленные пытаются вернуть себе способность воздействовать на свою историю, отмеченную родительским отказом, разлукой, исчезновением части связей, предшествовавших усыновлению. Они одновременно выявляют «очень значительные смещения “времени родства”», влияющие на жизнь усыновленных, – и борются с ними [*ibid.* : 692]. Создавая историю своих истоков, очень важно заполнить пустоты, умолчания и отсут-

ствия, чему и служат материализованные нарративы – документы, фотографии или объекты, сохраненные в архивах.

Все это заставляет нас по-новому взглянуть на то, каким образом время создает – или не создает – связи между родственниками в особом контексте отношения к истокам. Исследования новых форм семьи подчеркивают важность темпоральности как фундамента “параллельных” – избирательных или добровольных – связей в приемных, смешанных или созданных при посредстве ЭКО семьях (*Fine 1998; Martial 2003*). Пусть и не всегда признанные законом, эти отношения, основанные на повседневных действиях и разворачивающиеся на протяжении всего детства, выросли из слов, жестов и эмоций, сотканы из больших и маленьких событий семейной жизни. Составляющее их время полно, плотно и живо.

Темпоральность, о которой идет речь применительно к досье воспитанников, рожденных анонимно, напротив, не может опереться на совместно прожитый опыт, поскольку вся жизнь ребенка, забота о нем и его воспитание проходили в другом месте. Время связей, обнаруженных ими в результате поиска своих корней, голо и безжизненно. Перед лицом абстрактных фигур “биологических родителей” оно лишь намечает виртуальные отношения, наличие которых приобретает смысл только при возвращении к прошлому – моменту рождения – или как проекция в будущее потенциального “воссоединения”. Сам поиск предпринимается, возможно, в попытке ощутить эти отношения в настоящем, соединить несколько разорванных темпоральностей в единую ось. Но задача усложняется тем, что утверждаемый на словах принцип непрерывности на практике входит в противоречие с официальными правилами и практиками, вводящими ряд ограничений на знакомство с архивными материалами.

Нестыковки

Ограниченный доступ. Эти ограничения проявляются, прежде всего, в судьбе писем, альбомов и вещей, оставленных или созданных при рождении ребенка. Действительно, если мы нашли их в архивах, то лишь потому, что они не попали вместе с ребенком в его приемную семью. По мере общения с различными сотрудниками, ответственными за прием рожениц, детей или за ведение архивных дел, выясняется, что обращение с этими предметами, которые могли бы составить фундамент истории ребенка, порождает массу вопросов и сомнений. Что делать с этими памятливыми объектами? Как далеко они должны сопровождать ребенка? Следует ли отдать их приемным родителям или же хранить их – но в этом случае, как и где? Эти вопросы становятся все более существенными, поскольку объем вещей, достающихся ребенку при рождении, в последние годы растет. Мягкие и другие игрушки, комплекты одежды, иногда достаточно объемистые – все это ставит сотрудников архива перед непростым выбором между противоречивыми задачами: обеспечить ребенку непрерывность его жизненной истории или сохранить тайну усыновления. В двух департаментах, где мы работали, налицо две разных стратегии.

В первом из них, где вещественные следы ранней истории ребенка формируются в результате частной инициативы персонала, правила предписывают хранить их в Службе защиты детей, где оставленный родителями ребенок сможет увидеть их только в том случае, если однажды решит ознакомиться со своим досье. Поэтому стеллажи архива заставлены коробками, порой весьма вместительными, содержимое которых тщательно запротokolировано. Более мелкие предметы – украшения, небольшие игрушки, фотоальбомы или отдельные вещицы гардероба новорожденного – иногда помещаются непосредственно в картонные папки архивного

дела, причем их происхождение не всегда понятно: оставила ли их анонимная роженица, мать, отказавшаяся от ребенка в роддоме или же пара, отдавшая младенца на усыновление? Ответа на этот вопрос может не содержать и само архивное дело. Единственным организующим принципом в данном хранилище кажется то, что вещи находятся здесь до усыновления ребенка. Как объяснила мне одна социальная работница, главное состоит в том, чтобы защитить зарождающиеся в приемной семье родственные связи, стараясь не особо напоминать новым родителям ребенка о наличии у него “биологической матери”, что могло бы восприниматься приемной семьей как вторжение в ее частную жизнь. В то же время она считает, что альбом, сделанный профессиональным фотографом в родильном отделении, можно предложить приемным родителям: действительно, на этих фотографиях изображен только сам ребенок. В данном случае задача бесконфликтного формирования родственных связей в приемной семье оправдывает временное сокрытие следов ранней истории ребенка с момента усыновления и вплоть до того гипотетического момента, когда он заинтересуется своим происхождением и обратится в архив.

Во втором департаменте, где вещественные следы появления ребенка на свет создаются по требованию службы усыновления, организовано их перемещение вслед за ребенком. Так, процедура передачи ребенка в приемную семью включает предложение родителям его фотоальбомов, снятых в родильном отделении и доме ребенка. Это делается через несколько месяцев после принятия ребенка в семью, когда родственные связи между ним и приемными родителями уже начали формироваться, причем альбомы предлагаются в обратной последовательности: сначала тот, что сделан в доме ребенка, и потом – во время последнего патронажного визита – сделанный в родильном отделении. Такие предосторожности оправдываются желанием “не обременять семью”, особенно в тех случаях, если в альбоме упоминается “биологическая мать”. Составляется и хранится перечень вещей, оставленных анонимной роженицей. Эти вещи также предлагаются приемной семье в качестве “предметов, которые могут помочь объяснить ребенку его историю”. В случае отказа забрать вещи сотрудники архива фотографируют их и помещают фотографии в дело, сами же вещи не хранят.

Динамика непрерывности, основанная на создании единой истории, материально воплощенной в письменных и вещных следах, оставленных при рождении ребенка, выглядит главенствующим принципом современного отношения к оставленным родителями детям, но она тем не менее сдерживается существующими концепциями усыновления: хотя у ребенка и существует некая история, предшествующая его встрече с (приемными) родителями, нужно все-таки следить за тем, чтобы ее вещественные следы не угрожали последующим родственным отношениям, ограничивая их присутствие в повседневной жизни. Таким образом возникает первый разрыв в темпоральности истории ребенка, частично размыкающий цепь между периодом, предшествующим усыновлению, и потенциальными родственными отношениями с биологической родней.

Асинхронные отношения. Помещенные в архив письма и предметы, оставленные для ребенка, доходят до него лишь в том случае, если он сам приходит их искать. Право на доступ к досье службы защиты детей/службы усыновления имеют дети, рожденные анонимно или оставленные родителями, а до их совершеннолетия – приемные родители. Но речь идет именно о праве, а не об обязанности, и оно не противоречит праву на неприкосновенность личной жизни усыновленного ребенка.

Анонимная роженица тоже может в любой момент открыть свое имя, для чего ей достаточно обратиться в Службу защиты детей или в СНАОР. Так поступила, например, одна

из женщин, которая через два года после родов захотела узнать, удочерили ли ее ребенка. Она также написала своей биологической дочери несколько писем, по случаю дня ее рождения или на Рождество, к каждому из которых приложен детский рисунок, подписанный: “Алиса, твоя старшая сестра”. В последнем письме вся семья (“Твоя мама Натали Лоран, твоя сестра Алис Лоран, твой дядя Александр и твои дедушка и бабушка Симон и Эмилия”) желает счастливого Рождества девочке и ее приемной семье.

Подобные инициативы могут исходить и от мужчин, узнавших о том, что у них есть ребенок. Один из них, называющий себя “биологическим отцом” восьмилетнего мальчика, написал ему очень разборчивым почерком письмо, в котором просил связаться с ним, когда сын ознакомится со своим досье, чтобы они могли встретиться и ребенок “узнал его историю”. Он оставил копию своего паспорта, адреса своей матери, у которой он живет, и двух своих сестер. Персонал СНАОР отправил отцу подтверждение, что присланные документы помещены в дело ребенка.

Искать контакта с ребенком могут также родители, братья и сестры, бабушки и дедушки “отказников” или детей, признанных сиротами по решению суда вследствие безвестного отсутствия родителей. Все они пытаются дать знать о себе, надеются получить какую-то информацию и не всегда знают о том, что ребенок усыновлен. Женщины спрашивают о своих детях и изъявляют желание их увидеть. Бабушки и дедушки предлагают помощь в воспитании ребенка. Письмо на 12 страницах из тетради в клетку сестра написала своему брату в день его 18-летия и отправила в службу защиты детей в надежде, что он скоро придет туда поинтересоваться своим досье.

В таких письмах всегда присутствует информация, позволяющая идентифицировать отправителя: копия паспорта, почтовый или электронный адрес, номер телефона, который обещают не менять. Но они, возможно, так и останутся непрочитанными. Нет никакой гарантии, что они дойдут до получателя, поскольку никто не знает, увидит ли вообще ребенок свое досье. Читающего такие письма не может не потрясти хрупкость этих брошенных в море бутылок, огромная дистанция между высокими ожиданиями – и низкой вероятностью того, что письма найдут своего адресата. Основную причину этого сформулировал руководитель службы усыновления одного из департаментов, отвечая женщине, пришедшей поинтересоваться судьбой своей дочери, от которой она официально отказалась: “Ваш отказ от Ясины был признан решением суда от 7 октября 1999 г. После этого она была помещена в семью с перспективой удочерения, и в дальнейшем это удочерение состоялось. Это означает разрыв всех связей девочки с исходной семьей, поэтому вы понимаете, что я не имею права сообщить вам информацию о ее нынешней жизни. Тем не менее, ваше письмо будет сохранено в ее папке, и она сможет прочесть его, если однажды обратится в архив. В этом случае, поскольку вы оставили свои координаты, она свяжется с вами, если захочет”. Родственные отношения по рождению не должны мешать жизни ребенка в приемной семье. Над ними берут верх и их фактически отменяют законные отношения с приемными родителями.

Даже если человек однажды заинтересуется своим происхождением и откроет архивную папку – он получит информацию с большим запозданием. Письмо, оставленное материю, отцом, сестрой может быть прочитано адресатом и через 2 года, и через 20 лет. Вновь речь идет об отношениях, тянущихся из прошлого и проецируемых в будущее, но лишенных настоящего, без которого невозможна взаимность. Таким образом, правила доступа к архивным данным усыновленных детей создают односторонние и асинхронные отношения¹², противореча тем самым принципу “непрерывности”, господствующему в дискурсе о происхождении.

“Следы” биологического родства, отчасти сохраняемые в архивах Службы защиты детей, отражают недавнее изменение норм, связанных с отказом от ребенка и усыновлением в наших обществах. Эти изменения предполагают, прежде всего, что отступление от принципа полной анонимности при родах дает женщине небывалый прежде выбор и отражает многообразие ситуаций, ведущих к отказу от ребенка. Они демонстрируют также сосуществование, как до усыновления ребенка, так и после – в случае, если он получит доступ к своему досье – двух противоречащих друг другу линий. Первая представляет содержимое архивных папок как воплощение личного истока человека. Хотя анонимные роды затушевывают само репродуктивное событие, указывающие на него письменные или материальные свидетельства, хранящиеся в архивах Службы защиты детей, казалось бы, отчасти предназначены для того, чтобы материализовать телесное воспоминание, напомнить о существовании женщины, давшей ребенку жизнь, сделать возможной связь между ними. Но вместе с тем следы, о которых идет речь, материализуют историю самого ребенка. Можно сказать, что телесность растворяется в темпоральности биографического рассказа, включая в него хрупкие виртуальные отношения, возникшие в результате рождения. Создание артефактов, воплощающих в себе эти отношения, и дальнейшее обращение с ними подчиняются двум противоречащим друг другу логикам: принципу нарративной непрерывности личной истории ребенка и необходимости защиты отношений в его приемной семье. Кроме того, административные правила доступа к архивным делам создают временной разрыв, десинхронизируя возможные отношения, связанные с биологическим родством, и тем самым препятствуя их взаимности. Эти практики, отношение к которым далеко не единодушно, показывают, что вопреки новому месту, отводящемуся “происхождению” приемного ребенка в его жизненной истории, принцип непрерывности последней, существенно изменивший институциональную и профессиональную практику усыновления, никоим образом не ставит знак равенства между отношениями, возникающими на всем протяжении истории ребенка, и не подрывает иерархию существующих вокруг него связей. Архивные материалы о происхождении представляют собой богатый источник для изучения современного множественного родства.

Примечания

- ¹ “Родственная связь с матерью устанавливается на основании указания последней в свидетельстве о рождении ребенка”. Ст. 311–25 Гражданского кодекса (далее – ГК).
- ² Ст. L 222-6 Семейного кодекса; ст.341-1 ГК.
- ³ Ст. 30 Конвенции о защите детей: “Компетентные власти Договаривающегося государства обеспечивают, чтобы информация, которой они располагают относительно происхождения ребенка, в частности информация, касающаяся личности его родителей, а также медицинская карта, не раскрывались. Они обеспечивают доступ ребенка или его представителей к такой информации под соответствующим руководством, насколько это разрешено законом такого государства”.
- ⁴ Ст. 7 и 8 Конвенции о правах ребенка.
- ⁵ Ст. 341 и 341-1 ГК.
- ⁶ Ст. L 222-6 Семейного кодекса.
- ⁷ Судебное признание ребенка брошенным (ст. 350 ГК) – решение судьи, согласно которому ребенок, чьи родители отсутствуют в течение года и более, считается брошенным и может подлежать усыновлению. Эта статья была заменена в 2016 г. статьей 381-1 ГК о судебном признании “оставления ребенка родителями”, которое выносится в случае, если последние не поддерживают с ребенком “отношений, необходимых для его воспитания и развития, в течение года до момента направления запроса, при отсутствии препятствий для поддержания таких отношений”, считающихся основой родительских обязанностей.
- ⁸ Подсчитано на основании ответов, полученных из 77 департаментов. Следует добавить, что 1% рожениц признали своих детей, прежде чем от них отказаться, и в итоге передумали и забрали их.
- ⁹ Во французской образовательной системе первый класс предшествует выпускному (прим. перев.)
- ¹⁰ Это не новая проблема, о ней известно с 1950-х гг. (см. *Emsellem 2004*). В упомянутом выше исследовании также отмечены сопротивление медицинского персонала такому выбору рожениц и трудности во взаимодействии сотрудников некоторых медицинских учреждений с представителями СНАОП (DGCS 2017 : 53).
- ¹¹ Термин, используемый в службах усыновления, где проводилось исследование. Словом “мама” здесь называют только приемную мать.
- ¹² Уточним, тем не менее, что после первого обращения в архив положение меняется: посетителю предлагают информировать его в случае новых поступлений в его архивное дело. Точно также СНАОП может информировать бывших воспитанников Службы защиты детей, единожды обратившихся с запросом информации об их биологических родителях, о решении последних раскрыть свой секрет.

Пер. с фр. Е.И. Филипповой

Источники и материалы

- Гражданский кодекс – Code civil, 1804 (2021) <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070721/>
- Конвенция о защите детей – Convention du 29 mai 1993 sur la protection des enfants et la coopération en matière d’adoption internationale <https://www.hcch.net/fr/instruments/conventions/full-text/?cid=69>
- Конвенция о правах ребенка – Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
- Семейный кодекс – Code de l’action sociale et des familles, 1956 (2021) <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006074069/>
- DGCS 2017 – Étude portant sur l’évaluation de différents aspects de la loi n°2002-93 du 22 janvier 2002 relative à l’accès aux origines des personnes adoptées et pupilles de l’État – Rapport final – Juillet 2017. DGCS, Cabinet ADSO.

Научная литература

- Carsten J.* “Knowing Where You’ve Come from”: Ruptures and Continuities of Time and Kinship in Narratives of Adoption Reunions // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2000. 6 (4). P. 687–703.
- Emsellem C.* Naître sans mère. Accouchement sous X et filiation. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2004.
- Farge A.* Effusion et tourment. Le récit des corps. Histoire du peuple au XVIIIe SIÈCLE. PARIS: ODILE JACOB, 2007.
- Fine A.* (Ed.). Adoptions. Ethnologie des parentés choisies. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l’homme, 1998.
- Fine A.* Écritures féminines et rites de passage // *Communications*. 2000. n° 70. P. 121–142.
- Fraenckel B.* La Signature. Genèse d’un signe. Paris: Gallimard, 1992.
- Howell S.* The Kinning of Foreigners. Transnational Adoption in a Global Perspective. New York/Oxford: Berghan books, 2006.
- Jablonska I.* Ni père ni mère. Histoire des enfants de l’assistance publique (1874–1939), Paris: Le Seuil, 2006.
- Le Boulanger I.* Pupilles de l’Assistance. Destins croisés de pupilles de l’Assistance Publique des Côtes du Nord (1871–1914). Rennes: Presses Universitaires de Rennes/Société d’Émulation des Côtes d’Armor, 2013.
- Lefaucheur N.* Accouchement sous X et mères de l’ombre // *La Pluriparentalité / Eds. D. Le Gall, Y. Bettahar*. Paris: Puf, 2001. P. 139–175.
- Lefaucheur N.* De la tradition française au droit à la vérité de la biographie – ou du recours à l’histoire dans les débats parlementaires sur l’accouchement dit sous X // *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. 2006. n° 24 [clio.revues.org/4662; DOI: 10.4000/clio.4662].
- Martial A.* S’apparenter. Ethnologie des liens de familles recomposées. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l’homme, 2003.
- Rivière A.* La quête des origines face à la loi du secret // *Revue d’histoire de l’enfance “irrégulière”*. 2009. n° 11 [http://rhei.revues.org/3060; DOI: 10.4000/rhei.3060].
- Roux S.* L’État des origines. Histoires adoptives, conflits biographiques et vérités passées // *Genèses*. 2017. n°108. P. 69–88.
- Schneider D. M.* American Kinship: a cultural account, Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1968.

Research Article

Martial, A. Archives of Origins. Traces and Narrative (Dis)Continuities in the Archives of France’s Child Welfare System (France, 1995–2015) [Arkhivnye svidetel’stva o proiskhozhdenii. Pis’mennye i veshchestvennye sledy biologicheskogo rodstva v dokumentakh sluzhby zashchity detei (Frantsiia, 1995–2015)]. *Anthropologies*, 2021, no 1, pp. 121-137 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/121-137>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Agnès Martial | <https://orcid.org/0000-0001-9170-6225> | CNRS, Centre Norbert Elias | 2 rue de la Charité, 13002 Marseille, France | agnes.martial@univ-amu.fr

Keywords

kinship, abandonment, adoption, origins, archives

Abstract

Framed on an investigation in the French Childhood social welfare services, this article analyses the “traces” kept within the files of the children born “in the secret” and/or abandoned. The treatment of the administrative documents, letters, pictures or things that have been kept informs the birth relationships conceptions in adoptive situations, enlightening a new side of contemporary multiparenthood.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
L’Agence nationale de la recherche, project №ANR-18-CE26-0012, 2018–2021

References

- Carsten, J. 2000. “Knowing Where You’ve Come from”: Ruptures and Continuities of Time and Kinship in Narratives of Adoption Reunions, *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 6 (4): 687–703.
- Emsellem, C. 2004. *Naître sans mère. Accouchement sous X et filiation* [To be Born Without a Mother. Childbirth “in the secret” and Filiation], Rennes: Presses universitaires de Rennes.
- Farge, A. 2007. *Effusion et tourment. Le récit des corps. Histoire du peuple au XVIIIÈ SIÈCLE* [EFFUSION AND TORMENT. THE STORY OF THE BODIES. HISTORY OF THE PEOPLE IN THE 18TH CENTURY], PARIS: ODILE JACOB.
- Fine, A. (dir.). 1998. *Adoptions. Ethnologie des parentés choisies* [Adoptions. Ethnology of the chosen relatives], Paris: Éditions de la Maison des sciences de l’homme, coll. “Ethnologie de la France”.
- Fine, A. 2000. Écritures féminines et rites de passage [Women’s Scriptures and Rites of Passage], *Communications*, 70: 121–142.
- Fraenckel, B. 1992. *La Signature. Genèse d’un signe* [Signature. Genesis of a sign], Paris: Gallimard.
- Howell, S. 2006. *The Kinning of Foreigners. Transnational Adoption in a Global Perspective*, New York/Oxford: Berghan books.
- Jablonka, I. 2006. *Ni père ni mère. Histoire des enfants de l’assistance publique (1874–1939)* [Neither father nor mother. History of the children of Childhood Social Welfare Services (1874–1939)], Paris: Le Seuil.
- Le Boulanger, I. 2013. *Pupilles de l’Assistance. Destins croisés de pupilles de l’Assistance Publique des Côtes du Nord (1871–1914)* [Children of Childhood Social Welfare Services. Crossed destinies of wards of the Assistance Publique des Côtes du Nord (1871–1914)], Rennes: Presses Universitaires de Rennes/Société d’Émulation des Côtes d’Armor.
- Lefaucheur, N. 2001. Accouchement sous X et mères de l’ombre [Childbirth “in the secret” and shadow mothers], in Didier Le Gall et Yamina Bettahar (Eds.), *La Pluriparentalité*, Paris: Puf: 139–175.
- Lefaucheur, N. 2006. De la tradition française au droit à la vérité de la biographie – ou du recours à l’histoire dans les débats parlementaires sur l’accouchement dit sous X [From the French tradition to the right to the truth of the biography, or the use of history in parliamentary debates on childbirth “in the secret”], *Clio. Histoire, femmes et sociétés*, 24 [clio.revues.org/4662 ; DOI : 10.4000/clio.4662].
- Martial, A. 2003. *S’apparenter. Ethnologie des liens de familles recomposées* [Relate. Ethnology of the links of reconstituted families], Paris: Éditions de la Maison des sciences de l’homme, coll. “Ethnologie de la France”.
- Rivière, A. 2009. La quête des origines face à la loi du secret [The Search for origins. Children of the French Assistance Publique in search of their personal history (1900–1920)], *Revue d’histoire de l’enfance “irrégulière”*, 11 [http://rhei.revues.org/3060; DOI: 10.4000/rhei.3060, published Oct 1, 2011, date of access Sept 29, 2016].
- Roux, S. 2017. L’État des origines. Histoires adoptives, conflits biographiques et vérités passées [The State of Origins. Adoptive Histories, Biographical Conflicts, and Past Truths], *Genèses*, 108: 69–88.
- Schneider, D. M. 1968. *American Kinship: a cultural account*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research]. Paris: Armand Colin.

© Э. Фожер

© Д. Дюсси

О ПРЕПЯТСТВИЯХ НА ПУТИ “ЗЕЛЕНОГО” ПЧЕЛОВОДСТВА ВО ФРАНЦИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ключевые слова: пчеловоды, апиологи, Прованс, клещ Варроа, расплод, знание, обмен знаниями

Пчелы и широко известные полезные свойства продуктов пчеловодства, которым в общественных дискуссиях во Франции уделялось и уделяется значительное внимание, в течение нескольких предыдущих лет стали предметом интереса французских социальных исследователей. Пчелы фактически превратились в символ кризиса биоразнообразия в стране. Социальные исследователи, включая авторов данной статьи, иногда участвуют в мультидисциплинарных проектах под руководством биологов с целью помочь убедить профессиональных пчеловодов внедрять более экологичные практики пчеловодства, особенно в том, что касается борьбы с клещом Варроа – смертоносным вредителем пчел. Однако, как выяснилось в ходе нашего исследования на юге Франции, местные пчеловоды не спешат отказываться от привычных методов своей работы. Они продолжают использовать химикаты, которые просты в обращении, дешевы и эффективны, игнорируя при этом более экологически безопасные, но, по их мнению, более рискованные и сложные в применении техники, такие, как чистка или удаление части пчелиного расплода. В данной статье нами анализируются препятствия на пути внедрения более экологичного пчеловодства во Франции, и исследуется отношение к научному и ненаучному знанию, которое эти препятствия обнаруживают.

Введение

Пчеловодство – это особый, если не сказать “тайный” род занятий немногих людей во Франции. Здесь работают всего 54 тыс. 584 пчеловодов¹, из которых 1669 человек занимаются этим в качестве своей профессии (на каждого из них приходится около 200 ульев), для 2564 человек это не основная деятельность (на них приходится от 50 до 199 ульев), и 50 тыс. 361 человек – это семейные производители, содержащие от 1 до 49 ульев (*FranceAgriMer* 2016).

Эльза Фожер | <https://orcid.org/0000-0002-0827-6461> | Национальный институт сельскохозяйственных исследований (INRAE) | 2 place Viala, Bat 27, 34060 Montpellier Cedex 02 | elsa.faugere@inrae.fr
Дороте Дюсси | <https://orcid.org/0000-0002-2986-9434> | Центр Норберта Элиаса | 2 rue de la Charité 13002 Marseille, France | ddussy@ehess.fr

Исследование получило финансовую поддержку Европейского союза в рамках проекта “Innov’Api” (INTERREG ALCOTRA, 2017–2020).

Статья впервые опубликована в журнале *Science, Technology, & Human Values*. 2021, 46(4): 863–881. На русском языке публикуется с согласия авторов и редакции журнала.

Для цитирования: Э. Фожер, Д. Дюсси. О препятствиях на пути “зеленого” пчеловодства во Франции: антропологическая перспектива. // *Антропологии/Anthropologies*. 2021. № 1. С. 138-153. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/138-153>.

Таким образом, 97% французских пчеловодов не являются профессиональными пчеловодами, т.е. они не зарабатывают на этой деятельности. Рынок меда и прочих продуктов пчеловодства в стране очень мал по сравнению с рынками другой сельхозпродукции, но он, тем не менее, достаточно хорошо функционирует и демонстрирует беспрецедентную для аграрного бизнеса прибыльность.

Принимая во внимание важность темы пчеловодства для французского общественного дискурса и широко известную пользу продуктов пчеловодства, а также учитывая значительный объем социальных исследований сельского хозяйства как такового, мы были удивлены, когда обнаружили в начале своего апиологического исследования в 2016 г. лишь небольшое количество публикаций по данной теме. До конца 1990-х гг. разведение пчел во Франции не привлекало исследовательского интереса, вероятно, потому, что этот вопрос не вызывал беспокойства со стороны французского правительства, государственных органов, СМИ и французских граждан.

Пчеловодство: малый объект, глобальный вызов. Французская общественность заинтересовалась темой пчеловодства в середине 1990-х годов в свете двух обозначившихся факторов, первый из которых – так называемый кризис “Гаучо” (название пестицида из группы неоникотиноидов, используемого при выращивании подсолнечника), когда пчеловоды заподозрили, что причиной гибели необычайно большого числа пчел могло быть использование этого пестицида. Кризис породил настоящий скандал, а граждане США и европейских стран с тех пор стали все чаще слышать о “синдроме коллапса пчелиных колоний”.

По ходу развития этих событий экономическая наука предложила нововведение, подразумевавшее “научно обоснованную” оценку денежной стоимости различных экосистемных услуг, включая опыление растений. Тему *экологической экономики* быстро подхватили СМИ и международные институты: так, в 2000 г. ООН запустила масштабный проект под названием “Оценка экосистем на пороге тысячелетия”, который на четыре года объединил 1500 международных экспертов с целью оценки экосистемных услуг. Данное исследование обосновало финансовую и экономическую ценность опыления растений и тем самым – роль пчел, как диких, так и домашних, а также их значимость для экологии. Пчелы стали восприниматься общественностью в качестве “стражей” окружающей среды. Наряду с открытием значимости пчел, внимание СМИ, политиков и граждан привлекло исчезновение пчелиных колоний.

В данном, благоприятном с политико-институциональной точки зрения и с точки зрения СМИ, контексте “синдром коллапса пчелиных колоний” приобрел новое значение.

Общественность обнаружила не только то, что пчелы исчезают, но и то, что, благодаря способности опылять растения, пчелы обладают значительной монетарной и немонетарной ценностью. Осознание и того, и другого ознаменовало собой поворотный момент в отношении общества к данной теме. Вопрос о благополучии пчел обрел политическое измерение и постепенно стал предметом новых социальных исследований². В то же время резко выросла цена на мед, и пчеловодство, превратившись в прибыльный бизнес, стало предметом специального изучения.

В этих условиях группа биологов, специализировавшихся на пчелах, обратилась за помощью к нам, антропологам, работавшим в Национальном центре научных исследований и Национальном институте сельскохозяйственных исследований Франции. На момент обращения к нам они занимались реализацией нескольких исследовательских проектов, целью которых было задокументировать практики французских пчеловодов и их знания в двух главных об-

ластях: генетический отбор среди пчел и борьба с клещом-вредителем Варроа (занесенный из Азии в начале 1980-х гг. клещ Варроа стал с тех пор паразитировать на европейских пчелах).

Как и в случае с сельскохозяйственной отраслью в целом, профессиональные пчеловоды давно и часто взаимодействуют с техническими и научными организациями (*Walliser 2015; Pestre, Bonneuil 2015; Vinck 2007*). В конце Второй мировой войны некоторые из них сотрудничали с учеными и предоставляли им свои пасеки для изучения (*Louveaux 2006; Aureille 2014*). Таким образом они включались в полевые исследовательские проекты, а взамен получали результаты исследований, и какое-то время в среде профессионального пчеловодства постоянно циркулировало как научное, так и обыденное знание, направленное на улучшение процесса разведения пчел и улучшение здоровья пчел. С момента окончания Второй мировой войны небольшое число особо увлеченных пчеловодов-любителей в Европе и Северной Америке тесно сотрудничало с биологами (*Ruttner 1990; Garnery et al. 1998*). Целью этой совместной и слаженной работы было скрещивать популяции пчел с тем, чтобы повысить их производительность и адаптивность к конкретным климатическим условиям и растительным ресурсам. В течение нескольких предшествующих лет это взаимодействие осложнилось вследствие разногласий относительно применения частными компаниями методов генной инженерии (см. *Bensaude-Vincent 2004* и *Stengers 1995, 2002*, которые писали об опасениях, возникших в связи с научной технологизацией). Часть пчеловодов выразила обеспокоенность тем, что использование методов генной инженерии применительно к пчелиным колониям может привести к патентованию тех или иных технологий, как было в случае с семенами некоторых растений, генная модификация которых лишила фермеров возможности самостоятельно применять свои знания и разводить семена (*Demeulenaere et al. 2017, Demeulenaere 2018*). Помимо генетики, другое направление исследований, которое стали развивать биологи и которое требовало постоянного участия пчеловодов, включало вопросы, связанные с обеспечением здоровья пчелиных колоний. Реестр имеющихся процедур по поддержанию здоровья пчел, предложенный региональными группами специалистов, более не достаточен для решения проблемы периодического заражения пчел клещом Варроа. Подобно прочим паразитам на планете, во Франции и других регионах этот вредитель постепенно перестал быть восприимчивым к химическим продуктам, ежегодно применяемым в борьбе с ним (*Boulier 2019; Boudia, Henry 2015*). Неудивительно, что вопрос контроля за инфицированием этим клещом стал для пчеловодов насущным. Один же из способов противостоять вредителю – это исключить возможность его размножения, работая непосредственно с пчелиным расплодом³, в котором он развивается.

Биологи сосредоточены на изучении пчел и поражающих их паразитов. Они измеряют и подсчитывают количество пчел в разные периоды года и при разных условиях, связанных с циклом воспроизводства, сезоном, сбором нектара и др., и эти измерения проводятся вне контекста взаимодействия человека с пчелами (*Decourtye 2018*). Используемые биологами методы не позволяют им осмыслить знание о пчелах и практики пчеловодства и понять причины, по которым пчеловоды предпочитают одни методы другим. Вследствие этого они полагались на экспертное знание социальных исследователей, которые, в отличие от биологов, специализируются на описании и анализе человеческой деятельности.

В данной статье нами исследуется конкретный аспект взаимодействия между учеными и пчеловодами с тем, чтобы понять, насколько затруднена циркуляция знания между этими двумя основными категориями социальных акторов. Что происходит, когда знание перестает циркулировать? Почему оно перестает циркулировать, и почему оно не достигает своей целевой

аудитории, т.е. пчеловодов? Потому ли, что пчеловоды отказываются воспринимать это знание или потому, что биологи отвергают какую-либо критику в отношении своей работы?

В своих умозаключениях мы опираемся на эмпирический материал, собранный в ходе нашего участия в различных междисциплинарных проектах на протяжении трех лет. В центре внимания в статье – главным образом, результаты обследований, проведенных в рамках проекта “Innov’Ari” (*INTERREG ALCOTRA*, 2017–2020), профинансированного Европейским союзом и объединившего биологов, технологов, пчеловодов и нас, социальных исследователей.

Стремление убедить или понять. Мы приняли решение взяться за данный проект, поскольку, с точки зрения науки, востребованность наших услуг со стороны биологов представляется чем-то необычным. Она также многое говорит нам о циркуляции знания и вызовах, связанных с этим. Так, биологи обратились к нам с просьбой убедить пчеловодов изменить их практики, а именно – отказаться от использования традиционных химикатов для очистки ульев от клеща Варроа и внедрить биотехнические методы без химических составляющих, т.е. начать, тем самым, развивать органическое пчеловодство. В рамках данного исследовательского проекта предложенный биологами и технологами метод заключался в том, чтобы извлекать пчелиный расплод из ульев или выскабливать его с тем, чтобы распечатать соты, что привело бы к гибели пораженных личинок. В частности, нас попросили выявить, что мешает пчеловодам в районе Алькотра (Альпы Верхнего Прованса, Приморские Альпы и Верхние Альпы) начать применять этот метод. Несмотря на то, что данный метод – недорогой и способствует устойчивому развитию в деле поддержания здоровья пчел, пчеловоды Прованса и французских Альп, зачастую, к недоумению биологов, не согласны с тем, чтобы вынимать расплод или выскабливать соты. Мы переформулировали свой исследовательский вопрос с позиции антропологии знания и постарались понять, почему и каким образом часть пчеловодов удалось убедить скорректировать их деятельность и внедрить биотехнологические инновации, в то время как другие не сделали этого.

Исследовательский материал и метод

Для решения поставленных нами исследовательских задач мы применили научный метод сбора (или производства) качественных данных. Учитывая, что мы не могли изначально предвидеть того, что именно нам расскажут пчеловоды, и что нам предстояло увидеть, в ходе исследования нам потребовалось корректировать свои вопросы и объект наблюдения. Подходы в рамках социальной антропологии предполагают подобную гибкость, и поэтому именно социально-антропологическое исследование было уместно для решения задач данного проекта. Антропологический подход был применен в два этапа. На первом этапе мы провели серию интервью с профессиональными пчеловодами Прованса (всего 35 чел.). Пчеловоды были выбраны из соответствующего реестра “Ассоциации развития пчеловодства” по данному региону, с учетом их членства и в других профессиональных объединениях. Интервью позволили выявить социально-демографический профиль данной категории людей, исходя из таких критериев, как возраст и семейное положение каждого пчеловода, размер и продолжительность существования его/ее пчеловодческого бизнеса, история его/ее бизнеса и др. Это позволило нам собрать социологическую и антропологическую информацию, дающую более объемную картину и понимание того, как пчеловоды получают доступ к научным данным и экспертизе технологов и других пчеловодов, а также к профессиональной литературе по вопросу противодействия Варроа.

Проведенные интервью позволили нам отобрать небольшое число профессиональных пчеловодов для второго этапа исследования – так мы изменили масштаб наших наблюдений. Данный этап продлился в течение всего пчеловодного сезона 2018 г. – с марта по сентябрь. Полевая работа, осуществленная нами за это время, включала в себя этнографические изыскания в шести пчеловодческих компаниях.

Как обычно бывает в контексте социально-антропологических исследований, в ходе которых исследователи проводят длительное время “в поле”, нам потребовалось предварительно договориться относительно нашего присутствия в выбранных компаниях и соответствующим образом адаптировать свою позицию и поведение. Много внимания было уделено вопросу о том, чем мы могли бы быть полезны этим компаниям, и что мы могли бы делать для пчеловодов, чтобы не быть для них обузой.

В результате этнографического исследования удалось собрать четыре основных типа данных:

- данные включенного наблюдения (благодаря успешной интеграции исследователя в пчеловодческую среду);
- данные интервью (дискурсивные взаимодействия с пчеловодами по вопросам, поднятым исследователем);
- данные обзоров литературы (связанные с тематикой исследования);
- письменные данные (*Olivier de Sardan* 1995).

Интервью с пчеловодами проводились регулярно в течение всего пчеловодческого сезона. В них пчеловодам задавались вопросы об их практиках ухода за пчелиными колониями. Несколько тем нашли отражение в этих интервью, включая подготовку пчелиной колонии, управление хозяйством, генетику, обновление колонии, обследования в течение сезона, организацию перевозки пчел и подготовку к зимовке. Нами был изучен как предшествующий опыт и практики пчеловодов (что они читали о пчеловодстве, какие тренинги посещали), так и их последующий опыт и действия (то, как они фиксировали и отслеживали предпринимаемые ими действия в борьбе с вредителем Варроа и как накапливали этот опыт из года в год).

Мы также исследовали то, как опыт пчеловодов повлиял на реализуемые ими в последующие годы стратегии, спрашивая их, к примеру, о том, одинаково ли они ухаживают за всеми своими ульями. Также мы спрашивали пчеловодов о понесенных ими финансовых затратах и количестве времени, которое они потратили на борьбу с клещом в предыдущие 20 лет. Мы просили их обозначить пределы своей удовлетворенности или неудовлетворенности, испытываемой ими в процессе этой работы, а также когда и почему они меняли свою стратегию по уходу за пчелами.

В дополнение, мы постоянно присутствовали в выбранных нами пчеловодческих компаниях в течение двух ключевых периодов: а) когда пчеловоды готовили пчелиные колонии в преддверии первого вылета для сбора нектара весной и б) в конце лета, по окончании цветения. Мы зафиксировали все их технические навыки и действия в процессе пчеловодческой работы (подготовка пчелиной колонии, управление хозяйством, генетика, обновление колонии, противодействие клещу и подготовка к зимовке). Мы просили пчеловодов объяснить, почему они выбирали тот или иной способ борьбы с клещом, а также задавали вопросы относительно перевозки пчел и о том, когда и где они размещали свои ульи в течение сезона. Были записаны и комментарии пчеловодов по поводу Варроа. Информация, собранная в интервью, была в дальнейшем изучена и соотнесена с нашими наблюдениями. В ходе исследования мы также

вели подсчет пчел, составляли каталоги, карты, списки.

Важно было изучить и имеющуюся французскую литературу о профессиональном пчеловодстве. Составление библиографии привело нас к истории появления клеща Варроа во Франции в 1980-х годах, а исследование истории знания о клеще выявило соответствие этого знания официальным рекомендациям, данным пчеловодам после обнаружения вредителя в стране.

Интервью с пчеловодами и их помощниками проводились в формате неформальной беседы, в которой они представлялись нам и как консультанты, и как рассказчики. Основными методологическими принципами в основе качественных изысканий стали:

- насыщенность данных,
- триангуляция данных,
- пересечение данных с данными в других письменных работах,
- разработка дескрипторов,
- выбор ключевых информантов,
- пояснительные объяснения.

Эти принципы были описаны такими исследователями, как Оливье де Сардан (*Olivier de Sardan* 1995) и Глейзер и Страусс (*Glaser, Strauss* 2010). Здесь, однако, важно подчеркнуть, что наиболее оригинальными и значимыми методологическими чертами исследовательского проекта, в котором мы приняли участие, были коллективность и мультидисциплинарность. Как правило, социальные исследователи работают в одиночку: они собирают данные в одиночку, оставляют данные у себя, в одиночку пишут статьи или книги. В рамках данного проекта мы использовали диаметрально противоположный подход, состоявший в том, чтобы собрать воедино данные биологов, специалистов по статистике и антропологов и работать совместно.

Кроме того, в рамках проекта была подготовлена магистерская диссертация по антропологии “Антропология пчеловодства: вызовы и возможности, возникающие в ходе изменений, нацеленных на обеспечение устойчивого развития пчеловодства в альпийском регионе” за авторством Лор Лоншам (*Longchamps* 2018). Работа была представлена к защите в июне 2018 г. в Университете Экс-Марсель. Наконец, было организовано и записано порядка 10 семинаров технического характера и встреч для сбора обратной связи, которые провела “Ассоциация развития пчеловодства в Провансе”; состоялся ряд заседаний руководящего комитета проекта “Innov’Ari”. В следующей части статьи мы проанализируем, что мешает французским пчеловодам в регионе Алькотра применять иные средства в борьбе с клещом Варроа, в частности, работать непосредственно с пчелиным расплодом.

Результаты

Эффективность традиционных методов борьбы с клещом Варроа. Эффективность привычных для французских пчеловодов методов борьбы с Варроа – т.е. с использованием химикатов, в особенности средства под названием “Апивар” – стала главным техническим препятствием для внедрения более экологически безопасных методов, которое обозначили пчеловоды. Они заявляют, что довольны результатами применения таких средств и считают их очень эффективными. Наличие, в дополнение к “Апивар”, щавелевой кислоты для лечения пчел зимой позволяет им чувствовать себя “спокойно”. При этом пчеловоды указывают на простоту в ис-

пользовании и быстродействие “Апивара”: размещение его в каждом из ульев не отнимает много времени, а вся операция не требует использования средств защиты для лица и тела. Это средство не имеет запаха, не вызывает боли и невидимо: химические остатки его не уловимы органами чувств человека и считаются безвредными как для пчеловода, так и для пчел. Сама процедура нанесения средства не тревожит колонию. Наконец, его стоимость – всего около двух евро в пересчете на один улей; к тому же, закупка этого средства частично субсидируется французскими объединениями по охране здоровья пчел. Эффективность, простота в применении, быстродействие и умеренная цена лечения “Апиваром”, таким образом, – основное препятствие на пути внедрения новых способов противодействия Варроа.

Названные пчеловодами причины вызывают еще большее огорчение в свете того, что пчеловоды в Провансе – Южном регионе не имеют дело с самогоразногороданеопределенностью, особенно в отношении погодных условий (засуха) и средовых факторов (наличие пестицидов). Использование надежного средства борьбы с вредителем позволяет им быть увереннее в такой ситуации. Можно сказать, что, с учетом этих условий, для отказа части пчеловодов менять свои практики есть вполне рациональное основание: зачем подвергать риску свой труд, когда уже есть средство, которое полностью подходит?

Когда вы вынуждены учитывать место зимовки, ваш труд в качестве пчеловода, генетику ваших пчел – есть так много параметров в деле пчеловодства, что вы не можете экспериментировать с лечением и при этом быть уверенными в получении того же результата, что и с “Апиваром”! Где бы вы ни были, каким бы пчеловодом вы ни были, какими бы ни были ваши пчелы, вы пользуетесь “Апиваром”. Он необычайно надежен и прост в использовании! Он закрывает все вопросы. У нас же, с нашим [органическим] лечением, которое зависит от гигрометрии, температуры, места, пчел, генетики, пчеловода и т.п., – разные результаты, в зависимости от числа параметров – это все невозможно контролировать. (Бернар, 60-летний пчеловод, занимающийся органическим пчеловодством).

Техника удаления/выскабливания и распечатывания сот с пчелиным расплодом. По мнению опрошенных нами пчеловодов, биотехнические инновации, предложенные биологами и технологами, выступающими за извлечение пораженного клещом расплода, выскабливание и распечатывание сот имеют несколько недостатков: эта процедура требует дополнительного времени, и работу всей пчелиной фермы требуется реорганизовывать. Еще более проблематичным представляется им то, что выскабливание или извлечение расплода должно быть произведено в конце сезона, в августе, когда пчеловоды нуждаются в отдыхе. Август – обычно лучшее время для семейного отдыха, и некоторые пчеловоды отдают приоритет интересам семьи.

Более того, предложенный метод считается грубым, поскольку он нацелен на само ядро расплода; это опасно для пчелиных маток, которые могут погибнуть или получить повреждение в ходе процедуры. К тому же, требуется выполнить большое количество дополнительных работ. Есть и иные риски, особенно погодные, когда условия могут оказаться неблагоприятными для откладки пчеломатками новых яиц. Таким образом, предложенная техника порождает неопределенность. Удаление расплода требует приобретения дополнительных коробок для размещения пчел и, следовательно, дополнительных затрат, а также большее число манипуляций и изменения графика разведения пчел, при котором пчелы вынуждены производить новую колонию в не привычное для них время года.

Так что мне, на самом деле, понравилась идея с извлечением расплода, даже несмотря на то, что это сложно. Отказ же от “Апивара” в пользу альтернативных методов лечения требует большего, чем просто удвоить объем работы! Использовать “Апивар” – это значит, всего лишь, разместить две полоски в улье и затем все закрыть, и все! Извлечение

расплода, с другой стороны, требует множества операций с ульем и связано с гораздо большим вмешательством, ведь вы фактически проникаете в расплод и не знаете, где там пчеломатка, а ведь ее можно повредить, уничтожить; вы не знаете, соблюдете ли вы правильные условия для разведения нового расплода и т.д. Это почти то же самое, что начать все заново. (Тома, пчеловод).

Пчеловоды не приветствуют идею извлечения и распечатывания сот пораженного расплода и уничтожения его таким образом. Они считают эту технику вредной, потому что она предполагает не простую для них операцию – уничтожение самой сердцевины пчелиной колонии. Их сдержанность в отношении идеи уничтожения расплода имеет также моральные основания. Даже если расплод болен, пчеловоды, порой, предпочитают, скорее, попытаться вылечить его, нежели удалить. Эта практика, однако, считается объективно проблематичной с точки зрения экологии, поскольку она не сертифицирована в качестве практики органического пчеловодства.

Риски в деле смены пчеловодческих практик. Внедрение новых техник (удаление/выскабливание и распечатывание пчелиного расплода) предполагает, что пчеловоды будут брать на себя риски, ведь они вступают в мир, полный еще большей неопределенности, чем та, что связана с применением “Апивара”. Здесь следует подчеркнуть, что пчеловоды уже постоянно сталкиваются с рисками. Они работают в крайне неопределенных погодных условиях и окружающей среде, которые они никогда не будут в состоянии полностью контролировать. Они не контролируют количество применяемых пестицидов. Они не контролируют предстоящую погоду и ее последствия для цветения растений, с которых они хотели бы обеспечить сбор пчелами пыльцы и нектара. В лучшем случае пчеловоды могут лишь реагировать на эти факторы как можно более безопасным способом, подготавливая колонии своих пчел к особенностям того или иного периода цветения и принимая разумные решения относительно перегона пчел. И они не желают дополнительной неопределенности, сопряженной с каким-либо новшеством в их работе. По настоящее время “Апивар” представляется им наиболее надежным средством, дающим лучшую гарантию в мире, полном неожиданностей. Их стратегия основана на минимизации рисков (*Eldin, Milleville 1989; Chateauraynaud, Torony 1999; Mormont 2015*). При этом они стремятся не к максимизации своей выгоды, а к гарантированному, пусть и необязательно высокому, доходу.

Препятствия, связанные с частной жизнью пчеловодов. Пчеловоды, как и все, – обычные люди, у которых есть своя жизнь, семьи, потребность в отдыхе, своя психология, вкусы и предпочтения; они реализуют тот или иной выбор в своей жизни. И разные препятствия, которые возникают на пути нововведений в пчеловодческих практиках, можно разделить на те, что связаны с отношением пчеловодов ко времени, проводимом ими на работе и со своей семьей – отношением, которое обусловлено как субъективными, так и объективными факторами.

Отношение пчеловодов ко времени, которое они проводят за работой – субъективно и меняется на протяжении жизни. В действительности, уместнее говорить об их возможности заниматься пчеловодством в принципе. Наличие такой возможности зависит от перемен в частной и семейной жизни пчеловода. Молодые пчеловоды, не имеющие детей, как кажется, имеют больше возможностей посвятить себя этому занятию, и потому более вероятно, что они будут проводить свободное время на пасеке. Но они могут предпочесть этому и что-то иное, например, игру в гольф или занятия парусным спортом. В то время как, объективно, у них может быть много свободного времени, они необязательно будут уделять его целиком заботе о пчелах. С другой стороны, у пчеловодов, воспитывающих детей в одиночку или с партнером, меньше возможностей заниматься пасекой. Однако при этом некоторые все же предпочитают прово-

дить больше времени с пчелами, нежели со своей семьей. Здесь важно не забывать о психологическом измерении такого субъективно-обусловленного отношения к работе и семье. Возможность или невозможность модифицировать способ ведения хозяйства и уделять то или иное количество времени лечению пчелиных колоний, обусловлена и юридическим статусом пчелиной фермы (функционирует ли она как организация, зарегистрированная на самого пчеловода, как индивидуальная структура или как фермерское объединение), и возрастом пчеловода.

Несмотря на то, что здесь все зависит от конкретного пчеловода, можно выделить несколько общих факторов, имеющих значение в данном контексте:

- экономическое положение пчеловода (наличие иного дохода и кредитов, подлежащих возврату, наличие личных или семейных активов) есть определяющий фактор в том, что касается внедрения новых практик пчеловодства. Пчеловоды старшего возраста, которые более не обеспечивают своих детей, или не имеют невыплаченных кредитов, возможно, более открыты и восприимчивы к нововведениям, так как им нечего терять. Они в меньшей степени рискуют, нежели более молодые пчеловоды с детьми или долговыми обязательствами, которые, в силу этих личных обстоятельств, могут занимать более сдержанную позицию в отношении смены пчеловодческих практик, особенно если супруг или супруга не имеют стабильного дохода. Если у супруга или супруги стабильный доход есть, пчеловод может взять на себя больший риск и сделать выбор в пользу органического пчеловодства, более затратного по времени и сопряженного с большей неопределенностью конечного результата;
- личные предпочтения пчеловода: одним пчеловодам нравится экспериментировать с новыми практиками, в то время как другим – нет. Личные предпочтения – часть личного пути каждого пчеловода, следствие их частной и профессиональной жизни до того, как они занялись пчеловодством. В случае если пчеловод не женат/не замужем и не имеет детей, возможны разные сценарии: либо они выбирают риск и вкладывают значительные инвестиции в работу на пасеке, либо они выбирают более осторожную стратегию. В ходе своей профессиональной самореализации те, кому нравится испытывать новое и экспериментировать в работе, возможно, и сами будут пробовать разные способы лечения пчел (и прочие практики пчеловодства), даже без участия и помощи со стороны технологов. Пчелиное хозяйство у таких пчеловодов не является чем-то твердо определенным и стабильным. Они стремятся улучшить производство и регулярно модифицировать генетику своих пчел, маршруты их перегона, каналы коммерциализации продукции и способы лечения пчел;
- нежелание прочих пчеловодов ничего менять в рамках давно отлаженного ими производства, полностью их устраивающего.

Столь разные позиции пчеловодов можно частично объяснить той деятельностью, которой они занимались до того, как стать пчеловодами⁴. Так, наши опросы показали, что пчеловоды, прошедшие обучение и получившие магистерскую степень по агрономии, географии, экологии или иной дисциплине, более склонны экспериментировать и участвовать в совместных полевых исследованиях, предлагаемых им технологами из ассоциаций по развитию пчеловодства в разных регионах страны совместно с биологами Национального института сельскохозяйственных исследований Франции.

Препятствия экономического и экологического характера. Пчеловодческий сезон в Провансе – Южном регионе связан с цветением лаванды и завершается в августе, что исключает или, по меньшей мере, не обеспечивает благоприятных условий для перехода пчеловодов к новым

практикам противодействия клещу Варроа посредством удаления пчелиного расплода, как это делают в Италии. В Италии этот метод позволяет создавать новые колонии в удачное для этого время года и продавать их, выручая 60 000 евро за 500 небольших ульев (по словам итальянского ветеринара, участвовавшего в проекте “Innov’Alp”) – что для итальянских пчеловодов, по-видимому, – стабильный и гарантированный источник желанного дополнительного дохода.

Во Франции, в Провансе – Южном регионе, подобная работа с расплодом не приносит денег, так как местный пчеловодческий сезон не лучшее время для продажи новых колоний. Косвенным образом удаление расплода, разумеется, улучшает здоровье и производительность колоний, но выгода от этого не является прямой и определенной и не побуждает пчеловодов отказываться от тех преимуществ, что у них уже есть. На деле прованские пчеловоды не испытывают трудностей с реализацией произведенного меда, включая оптом. В этом регионе привычная цена меда, особенно лавандового, который и составляет основу местного производства, высока. И хотя, удаляя пораженный пчелиный расплод, пчеловоды вступили бы в ряды производителей органической продукции, что могло бы принести им большую прибыль, оптовая цена органического меда (около трех евро за килограмм) не кажется им достаточно привлекательной и не является убедительным аргументом.

Препятствия политического характера. В основном сегодня говорится о том, что текущая государственная политика в отношении пчеловодства не способствует внедрению более экологически безопасных способов производства (Rumpala 2011; Lamine 2017). Наоборот, она осложняет переход к органическому производству, заставляя пчеловодов платить за использование наименования “органическая продукция”, что противоречит принципу “платит тот, кто загрязняет окружающую среду”, по которому платить должны были бы пчеловоды, не желающие внедрять методы органического производства. Согласно действующим правилам, пчеловоды обязаны менять пчелиный воск каждые два или три года (что абсурдно, поскольку допускает возможность загрязнения воска) и, что важнее всего, есть значительные государственные субсидии, поощряющие обновление пчеловодами популяций своих пчел. Таким образом, государство неявно сообщает им: не трудитесь ухаживать за своими колониями, мы поможем вам их обновить. Субсидии на приобретение “Апивара” с помощью групп по защите здоровья пчел в рамках фермерских объединений, государственная помощь и субсидии лишь стимулируют пчеловодов продолжать применять химикаты.

Наконец, в описаниях процедур органического производства удаление пораженного расплода прямо как не санкционировано, так и не запрещено. В результате неясно, следует ли в обязательном порядке применять данный метод для получения разрешения использовать наименование “органическая продукция”. В отношении этого наименования перед прованскими пчеловодами в настоящее время стоит вызов, подрывающий любую возможность организации ими более “зеленого” пчеловодства – в случае если бы они захотели это сделать – и выводящий проблему противодействия вредителю Варроа за рамки всеобщего внимания. Так, в настоящее время “Французский национальный институт происхождения и качества продукции”, который прописывает процедуры и условия органического производства, обсуждает возможность лишить лавандовый мед статуса органического продукта, которым он наделен сегодня. В Провансе лаванда составляет основной или, по крайней мере, наиболее прибыльный ресурс для пчеловодства, однако ее выращивание сопряжено с использованием большого количества пестицидов (в особенности гербицидов), что идет вразрез с принципами органического производства. Если лавандовый мед будет исключен из каталога наименований органического меда, местные пчеловоды, которым он обеспечивает наибольшую часть торгового оборота,

утратят всякий интерес к более экологичным способам борьбы с клещом Варроа и к переходу на органические методы ведения хозяйства.

Заключение: отношение пчеловодов к научному знанию и отношение ученых к тому, что знают пчеловоды

Попытка установить причины того, почему большинство пчеловодов в Провансе – Южном регионе отказываются внедрять практику удаления пораженного пчелиного расплода с целью контролировать инфицирование своих колоний, выявила недостаток взаимопонимания между пчеловодами и учеными. Пчеловоды не принимают рекомендованный учеными метод потому, что, в силу субъективных причин, он им не интересен, даже если биологи объективно преподносят его как решение для будущего пчеловодства.

Сосредоточив свое внимание на субъективных факторах, объясняющих стратегии пчеловодов, в ходе исследования мы обнаружили нестыковку в ожиданиях биологов и пчеловодов. В то время как первые основывают свои доводы на идеальных/теоретических положениях вне контекста, времени и личностного измерения, пчеловоды вынуждены учитывать реалии своей повседневной жизни. В том, что касается здоровья пчел, неоднозначная позиция пчеловодов по отношению к научному знанию стала более понятной. Уважая мнение биологов и отдавая им должное, пчеловоды учитывают и то, что результаты научных исследований не всегда могут быть использованы ими, особенно, профессиональными пчеловодами, для которых реализация продукции пчеловодства – единственный источник дохода. В то же время они поддерживают научные исследования, которые выявляют те или иные способы улучшить технические аспекты пчеловодства и здоровье пчел. Наше исследование указало и на недопонимание и разочарование, связанное с передачей и формализацией знаний о здоровье пчелиных колоний и темпах заражения пчел клещом Варроа: ученые и технологи создают инструменты (к примеру, строят диаграммы) для формализованного отражения проведенных ими измерений на пасеках, и затем направляют их пчеловодам, однако пчеловодам не всегда легко понять представленные таким образом результаты и извлечь из них пользу. Многие из них говорят, что предпочитают пользоваться обыденным языком, общаясь с технологами и учеными по поводу результатов измерений, а не изучать таблицы и диаграммы, которые кажутся им скучными и трудными для понимания, особенно если у них самих нет какого-либо научного опыта. Многие пчеловоды охотно признают значимость знаний ученых и технологов, которые и сами являются пчеловодами. Такое сочетание эмпирического и теоретического опыта придает больший вес и большую авторитетность знаниям этих специалистов, чем знаниям ученых, у которых нет непосредственного опыта полевой работы. В нашем же исследовании диалог между биологами и пчеловодами основывался на установленных межличностных взаимоотношениях.

У пчеловодов есть и свое отношение к социально-научному знанию. Во-первых, они насторожены, боятся, что их будут подвергать психоанализу или манипулировать ими. Они полагают, что ноу-хау и соответствующие публикации не помогут решить их проблемы. Во-вторых, они считают, что вопросы, которые мы перед ними ставим и наши дискуссии, помогают им лучше понять свою профессиональную деятельность. Также неоднозначно и отношение технологов и ученых к тем знаниям, которыми обладают пчеловоды: они характеризуют эти знания как представления и интуиции, которым они противопоставляют, собственно, реальность, обнаруживаемую и схватываемую только научными методами и в соответствии с научными протоколами и процедурами построения знания и научно-доказательной базы. Мы как социальные исследователи, в свою очередь, видим, что то, то биологи считают

представлениями и интуициями, есть ноу-хау и знание, проистекающее из индивидуального и коллективного опыта пчеловодов. И хотя ученые, исходя из вышеназванных оснований, отказываются признавать знание, не порожденное “наукой с заглавной буквы”, они, тем не менее, признают, что у пчеловодов есть надежное, твердое знание своего дела – пчеловодства.

Несмотря на циркуляцию знаний, иногда знание не передается, и можно лишь приветствовать то, что социальные науки способны наладить взаимопонимание между разными акторами одного и того же социального мира, где это возможно (Faugère 2019; Callon 1999). Наша роль как социальных исследователей заключается в том, чтобы переводить, раскрывать для вовлеченных в тот или иной процесс сторон то, что неявно. Для того же, чтобы убедить пчеловодов юга Франции отказаться от химикатов и перейти к новым методам обращения с пчелиными колониями, биологи и технологи, работающие с ними, – и это главное – должны продолжать совершенствовать свои доводы.

Пер. с англ. Е. Карагеорги

Примечания

¹ В исходной версии статьи на французском языке, при употреблении слова, обозначающего человека, занятого пчеловодством, авторы предпочли бы использовать форму как мужского, так и женского рода – для более инклюзивного описания, а также потому, что и мужчины, и женщины во Франции занимаются разведением пчел. Однако учитывая, что большинство французских пчеловодов – мужчины, и что инклюзивный стиль письма может затруднить чтение статьи, было принято решение использовать форму мужского рода для слова “пчеловод” в качестве нейтрального термина, подразумевающего и мужчин, и женщин (согласно примечанию переводчика статьи с французского языка на английский язык, “apiculteur” с фр. – “пчеловод”, форма мужского рода, “apicultrice” с фр. – форма женского рода для того же слова).

² В 2017 г., стремясь объединить и сделать более заметными все эти современные социальные исследования пчел и пчеловодства во Франции и работая совместно с исследователями из Национального института сельскохозяйственных исследований, Национального центра научных исследований и Национального музея естественной истории в Париже, мы организовали “Сеть по вопросам пчеловодства и общества”: <<http://www.sad.inra.fr/Recherches/Abeilles-et-Societes>>.

³ Расплод – это потомство пчел, которому еще только предстоит появиться на свет. Имеет такие формы, как яйца, личинки и куколки. Рабочие пчелы защищают, оберегают и кормят расплод. Яйцо клеща Варроа закладывается в ячейки сот самками клеща, которые проникают туда незадолго до того, как ячейки сот запечатываются; таким образом, яйца клеща остаются внутри запечатанных сот. Молодые женские особи клеща Варроа оплодотворяются своими братьями и покидают соты с момента вылупления пчел.

⁴ Наши опросы позволили увидеть следующий профессиональный сдвиг в выявленном социально-демографическом профиле опрошенных пчеловодов: до того, как пчеловоды начали заниматься пчеловодством, у них была другая работа и высокий уровень квалификации. Большинство из них – выпускники со степенью бакалавра или магистра (т.е. от трех до пяти лет они обучались в высших учебных заведениях).

Источники и материалы

FranceAgriMer 2016 – FranceAgriMer. Rapport d’Activité 2016 https://www.franceagrimer.fr/content/download/53095/document/FranceAgriMer-Rapport-activite_Annuel_2016-BD.pdf

Mormont, M. 2015. La sociologie au risque de l’environnement. Exposé Lausanne, 22 janvier 2015. <https://www.unil.ch/files/live/sites/gse/files/viefaculte/2015-tim/Mormont.pdf>

Научная литература

Aureille M. “L’abeille cheval de Troie de l’environnement dans l’agriculture, mémoire de recherche, Master 2 Risques Sciences Environnement et Santé, Sciences-Po Toulouse, 2014.

Bensaude-Vincent B. Se libérer de la matière? Fantômes autour des nouvelles technologies. Versailles: INRA Editions, 2004.

Boudia S., Henry E. La mondialisation des risques, une histoire politique et transnationale des risques sanitaires et environnementaux. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2015.

Boulier H. Toxiques légaux, comment les firmes chimiques ont mis la main sur le contrôle de leurs produits. Paris: Editions La Découverte, 2019.

Bonneuil C., Pestre D. (Eds.). Le siècle des technologies. 3e tome de L’histoire des sciences et des savoirs, sous la direction de Dominique Pestre. Paris: Seuil, 2015.

Callon M. Ni intellectuel engagé, ni intellectuel dégaï: la double stratégie de l’attachement et du détachement // Sociologie du travail. 1999. n° 41. P. 65–78.

Chateauraynaud F., Torny D. Les sombres précurseurs. Une sociologie de l’alerte et du risque. Paris: Editions de l’EHESS, 1999.

- Decourtye, A. (Ed.). Les abeilles, des ouvrières agricoles à protéger. Paris: Editions France Agricole, 2018.
- Demeulenaere É., Rivière P., Hyacinthe A., Balatassat R., Baltazar S., Gascuel J-B., Lacanette J., et al. La sélection participative à l'épreuve du changement d'échelle. Trajectoire d'une collaboration entre paysans sélectionneurs et généticiens de terrain // Natures Sciences Sociétés. 2017. Vol. 25 (4). P. 336–346.
- Demeulenaere É. “Free our seeds!” Strategies of farmers’ movements to reappropriate seeds // The commons, plant breeding and agricultural research: challenges for food security and agrobiodiversity / Ed. F. Girard, C. Frison. London: Routledge, 2018. P. 210–225.
- Eldin M., Milleville P. Le risque en agriculture. Marseille: Editions de l'ORSTOM, 1989.
- Faugère E. Le making-of des grandes expéditions, anthropologie des sciences de terrain. Marseille: Editions La Discussion, 2019.
- Garnery L., Franck P., Baudry E., Vautrin D., Cornuet J.-M., Solignac M. Genetic diversity of the west European honey bee (*Apis mellifera mellifera* and *A. m. iberica*) II. Microsatellite loci // Genetics Selection Evolution. 1998. Vol. 30 (1). P. 49–74.
- Glaser B., Strauss A. La découverte de la théorie ancrée. Stratégies pour la recherche qualitative. Paris: Armand Colin, 2010.
- Lamine C. La fabrique sociale de l'écologisation de l'agriculture. Marseille: Editions La Discussion, 2017.
- Longchamps L. Anthropologie apicole: enjeux et ressorts des changements de pratiques pour une apiculture durable dans l'espace alpin. Thèse de maîtrise. Aix-Marseille Université, Marseille, France. 2018.
- Louveaux J. Les abeilles et l'apiculture; chronique historique de la zoologie agricole française. Versailles: INRA éditions, 2006.
- Rumpala, Y. De l'objectif de développement durable à la gouvernementalisation du changement. Expressions et effets d'une préoccupation institutionnelle renouvelée en France et dans l'Union Européenne // Politique européenne. 2011. Vol. 33 (1). P. 119–153.
- Ruttner F. (Ed.). The dark European honeybee: *Apis Mellifera Mellifera* Linnaeus 1758. British Isles Bee Breeders' Association, 1990.
- Stengers I. L'invention des sciences modernes. Paris: Flammarion, 1995.
- Stengers I. Sciences et pouvoirs, la démocratie face à la technoscience. Paris: La Découverte, 2002.
- Vinck D. Sciences et sociétés, sociologie du travail scientifique. Paris: Armand Colin, 2007.
- Walliser B. (Ed.). La distinction des savoirs. Paris: Editions de l'EHESS, 2015.

Research Article

Faugère, E., Dussy, D. Obstacles to Greener Beekeeping in France. An Anthropological Approach. Anthropologies, 2020, no 1, pp. 138-153 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/138-153>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elsa Faugère | <https://orcid.org/0000-0002-0827-6461> INRAE, laboratoire Innovation, Campus La Gaillarde, 2 place Viala, Bat 27, 34060 Montpellier Cedex 02 | elsa.faugere@inrae.fr |

Dorothee Dussy | <https://orcid.org/0000-0002-2986-9434> | CNRS, Centre Norbert Elias | 2 rue de la Charité, 13002, Marseille, France | ddussy@ehess.fr |

Keywords

beekeepers, apiologists, Provence, Varroa mite, brood, knowledge, exchanges

Abstract

Over the last few years the amount of space occupied by bees in the French public debate together with the well-known benefits of the products of their hive has attracted the interest of social scientists. Indeed, bees have become a symbol of the biodiversity crisis. Social scientists, like us, are sometimes invited to join multi-disciplinary projects run by biologists specializing in bees. The aim of such involvement is to help the biologists convince professional beekeepers to make their practices greener, notably with respect to their handling of the Varroa mite. However, the beekeepers we studied in the South of France are not keen to give up their conventional practices. Based on chemical products, these are efficient, simple and cheap as opposed to environmentally-friendly, chemical-free techniques (scraping or removal of the brood), which are seen to be riskier and more complicated to implement. This article describes and analyses these obstacles and the relationship to scientific and non-scientific knowledge they reveal.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
EU project “Innov’Api” (INTERREG ALCOTRA, 2017–2020).

References

- Aureille, M. 2014. *L'abeille cheval de Troie de l'environnement dans l'agriculture* [The Bee, environmental Trojan horse in agriculture]. Mémoire de recherche, Master 2 Risques Sciences Environnement et Santé, Sciences-Po Toulouse.
- Bensaude-Vincent, B. 2004. *Se libérer de la matière? Fantasmies autour des nouvelles technologies* [Free yourself from matter? Fantasies around new technologies]. Versailles: INRA Editions.
- Boudia, S., Henry, E. 2015. *La mondialisation des risques, une histoire politique et transnationale des risques sanitaires et environnementaux* [The globalization of risks, a political and transnational history of health and environmental risks]. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
- Boulier, H. 2019. *Toxiques légaux, comment les firmes chimiques ont mis la main sur le contrôle de leurs produits* [Legal toxicants, how chemical companies got their hands on control of their products]. Paris: Editions la Découverte.
- Bonneuil, C., Pestre, D., (Eds.) 2015. *L'histoire des sciences et des savoirs* [The history of science and knowledge]. Vol 3. *Le siècle des technologies* [Age of Technologies]. Paris: Seuil.
- Callon, M. 1999. Ni intellectuel engagé, ni intellectuel dégaqué: la double stratégie de l'attachement et du détachement [Neither a committed intellectual nor a detached intellectual: the double strategy of attachment and detachment], *Sociologie du travail*, 41: 65–78.
- Chateauraynaud, F., and Torny, D. 1999. *Les sombres précurseurs. Une sociologie de l'alerte et du risque* [The dark precursors. A sociology of warning and risk]. Paris: Editions de l'EHESS.
- Decourtye, A., (Ed.) 2018. *Les abeilles, des ouvrières agricoles à protéger* [Bees, agricultural workers to protect]. Paris: Editions France agricole.
- Demeulenaere, É., Rivière, P., Hyacinthe, A., Balatassat, R., Baltazar, S., Gascuel, J-B., Lacanette, J, et al. et al. 2017. La sélection participative à l'épreuve du changement d'échelle. Trajectoire d'une collaboration entre paysans sélectionneurs et généticiens de terrain [Participatory plant breeding and scale issues. On a collaboration between farmer plant breeders and field geneticists], *Natures Sciences Sociétés*, 25 (4): 336–346.

- Demeulenaere, É. 2018. "Free our seeds!" Strategies of farmers' movements to reappropriate seeds. In Girard, F., Frison, C. (Eds.) *The commons, plant breeding and agricultural research: challenges for food security and agrobiodiversity*, 210–225. London: Routledge (Earthscan Food and Agriculture).
- Eldin, M., Milleville, P. 1989. *Le risque en agriculture* [The risk in agriculture]. Marseille: Editions de l'ORSTOM.
- Faugère, E. 2019. *Le making-of des grandes expéditions, anthropologie des sciences de terrain* [The making-of of the great expeditions, anthropology of field sciences]. Marseille: Editions La Discussion.
- Garnery L., Franck, P., Baudry, E., Vautrin, D., Cornuet, J.-M., Solignac, M. 1998. Genetic diversity of the west European honey bee (*Apis mellifera mellifera* and *A. m. iberica*) II. Microsatellite loci, *Genetics Selection Evolution*, 30 (1): 49–74.
- Glaser, B., Strauss, A. 2010. *La découverte de la théorie ancrée. Stratégies pour la recherche qualitative* [The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research]. Paris: Armand Colin.
- Lamine, C. 2017. *La fabrique sociale de l'écologisation de l'agriculture* [The social fabric of greening agriculture]. Marseille: Editions la Discussion.
- Longchamps, L. 2018. *Anthropologie apicole: enjeux et ressorts des changements de pratiques pour une apiculture durable dans l'espace alpin* [Beekeeping anthropology: challenges and drivers of changes in practices for sustainable beekeeping in the Alpine space]. Master thesis, Aix-Marseille Université, Marseille, France.
- Louveaux, J. 2006. *Les abeilles et l'apiculture; chronique historique de la zoologie agricole française* [Bees and beekeeping; historical chronicle of French agricultural zoology]. INRA, hors collection.
- Rumpala, Y. 2011, De l'objectif de développement durable à la gouvernementalisation du changement. Expressions et effets d'une préoccupation institutionnelle renouvelée en France et dans l'Union Européenne [From the Objective of Sustainable Development to the Governmentalization of Change: Expressions and Effects of a Renewed Institutional Concern in France and the European Union], *Politique européenne*, 33 (1): 119–153.
- Ruttner, F. (Ed.). 1990. *The dark European honeybee: Apis Mellifera Mellifera Linnaeus 1758*. British Isles Bee Breeders ' Association.
- Stengers, I. 1995. *L'invention des sciences modernes* [The Invention of Modern Science]. Paris: Flammarion.
- Stengers, I. 2002. *Sciences et pouvoirs, la démocratie face à la technoscience* [Sciences and powers, democracy in the face of technoscience]. Paris: La découverte.
- Vinck, D. 2007. *Sciences et sociétés, sociologie du travail scientifique* [Sciences and Societies, Sociology of Scientific Work]. Paris: Armand Colin.
- Walliser, B. (Ed.). 2015. *La distinction des savoirs* [The Distinction of Knowledge]. Paris: Editions de l'EHESS.

Рецензии

Ф. Пестей. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbery Academic, 2019.

Цель рецензируемой книги состоит в том, чтобы показать, каким образом в Европе альтернативные пищевые практики служат рамкой для обсуждения “ценностей”. Она опирается на различные этнографические поля, рассматривает широкий спектр альтернативных пищевых инициатив, среди которых: городское садоводство, мелкое фермерство и животноводство, потребительские кооперативы и “овощные корзины”, противодействие господствующим формам потребления – и устанавливает связи между этими различными практиками. В качестве ценностей выступают новые, основанные на солидарности, модели обмена между производителями и потребителями; качественные продукты питания; продовольственная самодостаточность; уважение многообразия и продовольственная справедливость. Европа являет собой идеальное пространство для сравнительного анализа проектов, связанных с продовольствием, поскольку она существует как политическое, экономическое и географическое целое, но по-прежнему включает в себя отдельные государства, истории и культуры. Авторы рецензируемого труда анализируют проекты, призывающие к пересмотру существующих форм производства, распределения и потребления продуктов питания. Одновременно с возникновением новых практик и новых типов отношений мы можем также наблюдать сосуществование материальных и нематериальных ценностей.

Книга состоит из 15 глав, сгруппированных в 4 раздела. Им предшествует введение, написанное двумя соредакторами и задающее общую рамку коллективного труда. Он выдержан в сравнительной европейской перспективе, а в теоретическом плане опирается на положения экономической антропологии, красной нитью проходящие через все тексты. Завершает труд предметно-именной указатель.

Первый раздел посвящен так называемым “просьюмерам”, т.е. производителям-потребителям, и их ценностям. В Португалии городские жители, для которых прежде садоводство и огородничество было индивидуальным или семейным хобби, занятием в свободное время, объединяются в сельскохозяйственных парках, где пытаются сочетать рыночные и нерыночные ценности: *sabor* (вкус) и *saber* (знания, умения). Приведенные в книге выдержки из интервью рисуют противоречивую реальность. Выбор в пользу выращивания высокорентабельных видов овощей и фруктов, порой не используемых в традиционной португальской кухне, некоторые оправдывают расчетом на существенную денежную прибыль. Принятые практики делиться, обмениваться выращенными плодами, добровольно и бескорыстно помогать нуждающимся повышают ценность щедрости, тогда как использование мотокультиваторов, позволяющее избавиться от утомительного вскапывания лопатой, поднимает проблему уважения к окружающим и соблюдения негласных социальных норм. Возникающие конфликты садоводы решают на общем собрании и с помощью управляющего комитета, что является новой формой организации совместной работы. Производство продукции для собственного по-

Филипп Пестей | <http://orcid.org/0000-0002-5194-0794> | ph.pesteil@wanadoo.fr | профессор |
Университет Западной Бретани (3 Rue des Archives, 29238 Brest, France)

Для цитирования: Ф. Пестей. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbery Academic, 2019. // Антропологии/Anthropologies. 2021. № 1. С. 154-158. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/154-158>.

требления, а также для раздачи окружающим, порождает чувство гордости от использования в пищу плодов своего труда и способствует укреплению социальных связей, но в основе этой практики – не создание альтернативной экономики, а такие мотивы, как потребность в физических нагрузках или нежелание сидеть дома в свободное время.

Другая модель “пищевого активизма” рассмотрена на примере Праги. В ней сплетены современные побудительные мотивы – демонстративное потребление, призванное упрочить политический и культурный капитал, – и традиционные, унаследованные от социалистического прошлого практики. Участки при сельских домах – *chaty*, которыми владеет каждый седьмой чех, сегодня возделываются в основном старшим поколением, тогда как дети и внуки используют их чаще для отдыха и развлечений, в том числе в компании друзей. В городах при социализме существовали коллективные сады – *kolonia*, где жители выращивали овощи и фрукты для пополнения своего пищевого рациона. Сегодня эти зеленые пространства теснят застройщики, но все же они еще используются по назначению. Кооператив *Prazelenina* в своих мини-садах выращивает продукцию, известную высокими вкусовыми качествами и пользующуюся поэтому большим спросом и социальным престижем. Помимо производства, члены кооператива организуют также совместный досуг: шашлыки, киновечера, пикники. Более ангажирован политически и сильнее ориентирован на отстаивание альтернативных пищевых ценностей другой кооператив – *Vidimova*.

В Австрийской Штирии, где, начиная с 1970-х гг., отмечается возврат к земле, развиваются практики продовольственного самообеспечения. Их целью является скорее поддержка местного производителя (за счет покупки продовольствия в ближайшей округе), чем самостоятельное производство всего спектра потребляемых продуктов. Фермеры при этом уделяют большое внимание экологии, производя органические продукты. Параллельно распространяется новый жизненный стиль: отказ от микроволновых печей, предпочтение сезонным овощам и фруктам... В целом налицо стремление к равновесию между рынком и собственным производством, к созданию окружающей среды, отвечающей потребностям каждого.

В центре внимания второго раздела – вопросы соотношения цены (как рыночного понятия) и ценности (как понятия морального). Они рассмотрены на примере молочного производства в двух европейских регионах: испанской Галисии и итальянской Сардинии. Растущая концентрация производства молока в руках индустриальных гигантов, ставшая следствием либеральной экономической политики, позволяет им контролировать объемы производства и цены на рынке, разоряя оставшихся мелких производителей. Последние протестуют, требуя заключения новых соглашений о закупках и установления “справедливых” цен. Эти требования приобрели социальное измерение, поскольку подразумевают сохранение привычного образа жизни, достоинства и независимости фермеров и пастухов. В свою очередь государство и промышленники противопоставляют им принцип “устойчивых” цен и вынашивают планы переноса производства в другие регионы. Вопрос качества продукции также является центральным в противостоянии мелкого и крупного бизнеса. Делая акцент на “домашнем” способе производства, фермеры выступают против европейских норм, основанных на санитарии и гигиене. Для одних, таким образом, синонимом качества являются малые объемы производства, для других же – строгое соблюдение нормативов. Например, активисты движения пастухов Сардинии противопоставляют фермерский сыр промышленному, опираясь одновременно на дискурс о “тысячелетней культурной традиции” и на экологические аргументы в духе процесса “возрождения” крестьянства и пастушества, свойственного продовольственному активизму. Понятие “устойчивости” также может интерпретироваться по-разному: для крупных производителей оно означает высокую производительность и максимальную прибыль, тогда

как в небольших сельских сообществах оно имеет также социальную и экологическую составляющую и выражается в принципе “справедливой цены”.

На общеевропейском уровне принятие в 1962 г. Единой сельскохозяйственной политики ЕС за счет применения интенсивных технологий и создания крупных предприятий привело к сокращению сельского населения и в то же время перепроизводству основных продуктов питания (молока, масла...), а также способствовало загрязнению почв и уменьшению биоразнообразия. В ответ на это во многих европейских странах появились крестьянские объединения, преследующие цель совместно с экологами и потребителями противостоять доминирующему продуктивизму. Позже они организовали международное движение “Крестьянский путь” (*La Via Campesina*), которое выработало широкое определение “продовольственного суверенитета”. Совместные усилия производителей, продавцов и потребителей направлены на укрепление местных продовольственных систем в противовес политике, проводимой Всемирной торговой организацией. За 30 лет этому движению удалось сформулировать и широко внедрить социальные ценности и принципы продовольственного суверенитета и “этичного потребления”.

Третий раздел посвящен проблемам солидарности и взаимопомощи между производителями и потребителями. Они рассмотрены на примерах проекта “Продовольственных корзин”, реализуемого в Марсельском регионе Франции, а также деятельности продовольственных кооперативов в Каталонии (Испания) и Салониках (Греция). Речь идет о создании альтернативных, вне рыночных систем распределения продовольственной продукции, исключающих посредника в лице торговых сетей. Эта система, противостоящая индустриальному сельскому хозяйству и модели глобальной экономики, делает возможным возврат к традиционным видам и сортам плодоовощной продукции, которые не берут на реализацию крупные торговые сети, а также восстанавливает прямой контакт производителя с потребителем, выстраивая между ними определенное социальное взаимодействие. Основанная прежде всего на доверии, система достаточно требовательна к производителям, которые должны регулярно поставлять качественную и разнообразную продукцию по разумным ценам, и не решает всех их проблем. Отказываясь от официальной системы сертификации продуктов как чересчур заформализованной и навязанной сверху, группы активистов предлагают в качестве альтернативы местные формы гарантии качества – Систему совместной сертификации (SGP). Однако конкуренция между производителями или их конфликты с потребителями никуда не исчезли, и за благонамеренными речами о справедливом обмене кроется более сложная реальность. Новая модель, созданная как альтернатива традиционной капиталистической системе, не полностью оторвана от нее, увязывая политическое и экономическое воображаемое продовольственных активистов (справедливая торговля, ценности “сообщества”) с рыночными реалиями. Вопреки стремлению противопоставить себя рынку и государству, ассоциации продовольственных активистов вынуждены, тем не менее, использовать созданную до них инфраструктуру: водопроводные и информационные сети, дороги... Появление органических продуктов в крупных и средних торговых сетях создает конкуренцию для кооперативов. И если последние действительно гарантируют определенную стабильность занятости и пропагандируют ценности моральной экономики, основанной на доверии и прямых контактах, то вопрос о том, можно ли действительно относить их к “альтернативной” экономике, остается открытым в виду многообразия их связей с неолиберальной рыночной системой.

Четвертый раздел книги посвящен ценностям потребителей в меняющемся контексте противостояния глобального и локального. На примере Латвии авторы показывают, как ценности, продвигаемые Евросоюзом (в частности, “справедливая торговля”), наталкиваются на не-

довольство конкуренцией, которую импортная продукция создает для местной, произведенной в стране. Вхождение в либеральную экономику заставляет латвийского потребителя считаться с чужими геополитическими и коммерческими интересами, которых он зачастую не понимает, и, живя в бедной стране, воспринимать нормы новой элиты – населения богатых европейских стран. На смену существовавшим при социализме практикам добывания, в обход государства, дефицитных продуктов, о производителе которых никто не задумывался, пришла солидарность с далеким производителем, которому нет дела до бедности местного населения. Постсоветским потребителям трудно признать свою ответственность за плачевное состояние экономик стран глобального Юга, жителям которого они обязаны помогать из чувства солидарности и в ущерб собственным сельхозпроизводителям.

Проблема бедности находится также в центре анализа ситуации в постсоветской Молдове, где после деколлективизации и приватизации 2000-х гг. население, особенно сельское, согласно официальным статистическим данным, сильно нуждается. В то же время, сами сельские жители отказываются признать, что испытывают нехватку продовольствия, и по праздникам их столы ломятся от угощений. Государственная статистика, оперирующая категорией “минимальной потребительской корзины”, не учитывает реалий молдавской экономики (личный труд, взаимопомощь друзей и родственников). Дефицит скорее касается наличных денег, нежели продовольствия. Если же человеку действительно нечего есть, то это рассматривается как следствие его маргинального статуса или неподобающего поведения. Таким образом, качество жизни напрямую зависит в данном случае от социальных ценностей и отношения к труду.

Пища может также служить утверждению идентичности (пример дискуссий относительно мяса “халяль” в мусульманской общине Дании) и межпоколенной передаче культурных ценностей, как это показано на примере афрокарибских мигрантов в Англии: сохранение кулинарных рецептов, приготовление традиционных блюд укрепляют внутрисемейные связи и способствуют созданию общинных сетей вокруг совместного потребления. Семейные праздники, коллективные трапезы в квартале становятся поводом для непринужденного дружеского общения людей разных поколений, которые обмениваются новостями и говорят о своей стране. Культурные центры также стремятся поддерживать кулинарное наследие, культурные связи и здоровое питание, в частности, с помощью развития общественных садов, где люди выращивают овощи, фрукты, цветы.

Автор заключительной главы “Фундаментальная неоднозначность ценности пищи” напоминает читателю, что пища не сводится к ее рыночным аспектам и предлагает остановиться на трех составляющих современного продовольственного активизма: первая – “права человека и социальная справедливость”; вторая – “полезная и здоровая пища” и третья – “забота об окружающей среде”. Обязанность прокормить свою семью и позаботиться о самых слабых, перераспределение остатков всегда были моральным долгом, который институты старались обходить, если беднейшим не хватало еды. Автор настаивает на гибридном измерении продуктов питания, являющихся товаром, нагруженным культурными смыслами, и напоминает, что даже принципы рыночной экономики основаны на определенных ценностях: конфликт заложен в различном понимании этих ценностей. В контексте, когда государства отошли на второй план, уступив место транснациональным корпорациям вполне логично, что продовольствие оказалось на острие протестных движений и альтернативных практик, особенно в развитых странах.

Рецензируемая книга характерна оригинальным подходом к продовольствию – через ценности, которые оно несет, а также особым углом зрения: вниманием к альтернативным практикам, зарождающимся в Европе. Основываясь на двух сторонах ценностей, а именно эмных – цен-

ностях потребителей и различных организаций активистов – и ценностях рыночной экономики, о которых нередко забывают или обходят их молчанием, соредакторы поставили перед собой задачу представить картину во всей ее сложности и нюансах. Это им удалось, поскольку, даже если “альтернативным” практикам уделено больше внимания, чем “господствующей системе”, последняя всегда дается в перспективе и присутствует в анализе в полном объеме. Этот подход, разделяемый всеми авторами, позволил избежать ангажированной этнографии, мифологизирующей альтернативные экономики. Одним из достоинств книги следует признать выявление неоднозначности, явных и скрытых внутренних конфликтов, что стало возможным благодаря полевым исследованиям и включенному наблюдению. Внимание к “обычным людям”, о которых любил писать Дж. Оруэлл, – сильная сторона этнологии, от которой она не должна отходить, – позволяет увидеть не только жестокие последствия рыночной экономики для повседневной жизни, но и несогласованность и противоречивость новых требований, связанных с продовольствием. Можно было бы опасаться, что ограничение рамок анализа одной лишь Европой и сосредоточение на “ценностях” создаст эффект “вариаций на одну тему”. Однако этого не произошло. Разнообразие полей и подходов позволило избежать повторов и однообразия, которые делают чтение утомительным. Исследования, реализованные в бывших социалистических странах (Латвия, Молдавия, Чешская Республика) и анализирующие их переход к рыночной экономике, придают книге определенную оригинальность, а рассмотрение случаев этнических и религиозных меньшинств в европейских странах (Дании, Великобритании) дополнительно усложняют картину. Конечно, теоретический аппарат у разных авторов зачастую схож, и такие понятия, как “моральная” или “этичная” экономика являются частью общего концептуального багажа многих глав. Аналитическая ценность книги могла бы быть еще выше в случае более “социологического” подхода, который позволил бы выявить социальное происхождение активистов, вовлеченных в различные формы протестных действий. Однако это замечание несколько не умаляет интереса приведенных данных и качества их анализа.

Рецензируемая книга позволяет оценить актуальность исследований, связанных с пищей, и в целом обоснованность роста интереса к антропологии питания в последние годы. Сочетание разных уровней масштаба: от геополитики и рыночной экономики до мотивации покупателя, а также множества аспектов: проблемы сертификации сельскохозяйственной продукции, роли ассоциаций производителей, продовольственного активизма в его бесчисленных проявлениях – выглядит уместным и удачным.

Book Review

Pesteil, F. Review of Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbury Academic, 2019. Anthropologies, 2021, no 1, pp. 154-158 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/154-158>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Philippe Pesteil | l'Université de Bretagne Occidentale. 3 Rue des Archives, 29238 Brest, France.

О.Д. Фаис-Леутская. Пищевые ценности Европы в парадигме антропологии. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) *Food Values in Europe*. London: Bloomsbery Academic, 2019.

Сам факт, что редакторами труда “Пищевые ценности в Европе” выступают такие представители *food studies*, как Валерия Синискалки – исследовательница международного движения слоуфуд и сыроварения, и Криста Харпер – опытный “полевик”, проводившая в Венгрии, Португалии и США исследования по продовольственной безопасности и городскому садоводству, а автором *Вступительного слова* – Кэрол Кунихан, ведущий специалист и создательница большинства программных трудов в сфере *food anthropology*, уже вполне красноречиво говорит о значимости этой книги. Более того, ее появление знаменует собой новый уровень развития *антропологии питания*, исследовательского поля, обретающего все большую значимость в современном междисциплинарном научном дискурсе – в силу того, что “пища как предмет стала местом сосредоточения усилий по влиянию на современные экономические процессы и их осмыслению, <...> [она] стала наиболее заметной областью, в которой люди пытаются реализовать альтернативную экономику” (Pratt, Luetchford 2014: 1–3).

Стержневыми в монографии “Food Values in Europe” являются два концепта: 1) *продовольственный активизм* (food activism) – за введенным в научный оборот Кунихан и Синискалки (Counihan, Siniscalchi 2014) термином стоит широкий набор аспектов “поведения” производителей пищи, их попытки изменить контролируемый монополиями существующий порядок производства и распределения в современном мире; 2) *пищевые ценности* (food values) – многозначное понятие, рассматриваемое как в экономическом / рыночном ключе (в том числе как измеряемое ценой), так и в социокультурном – пища предстает как воплощение ключевой человеческой потребности, дара, экологического продукта, скрепы в отношениях, олицетворения убеждений, традиции, духовной и моральной ценности, знак политической и социальной принадлежности, коннотат культурной, религиозной, этнической идентичности.

Труд опирается на данные включенного наблюдения, результаты интервью, объясняющие, как население Европы приводит проповедуемые им ценности в соответствие с альтернативными методами производства и потребления пищи в условиях стран и регионов с различными историей, культурой, социоэкономической спецификой. Следует, однако, заметить, что отдельным главам не хватает “живой” этнографической конкретики исследуемого контекста, которая со значительно большей прямоотой, простотой и убедительностью осветила бы культуру и исповедуемые населением традиционные ценности исследуемых территорий, погрузила бы в мир локальных морали, канонов, стандартов поведения и ментальности – их знание проливает свет на многие механизмы экономических явлений современности, включая продовольственный активизм – и придала бы большую объемность фигурам их акторов, часто выглядящих статистами.

С другой стороны, посвященный, казалось бы, столь “тривиальному”, материальному и повседневному аспекту бытия, как пища, рассматриваемый труд отличается радикальным, весьма политизированным ракурсом и полемическим тоном изложения материала. Отчасти это

Оксана Давидовна Фаис-Леутская, <https://orcid.org/0000-0002-2757-2434> | oxana-fais@yandex.ru | к. и. н., старший научный сотрудник центра европейских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Для цитирования: О.Д. Фаис-Леутская. Пищевые ценности Европы в парадигме антропологии. Рец. на Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) *Food Values in Europe*. London: Bloomsbery Academic, 2019. // Антропологии/Antropologies. 2021. № 1. С. 159-163. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/159-163>.

объясняется самой концепцией *продовольственного активизма*, сопряженной с конкретными действиями по контролю над системой снабжения пищей в глобальном масштабе, а, следовательно, и с вторжением в сферу политики. Но в большей степени политизированный обертон монографии сопряжен со способностью пищи, по словам Р. Уилка, “предельно конкретизировать политические вопросы”, и *vice versa* – из чего-то “чрезвычайно конкретного и необходимого для выживания превращаться в объект политики” (Wilk 2006: 22).

Отметим также, что текст неоднороден: наряду с большинством глав, выдержанных в лучших традициях антропологии, есть и те, в которых политэкономическая риторика преобладает над фактами, и те единичные, в которых довлеет просто риторика; указанный недостаток, однако, является незначительным в сравнении с достоинствами работы.

Итак, труд посвящен многообразию проявлений *продовольственного активизма* в Европе, многоликости *пищевых ценностей*, “точкам пересечения” этих явлений. Сравняются и сопоставляются векторы трансформации продуктов питания и экспериментального переосмысления их производства, распределения и потребления; формы взаимодействия *продовольственных активистов* (городские сады и огороды, фермерские хозяйства, консорциумы пастухов, потребительские кооперативы, “овощные корзины”), их цели, методы “выживания” и сопротивления гегемонии рынка, в том числе то, как они противопоставляют рыночным феноменам человеческий фактор (солидарность, добровольное коллективное творчество); проекты, направленные на “создание” высококачественной местной еды и новых форм взаимоотношений, а также различные категории/ипостаси ценностей.

Начнём с *просьюминговых* ценностей. Хотя разработанный Э. Тоффлером (Toffler 1980) термин *просьюмер* давно вошел в научный дискурс, отметим, что, образованный от слов *producer* и *consumer*, он подразумевает *производителя-потребителя*, участника современного маркетингового процесса, активного потребителя, символ размывания границ между обладателями средств производства и покупателями; неслучайно термин *просьюмеризм* иногда переводят как “производство для себя”.

Иллюстрации такого рода ценностей красноречивы и разнообразны. В их число входит, например, и кейс превращенного в “сельскохозяйственный массив” (Parque Agrícola) парка в Лиссабоне (с. 17–32), знакомящий с опытом горожан-садовников, выращивающих овощи для “себя”, а заодно – с формами их сотрудничества, способами разрешать конфликты, интерпретировать и ре-интерпретировать многие традиции и важные в локальной системе ценности: *sabor* (вкус, запах, качество пищи), *saber* (знание, опыт, качество), *vizinhança* (добрососедство, или сосуществование). Другой пример – опыт постсоциалистической Чехии (с. 33–47), позволяющий сравнить виды проектов по обеспечению продуктами питания, их историю, социальных акторов, стимулы и традиции деятельности. На этом примере отслеживаются процессы некоммерческого производства свежих продуктов, но также и изменение взглядов, в том числе и политических, людей, занятых в этой сфере, на их труд. Если в прежнюю эпоху частные наделы земли были убежищем от “политического надзора”, то сегодня огородничество в общественных садах набирает популярность как новая форма семейного времяпрепровождения, как экологическая инициатива и новая добровольная “совместность” единомышленников, а также как дань определенной, пусть “здоровой”, но моде, предполагающей высокий спрос на выращенные местные продукты питания. Интерес к “своим” продуктам обусловлен и политикой западных корпораций в отношении бывших социалистических государств, навязывающих некачественные товары жителям Центральной и Восточной Европы и подвергающих потребителей, по словам бывшего премьер-министра Болгарии Б. Борисова, “продовольствен-

ному апартеиду”. Оба кейса демонстрируют важную роль неформальных сетей распределения пищи, но не меньше – “выпадение” этих практик и структур из официального учета и в целом их непризнание “наверху” как эффективной экономической деятельности.

“*Просчитываемые*” ценности апеллируют к случаям, когда производители взвешивают рыночную цену своего продукта, соотнося его с ценностями иного качества (например, моральными) и масштаба, как то: с сохранением окружающей среды или культурного наследия, с качеством пищи или жизни производителей. Свет на этот род ценностей, отличающихся от ценностей монополий и рынка, проливают инициативы мелких производителей, выступающих за продовольственный суверенитет в рамках Европейской координации фермеров (с. 95–112). Другим примером является опыт семейных молочных ферм в Галисии (с. 65–78): отмена квот ЕС и кризис цен на молоко ставят под угрозу их выживание как центров производства, что актуализирует проблему “моральной” ценности молока, соотношение ее с рыночной ценой, пищевой ценностью и ценностями другого рода. Понятия *справедливой цены* (*prezo xusto*) и *качества* в видении фермеров противопоставляются спускаемым “сверху” центральными и региональными правительствами, молочной промышленностью и распределительными компаниями концептам *устойчивой цены* и *качества* в институциональной трактовке. С еще более трагической ноты стартует анализ “молочной” ситуации в Сардинии (с. 79–94), традиционном регионе пастушества, где доведенные до крайности пастухи идут на отчаянные шаги (уничтожение собственных отар) и где исторически господствующая в регионе и представляющая собой ценность культурного и экологического плана “отрасль” практически поставлена на колени “сильными мира сего” в сфере производства и их местными представителями; мы вновь сталкиваемся с конфронтацией двух различных семантических ключей прочтения понятий *выгоды*, *качества*, *сохранения окружающей среды*, *конечного продукта производства* и т.д.

“*Объединяющие ценности*” максимально близко смыкают производителей и потребителей в контексте *экономики солидарности*. Так, пример пищевых активистов из Марсея (с. 115–132) с их “овощными корзинами” показывает, как в рамках “договора солидарности” производители на основе прямого обмена без посредников снабжают потребителей; теми же принципами руководствуются и кооператоры-овощеводы в Каталонии (с. 132–147): они опираются на добровольный труд для коллективного управления производством, “напрямую” поставляют свежие сезонные продукты, устанавливая “солидарные” связи между фермерами и потребителями, увеличивают стоимость труда мелких производителей органической продукции. Поставленные ими вопросы звучат и из уст активистов-волонтеров Греции, обсуждающих ценность своего труда в группах солидарности по раздаче продовольствия.

В монографии основное внимание уделяется производителям; обращение же к “*потребительским ценностям*” фокусирует внимание на реципиентах, их месте и роли в контексте “пищевых” процессов и преобразовании продовольственной системы. На первый план выходит концепт *справедливой торговли*, с его особым вниманием к экспорту в развитые страны из развивающихся. Правда, осуществление ее принципов в постсоциалистических регионах оказывается сложным и проблематичным ввиду многих ментальных стереотипов “из прошлого” у потребителей. Так, в Латвии (с. 163–178) определенные социальные каналы обеспечения “добычи” дефицита в советскую эпоху не работают в условиях рыночной экономики; в контексте же справедливой торговли экзотические продукты теперь приобретаются за большие деньги, что заставляет латышского потребителя скептически относиться к ее принципам. Интересна в этом плане ситуация в Молдове (с. 178–193) – самой бедной стране Европы, с одним из наиболее высоких в мире индексов миграции – где уровень пищевого обеспечения позволяет

преодолевать нехватку денежных ресурсов, а населению страны – не ощущать и не позиционировать себя бедным. Убежденность в том, что “пищу производят не деньги, а работа” сопряжена с несоотнесением понятия бедности с пищей/пищевым достатком и категорическим сопротивлением молдаван ассоциации бедности и голода и аттестации Молдовы как “бедной”. Это обусловлено исторической памятью, сельскими традициями, культом труда и гордостью его результатами, моральным осуждением “неработы”, общинностью, коллективными застольями и чувством локтя, но не в меньшей степени – и чувством национального достоинства и апелляциями к советскому прошлому с его трактовкой коллективизма, отнюдь не вызывающему тотального отторжения, как, например, в странах Балтии.

Внимание в монографии (хотя и явно недостаточное, учитывая актуальность этой проблемы) уделено также месту пищи в жизни иммигрантов в многокультурных обществах: *пищевые потребительские ценности* – маркер их отличия, самоутверждения, идентичности, а употребление традиционной еды – способ поддержать свою “самость”, диаспору, культуру в иноэтническом и инокультурном окружении, особенно в условиях угнетения, сегрегации и изоляции. Так, в городах Британии *карибские пространства*, наряду со “своими” церквями, салонами красоты, похоронными бюро, клубами, включают и пищевые “точки”, в которых мигранты общаются к своим традициям, обретают общность, обеспечивают социализацию наиболее изолированным представителям диаспоры, через пищу восстанавливая контакт с регионом исхода, утверждая идентичность и противостоя отчуждению со стороны социума; еще больше это “возвращение к себе” происходит на домашних кухнях, где правят старшие в семье женщины, готовящие из “своего” сырья, часто выращенного возле дома (с. 163–206). Пищевые ценности могут выступать в качестве маркера и конфессиональных различий; так, в Дании (с. 207–220) потребители-мусульмане сталкиваются с государственным запретом забоя неоглушенного заранее скота, что влечет за собой нарушение норм халяля (и кашрута для иудеев) и с необходимостью делать свой выбор – конфессиональный и гастрономический, что рождает споры о моральных, этических и культурных ценностях, стоящих за ценностями потребительскими.

Разумеется, в рамках одного обзора невозможно охватить всю проблематику, затронутую в монографии, однако очевидно, что, формально посвященная анализу пищи и общественных движений, она фактически “выходит” за рамки этих тем, освещая не только экономические ценности современного общества и инструменты переосмысления производства, потребления, распределения, но на высоком профессиональном уровне “подавая” многие другие, более широкие аспекты человеческого бытия: традиций, культурного наследия, социальных взаимоотношений, моделей поведения, моральных ценностей, эмоций и ожиданий, тем самым полностью отвечая назначению антропологии освещать все аспекты жизни человека во всех измерениях: не только физических, но и социальных, политических, культурных.

Научная литература

Counihan C., Siniscalchi V. (eds.) *Food Activism: Agency, Democracy and Economy*. London: Bloomsbury, 2014.

Pratt J., Luetchford P. Introduction // *Food for Change: The Politics and Values of Social Movements* / Eds. J. Pratt, P. Luetchford. London: Pluto Press, 2014. P. 1–3.

Toffler A. *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*. New York: Morrow, 1980.

Wilk R. *From Wild Weeds to Artisanal Cheese // Fast Food/Slow Food: The Cultural Economy of the Global Food System* / Ed. R. Wilk. Lanham (MD): Altamira Press, 2006. P. 13–28

Book Review

Fais-Leutskaiia, O.D. Europe's Food Values in the Paradigm of Anthropology [Pishhevye cennosti Evropy v paradigme antropologii]. Review of Siniscalchi, V., Harper, K. (Eds.) Food Values in Europe. London: Bloomsbery Academic, 2019. Anthropologies, 2021, no 1, pp. 159-163 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/159-163>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Oxana Fais-Leutskaiia | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.
32a Leninsky prospekt, 119991, Moscow, Russia.

S.V. Kostelyanets. Review of Brachet J., Scheele J. (Eds.) *The value of disorder: autonomy, prosperity, and plunder in the Chadian Sahara*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

The Value of Disorder: Autonomy, Prosperity, and Plunder in the Chadian Sahara strives not just to draw up an anthropological, socioeconomic, and political landscape of the Borkou-Ennedi-Tibesti (BET) region in northern Chad, but in doing so follows the newest trend in African studies appropriate to the field: it looks into the past, present and future of Africa through an African-centered lens. The authors, perhaps, even take this approach a step further, with a focus on this micro-region of marginal global importance in the continent's backwater as a subject rather than an object of history; they have brilliantly demonstrated how geography, natural conditions and cultural traditions of its people – mostly the Tubu but also some cohabiting groups – have made the region a “half-world” – disconnected and aloof yet critical to the stability of neighboring areas, Chad and even the Sahara as a whole.

The book is written by two authors – Julien Brachet, a researcher at the French National Research Institute for Sustainable Development (IRD), whose research interests include migration networks, transport systems and trade, and Dr. Judith Scheele, Director of Studies at the School of Advanced Studies in the Social Sciences (EHESS), who focuses on exchange, mobility, and local and regional interdependence in the Sahara. In 2012, the two France-based authors carried out an impressive twelve-month field study in Chad, principally in the town of Faya-Largeau in the north of Chad, but also visiting Cameroon, which resulted in a series of scholarly papers and eventually in the reviewed book.

As the authors aptly point out in the introductory chapter, the Sahara and the Sahel have attracted immense academic interest in recent years due to the events of the Arab Spring, proliferation of Islamic terrorism and the involvement of Western militaries to address the ensuing instability. Within the dominant historiographic paradigm, however, northern Chad remains a through-passage for extra-regional forces with little agency of its own. J. Brachet and J. Scheele successfully argue for the return of agency, at least in the academic sense, to the people of the region.

There are eight chapters in the book (including the extensive *Introduction* and *Conclusion* sections), broken into numerous sections. The book has excellent organization, structure, and flow; every chapter boasts a thorough introduction and conclusion of its own, and each subchapter has an easily discernible focus, as well as an objective.

Introduction lays out the theme of the book, with its five subchapters devoted correspondingly to what seems to be the five main cross-cutting approaches and factors of the research: a departure from the “trans-Saharan perspective” (p. 8), which had dominated most of the previous scholarly work on the region, and a turn to its endogenous history; a deficit of sources, in particular local, on the history of this “blank area”, which made the present academic endeavor so difficult; the persistence of exogenous negative stereotypes about the residents of BET – the Tubu people; a suggestion by the authors that these stereotypes are upheld by the Tubu themselves, who have even come to take certain pride in their image of raiders and predators; and, finally, a consideration of the aforementioned

Костелянец Сергей Валерьянович | sergey.kostelyanyets@gmail.com ORCID: 0000-0002-9983-9994

Для цитирования: S.V. Kostelyanets. Review of Brachet J., Scheele J. (Eds.) *The value of disorder: autonomy, prosperity, and plunder in the Chadian Sahara*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. // *Антропологии/Anthropologies*. 2021. № 1. С. 164-167. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/164-167>

difficulties as constituting a social phenomenon in itself that deserves scholarly attention, with the authors focusing on the “remoteness” of BET and its “negative connectivity” (p. 39) as some of the principal determinants of the region’s course of development for centuries.

The opening chapter largely focuses on the nexus of nomadic and sedentary traditions of the region’s society, which has come to be described in literature as “pastoral-date-cultivating” (p. 49). The Faya-Largeau oasis presents a truly extraordinary case in this regard: abundant water reserves provide for the cultivation of date trees that require little irrigation, investment or labor, with the latter only necessary during the time of harvest, when nomadic “owners” visit their gardens. Libyan migrants introduced some horticulture to the region, but its contribution to food security has remained very limited. The authors narrate the three incursions of historic importance – that of a Libyan Sufi order, which started in 1899, of the French since 1901, and of Libyan escapees from the Italian occupation (1928–1934) of Southern Libya. In the early 20th century, for geopolitical reasons, the region became an arena of global power and competition, which in fact attracted more resources than it could generate itself. Attempts by the French to reform the colonial administrative system and to develop the regional economy in the interwar period were futile for the most part, but Faya (Faya-Largeau) – the administrative and commercial center of the region – greatly prospered during the Second World War when it became the staging ground for allied attacks on Fezzan in Italian Libya. The last years of the French colonial rule in Chad were marked by half-hearted attempts to improve infrastructure and governance and more vigorous ones – to contain Libyan expansionism. In the course of these events, the region developed a certain kind of “war economy”, where prosperity depended on the level of military presence and the nature of relations between southern Libya and northern Chad.

A history of BET in the post-colonial period is characterized by nearly incessant wars and rebellions, when the historically difficult relation with Libyan neighbors were further complicated by the tensions between Chad’s northern periphery and the central authorities in N’Djamena. In 1965 – the same year the French military retreated from the area – a rebellion broke out in BET. Its foremost cause was excessive taxation by the Chadian government. The authors offer a detailed chronology of the conflict, which ended in the defeat of the insurgents by the combined Franco-Chadian forces in 1971. Next followed the 1973 Libyan invasion of Chad’s border areas, which Tripoli claimed as its own. Until the late 1980s the Libyan government would play a major destabilizing role in Chad, supporting various armed groups and factions in their quest to annex parts of their southern neighbor.

The authors further investigate the region’s linkages to the outside world and the shifts in local identities against the backdrop of an endless inter-faction civil war, which at times echoed the global fault line of the Cold War. The discussion of what it meant to be Arab or Tubu, Libyan or Chadian, rebel or pro-government – of these overlapping ethnic or cultural, economic or political identities – highlights the ambiguity of the dividing lines between armed factions, local tribes, and even regular Libyan and Chadian soldiers. Both the regime in N’Djamena (made up by that time of former BET rebels itself) and the insurgents in Faya could not count on true loyalties and resorted to political repression; civilians who attempted to flee the war zone faced harsh penalties. The Libyan forces were defeated by the Chadian army (indeed, with the help of the French contingent) in 1987. The defeat appears to have paved the way for peace and unity in Chad under the leadership of President H. Habre, a Tubu from Faya.

However, what emerged was an oppressive autocratic regime, which made excessive taxation, extortion under the guise of “a contribution to the war effort” (p. 123) and tribalism its central pillars. The country was no longer at war, but the regime ruled as if it still were. This did not last long: in 1990, Habre was toppled by his close friend and advisor, Idriss Deby, also a northerner, who has now

remained at the helm of the country for over 30 years. Deby largely maintained political continuity and also inherited his predecessor's troubles: armed rebellions would start regularly, usually led by his close allies from northern Chad. When rebels surrounded his palace in 2008, Deby was only saved by an interference of the French army. The main line of argument follows that rebellion has become a career choice in Chad, and especially in BET; here conflicts start not over the region's scarce resources, but in order to gain the ability to generate and redistribute wealth (p. 131-132).

Next the authors delve deep into the discussion of the agricultural sector in BET. Interaction between sedentarists and nomads is its central topic. It is rooted in historically ambiguous landownership and overall dependence. According to the nomads, the sedentarists are descendants of the slaves who had been entrusted with caring for palm trees centuries ago. The authors question this perspective and consider an alternative theory of the historical complementarity of the two groups, which used to exchange herding services for garden produce. Given the lack of local written sources that could prove one or another claim conclusively true or false, the stronger and better connected nomads seemed to have an upper hand in this dispute.

A well-supported thesis by the authors follows that BET locals scorn work and regard it as a "temporary calamity" (p. 153); most of the manual labor in agriculture is now done by immigrants from other parts of the country. It thus seems that the occupational cleavage between the sedentarists and the nomads has become a thing of the past, yet the social cleavage persisted. The authors take on the particularly confusing structure of landownership, which has been shaped by tradition, immigration, conquest, colonialism, and modern politics. A side-effect of this complexity is that, despite their influence and strength, the nomads, who are absent from the oasis for most of the year, are quite vulnerable to land grabs by the sedentarists and have in fact developed a certain fear of "colonization" by the latter (p. 167).

The second economic pillar in BET is the exchange of goods. Just as BET locals are uneager to engage in agriculture, they also leave trade to foreigners. According to the authors, the explanation for this is the same insecurity of ownership: the accumulation of wealth seems futile in the condition of political and military instability. Despite this, Faya has become a commercial hub for most of the exchange between Libya and Chad. A history of trade in BET in the 20th century and a story of an individual trader is followed by a detailed section on the structure and the distribution of proceeds of trade in the region. The following section is dedicated to the discussion of the largest market for BET exports and men who engage in lucrative transboundary trade (and smuggling). The remaining income generators in Faya include the "garage economy" that caters to truck drivers and taxation – both legal and illegal – by various civilian and military officials.

The social fabric of Faya is further explored when the authors provide the meticulous descriptions of cultural and economic aspects of giving and reciprocity, of raiding and banditry, which have remained ordinary or even honorable occupations among the Tubu, of marital and kin relations and socialization patterns, all of which are characterized by personal autonomy and little relevance of reciprocity.

Having illustrated the socioeconomic and cultural reality on the ground in BET, the authors shed light on the political implications of the region's peculiar disarray. These implications are first studied on a tribal level and in an urban setting; the authors demonstrate how the strive for personal autonomy and independence shapes relations with the state, which is considered an "instrument of resource extraction" (p. 44) rather than a source of governance. It comes as no surprise to the reader that violence among all genders in BET has become not just a social norm, but a marker of Tubu ethnicity. Armed violence and warfare, however, are a nearly exclusive realm of Tubu males, who draw their

resources and prestige either from the government army or rebels or from both.

The book concludes with an exhaustive summary, which reiterates the following key theses of the book: that the BET region is simultaneously disconnected from the outside world and extremely vulnerable to it; that its economic structure, dominated by gathering, herding, extortion and predation, has been central in forming a culture in which hard labor is despised, accumulation of wealth is chancy, but crises and wars present extraordinary opportunities. Overall, the book presents a rather pessimistic perspective of BET: emigration has deprived the region of thousands upon thousands of most ambitious, talented, and entrepreneurial people; in addition, many sons of Tubu are recruited and used as soldiers in armed conflicts around the wider region from Mali to Libya to the Central African Republic.

The book will certainly be of great interest to students not only of African studies or social anthropology, but also to experts in Conflict Resolution, as it has essentially exposed root causes of violence and political instability in the area. The depth and scope of this research are remarkable as it leaves hardly any stone unturned with regard to the social fabric of the Faya-Largeau oasis. Indeed, there is much less analysis of the nomadic life of the Tubu, its socioeconomic character, which can be explained by natural limitations of field research in an inhospitable environment yet leaves something to be desired. Nevertheless, the important contribution of the authors to the study of this remote area, which is particularly high due to the utterly non-biased way in which the research has been carried out, make the work a valuable addition to any collection of books on Saharan societies or Africa in general.

Book Review

Kostelyanets, S.V. Review of Brachet J., Scheele J. The value of disorder: autonomy, prosperity, and plunder in the Chadian Sahara. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. Anthropologies, 2021, no 1, pp. 164– 167 <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2021-1/164-167>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Kostelyanets | Institute for African Studies of the RAS. 30/1 Spiridonovka str., 123001 Moscow, Russia.

Ad memoriam

РЭЙМОНД ФОГЕЛЬСОН (23.08.1933 – 20.01.2020)

В самом начале прошлого 2020 г., в возрасте 86 лет, «после короткой болезни» (Dinwoodie 2021: 1), умер Рэймонд (Рэй) Дэвид Фогельсон. Он родился 23 августа 1933 г. в семье Уильяма Фогельсона и Перл Шварц из нью-джерсийского пригорода Нью-Йорка Ред-Бэнк. Первый профессиональный выбор был сделан им в стенах Уэслианского университета (1955, бакалавриат по психологии). Дальше следовали годы обучения в Пенсильванском университете на департаменте антропологии (1958, магистерская работа «Фокусник в обществе восточных чероки»; 1962, защита докторской диссертации «Игра в мяч у чероки»), знаменитом многими своими профессорами. Из них решающее влияние на молодого Фогельсона оказал А. Ирвинг Хэллоуэлл, который как нельзя лучше подходил под типаж «эволюционировавшего боасовца» (Дж. Стокинг). Впоследствии при фогельсоновской инициативе и в его же редакции выйдут «Избранные статьи» Хэллоуэлла (Fogelson, ed. 1976). Вторым наставником был ученик последнего – психологический антрополог, ведущий ирокезовед Энтони Уоллэс. Вскоре у Рэя с ним появятся совместные публикации (Fogelson, Wallace 1961; 1965).

Тогда же Фогельсон приступил к полевой работе, вначале среди ирокезоязычных восточных чэроки в горах Сев. Каролины (1957, 1958, 1960) – им были посвящены обе его работы, магистерская и докторская (см. также: Fogelson 1971) – затем среди основной части чероки (1966), предков которых переместили в Оклахому, и, наконец у криков Оклахомы (1966, 1986–2000). Он начинал свою карьеру в Филадельфии научным сотрудником Психиатрического института Вост. Пенсильвании (1958–1962), затем преподавал в Вашингтонском университете в Сиэтле и одновременно служил куратором в Музее штата Вашингтон (1962–1965). Под конец своего пребывания на Северо-западе он совершил полевой выезд в соседнюю Британскую Колумбию, к шүшуап (Shuswap) – коренному населению Плато.

Но прежде всего имя Рэя Фогельсона ассоциируется с департаментом антропологии Чикагского университета, куда вкупе с Мелфордом Спайро его взяли в 1965 г., чтобы усилить психологическое направление, и где он проработает вплоть до 2011 г. Дж. Стокинг полагал, что историческое деление Чикаго на северную и южную половины, из-за того, что так проходит железная дорога, некогда принесшая мегаполису экономическое процветание, оказалось фатальным в структурировании местной антропологии: появились два центра притяжения, в Эванстоне Северо-Западный университет, а на юге – Чикагский. В последнем профессура старалась селиться у кромки кампуса и в красивом и спокойном Гайд-парке, потому что сразу за ними и вплоть до стадиона «Шикаго Буллс» до сих пор тянется разруха гетто, скрытая романтическим названием Woodlawn ('Лесная лужайка'). Кварталы при университете были буквально перенаселены Нобелевскими лауреатами и прочими интеллектуальными знаменитостями, как доктора права Барак и Мишель Обама. Бернард Бом (Baum), ученик лидера чикагских антропологов Сола Тэкса, рассказывал, что тот, живя в Гайд-парке, каждый раз ездил в метро за кошерными продуктами на север, на русско-еврейскую Девон-авеню. Женившись на Карен Лакриц (Luckritz), Фогельсон наоборот обосновался в северном Чикаго, и ему надо было через весь город пробираться на работу. Нравы Рэя никак не назовешь ортодоксальными:

он любил выпить, а о специфическом, присущем ему чувстве юмора коллеги и студенты слагают легенды.

Его неоднократно звали в различные университеты приглашенным профессором – в Техасский в Остине (1972–1973), в Калифорнийский в Сан-Диего (1977, 1979) и Санта-Круз (1981), в Принстонский (1984, 1992, 1998). Разумеется, Фогельсон входил в Американскую антропологическую ассоциацию (AAA) и такие ее аффилиаты, как нью-йоркское Американское этнологическое общество, Общества медицинской антропологии и психологической антропологии, Южное антропологическое общество. В главном органе AAA журнале “American Anthropologist” он возглавлял отдел книжных рецензий (1966–1970), а также избирался президентом Антропологического общества Сиэтла (1964–1965), Антропологического общества Центральных штатов/CSAS (1983–1984) и Американского общества этноистории/ASE (1987–1988).

Действительно, став одним из ярчайших представителей т.н. этноистории, делавшей поправку на то, что “natives”, старый объект исследования антропологов, трансформированный европейским колониализмом, больше уже не являются «народами без истории»; Фогельсон существенно обновил методологию этого течения, набравшего тогда силу. Еще в 1960-е он призвал превратить нашу науку в «этно-этнологию» (Fogelson 1962), подразумевая, что в своей работе мы обязаны полнее учитывать взгляды тех, кого изучаем. Позднее акцент стал им делаться на «историческое сознание и дискурсы» самих “natives”, что привело к появлению еще одной, однако, по-прежнему хорошо принятой исследователями метафоры – «этно-этноистория». Мне самому доводилось слышать, как на остроумно сформулированную новую идею опирались докладчики на собрании CSAS, например, Майкл Мур из Индианского университета (Moore 1999), затронувший тему влияния резервационной системы расселения лакота на их представления об общине, пространстве и месте.

В 1988 г. в Уильямсберге, шт. Вирджиния, президент ASE Фогельсон выступил с самым известным своим программным заявлением «Этноистория событий и несобытий» (Fogelson 1989). В нем событиям, попадающим в поле зрения исследователя, были противопоставлены скрытые от него, но часто существенные для изучаемого сообщества *несобытия* (nonevents) – важные (политически) для первого, и не признанные членами второго; произошедшие, но незамеченные, нераспознанные (протекающие латентно); воображаемые, мифические, но реальность которых с упорством доказывают, например, в пророчествах и, пересказывая слухи, обрастающие все новыми и новыми «подробностями», либо наоборот «воплощенные» в реальности, но виртуальной; наконец, события, стертые из памяти, травмирующие и сознательно вытесненные впечатления о прошлом. Сам Рэй сравнивал свое «открытие» с пьесой дзэн-мыслящего американского композитора Джона Кейджа «Тишина» (ibid.: 133), точнее «0’00”» или «4’33” No. 2». О важности тишины в коммуникации задумывался еще Э. Сэпир, когда наблюдал как вишрам могут ходить друг к другу в гости, не проронив ни слова. Если продолжать эту аналогию, то смысловозначительную, нейтрализующую функцию отсутствия чего-либо призвана описывать концепция нулевой степени письма Р. Барта. Однако у Фогельсона *несобытия*, или лучше события в себе, являются таковыми лишь преимущественно для внешнего наблюдателя. Точно так же, и эта плодотворная мысль ученого была быстро подхвачена его учениками, например, выходцем из СССР Сергеем Каном, который выискал ряд похожих ситуаций в истории взаимоотношения коренных жителей бывшей Русской Америки с белыми. Так, в 1879 г. разгорелся конфликт между членами тлинкитского клана Kiks.ádi и населением городка Ситка (Ново-Архангельск), прекращенный начальником индейской полиции и одновременно главой другого

клана Каагваантаан. В отчетах это фигурировало как незначительный эпизод внутритлинкитских распрей, однако «русское» большинство (потомки креолов русско-алеутского происхождения), напуганное былыми враждебными отношениями с местными, ждало, что он перерастет в рейд «кровожадных дикарей» с целью захвата рабов для человеческих жертвоприношений на потлаче – очевидное *несобытие*, по Фогельсону (Кан 2019: 173–174).

В Чикаго, как мы уже видели, и без того готовый к более чуткому восприятию проблем и чаяний коренных американцев, он подпал под влияние «антропологии действия» (Action Anthropology) Тэкса, выступавшего за укрепление суверенитета индейских наций (резервационных общин). Как следствие Фогельсон, обучавший антропологии «национальные кадры», быстро превратился в своего рода специалиста № 2, а может и № 1 в индеанистике. В ряду прочего он редактировал том «Юго-восток» и написал в нем ряд разделов, в том числе о восточных чероки (Fogelson, ed. 2004), в 20-томном Справочнике по североамериканским индейцам, выпускаемом Смитсоновским институтом. Кроме того, как эксперт он участвовал в Сенатских слушаниях по вопросу федерального признания трехчасового изолята ламби Сев. Каролины в качестве еще одной индейской нации (Fogelson 1988). Заслуги Рэя на этом поприще были высоко оценены самими “natives”, и он обрел членство в группе одной из танцевальных площадок (stomp ground) ежегодной церемонии буск в Оклахоме, но, как специально подчеркивает Дэвид Динвуди (Dinwoodie 2021: 1–5), никогда не использовал этого в своей профессии, очевидно, понимая всю интимность такого признания. Когда в январе 1999 г. в Музее Филда состоялась публичная лекция известного писателя-кайова Скотта Момадея, то присутствие на ней Рэя концентрированно представляло всю принимающую сторону, а его ученица выступила сразу за приветственной речью директора музея.

В мае того же года мне посчастливилось взять у него интервью, к сожалению, так и оставшееся нерасшифрованным из-за технических проблем. Я только что вернулся из поездки по индейским резервациям соседнего Висконсина. Кабинет Рэймонда Фогельсона располагался на втором этаже здания Департамента антропологии (Haskell) Чикагского университета. В лестничном проеме – тотемный столб, вывезенный с Северо-западного побережья. Рядом офисы не менее знаменитых Маршалла Салинса, Джорджа Стокинга, Нормана Мак-Коуна... Среди пухнувших книгами стеллажей, расставленных не только по стенам, но и в центре комнаты, оттого не такой уж просторной, как у соседей, полный невысокий седой человек в рубашке и галстук-боло провел с нами, мной и моим гидом-выпускником того же университета, несколько часов. Говорили про состояние изучения американских индейцев в США и Европе, подвижничество одиночки, венца Кристиана Фееста, недавнее исследование эскимосов-нетселик, предпринятое Бэликси – стамбульским болгаринцем Асеном Балыкчи (Balıkcı). На прощание Рэй подарил брошюру об Альфонсо Ортисе (1939–1997) из охке-овинге (пуэбло Сан-Хуан) – еще одном своем докторанте, выдающемся антропологе, но, как говорят, непростом человеке.

В последние годы Фогельсон много прожил в Блерсвилле, шт. Джорджия, городке, где еще до этого поселилась его сестра Флоренс Бламберг. Там он и умер, однако поминальная служба проходила в Чикаго. В память о Рэе его семья попросила никого не тратить на покупку традиционных для такого случая траурных венков и букетов, а посылать все средства прямо восточным чероки. Насколько мне известно, на ноябрьском собрании ASE специальную секцию в его честь запланировал провести С. Кан.

Использованная литература:

- Dinwoodie D.* Raymond D. Fogelson (1933–2020) // *Journal of Anthropological Research*. 2021. Vol. 77 (1). P. 1–5.
- Fogelson R.D.* Ethno-ethnology // *Bulletin of the Philadelphia Anthropological Society*. 1962. P. 10–17.
- Fogelson R.D.* The Cherokee Ballgame Cycle: An Ethnographer’s View // *Ethnomusicology*. 1971. Vol. 15 (3). P. 327–338.
- Fogelson R.D.* Testimony to the U.S. Senate Select Committee on Indian Affairs and H.R. Committee on Interior and Insular Affairs on Recognition of the Lumbee Indians // S.2672 Congressional Record. 1988. P. 19–21, 77–84.
- Fogelson R.D.* The Ethnohistory of Events and Nonevents // *Ethnohistory*. 1989. Vol. 36 (2). P. 133–147.
- Fogelson R.D.* (Ed.). A. Irving Hallowell, Contributions to Anthropology: Selected Papers of A. Irving Hallowell. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Fogelson R.D.* (Ed.) Southeast. Handbook of North American Indians. Vol. 14. Washington, D.C.: Smithsonian Institution: U.S. Government Printing Office, 2004.
- Fogelson R.D., Jackson J.B.* Introduction // Southeast. Handbook of North American Indians. Vol. 14. Washington, D.C.: Smithsonian Institution: U.S. Government Printing Office, 2004. P. 1–13.
- Fogelson R.D., Jackson J.B., Sturtevant W.C.* History of Ethnological and Linguistic Research // Southeast. Handbook of North American Indians. Vol. 14. Washington, D.C.: Smithsonian Institution: U.S. Government Printing Office, 2004. P. 31–47.
- Fogelson R.D.* Cherokee in the East // Southeast. Handbook of North American Indians. Vol. 14. Washington, D.C.: Smithsonian Institution: U.S. Government Printing Office, 2004. P. 337–353.
- Fogelson R.D., Wallace A.F.C.* Culture and Personality // *Biennial Review of Anthropology 1961* / Ed. B.J. Siegel. Stanford: Stanford University Press, 1962. P. 42–78.
- Fogelson R.D., Wallace A.F.C.* The Identity Struggle // *Intensive Family Therapy: Theoretical and Practical Aspects*. Eds. I. Borsymenyi-Nagy, J.L. Framo. New York: Harper & Row, 1965. P. 365–406.
- Kan S.* Raymond D. Fogelson’s “The Ethnohistory of Events and Nonevents” // *Ethnohistory*. 2019. Vol. 66 (1). P. 171–177.
- Moore M.* “So They Tore Their Houses Down and Moved Here to the Bullhead Community ...and We Live Poorly Now”: Effects of Cluster Housing on Lakota Notions of Community, Space and Place // *Annual Meeting of the CSAS, Chicago, April 15–18, 1999 (manuscript)*. 1999.

